

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ph. pol. M2 7 (1)

№ 1 "PAROLE LIBRE" 1898
Recueil périodique
Redacteur P. BIRUKOFF.

Prix: 2 fr. 50 cent.; 2s.; 1 Fl. 20 Kr.; 2 M.; 1 руб.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. БИРЮКОВА.

слово
№ 1. 2 1898.

ИЗДАНИЕ ВЛАДИМИРА ЧЕРТКОВА.

DÉPOT: 18, Rue de Richelieu, Paris. PRIX: 2 fr. 50c.

1898.

Оглавленіе № 1 „Свободнаго Слова“:

	Стр.
1. Обращеніе къ читателямъ . П. Бирюкова.....	3
2. Cartago delenda est Л. Толстого.....	6
3. О гражданскомъ неповиновеніи. Переводъ съ англійскаго М. А. Гедвилло и Л. Я. Модъ Г. Торо.....	18
4. О свободѣ совѣсти съ краткимъ предисловіемъ редакціи И. Аксакова.....	53
5. Ормуздъ и Ариманъ. Персидское сказаніе А. Аполлова.....	62
6. Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. В. Черткова.....	71
7. Нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности русской администраціи :	
I. Письма студентки В. Величкиной. II. С. М. Костроминъ. III. А. И. Сыцялко. IV. Насиліе надъ духоборомъ. V. Цензура и печать въ Россіи <i>Ред.</i>	159
8. Краткій очеркъ положенія духоборовъ за истекшіи 1897 годъ и до настоящаго времени. Составлено по письмамъ самихъ духоборцевъ и ихъ друзей. П. Бирюкова.....	177
9. Три періода въ развитіи священныхъ книгъ. Переводъ съ англійскаго Ц. Винеръ В. Ганнетъ.....	219
10. Библиографія : 1. „Что такое искусство?“ Л. Толстого; 2. „Голодь или не голодь?“ статья Л. Толстого <i>Ред.</i>	257

lib. fol. M2 7/11
"PAROLE LIBRE"
№ 1 Recueil périodique 1898
Redacteur P. BIRUKOFF.

Prix: 2 fr. 50 cent.; 2s.; 1 Fl. 20 Kr.; 2 M.; 1 руб.

с
СВОБОДНОЕ СЛОВО

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІИ

П. И. БИРЮКОВА.

ИЗДАНИЕ ВЛАДИМИРА ЧЕРТКОВА.

V. Tchertkoff.
Purleigh, Essex, England.
1898.

1151/90/537

Physiologische
Stadtbibliothek
MÜNCHEN

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Наша издательская дѣятельность подъ фирмою „Посредникъ“ началась въ Россіи 13 лѣтъ тому назадъ. Тогда это было для насъ однимъ изъ ближайшихъ приложений къ жизни тѣхъ исповѣдуемыхъ нами истинъ, которыя выражались въ желаніи подѣлиться съ русскимъ народомъ своимъ духовнымъ и приобрѣтеннымъ образованіемъ имуществомъ. Новизна этого дѣла, участіе въ немъ Л. Н. Толстого и наша молодая энергія доставили ему успѣхъ.

Но такъ какъ идеи, исповѣдуемыя нами и выражаемыя въ нашихъ изданіяхъ, не были согласны со взглядами правящаго класса, то вскорѣ наши изданія стали подвергаться столь строгой цензурѣ, что продолжать наше дѣло въ томъ видѣ, какъ мы его начали, стало совершенно невозможно; пришлось значительно ограничить содержаніе книжекъ и даже это ограниченное содержаніе съ трудомъ удавалось проводить черезъ цензурные комитеты. Запрещенія цензуры стали доходить до нелѣпостей. Не говоря уже о томъ, что на всѣ писанія Л. Н. Толстого, нашего главнаго сотрудника, была наложена такая печать проклятія, что одно имя его наводило паническій страхъ на цензора, намъ стали запрещать такія вещи, какъ отрывки изъ сочиненій Достоевскаго, сочиненія Гаршина, Потѣхина и др. А духовная цензура запретила даже выдержки изъ сочиненій Тихона Задонскаго, почитаемаго церковью святымъ и наконецъ нагорную проповѣдь Христа,

Carthago delenda est.

„La Vita Internazionale“ и „L'Humanité Nouvelle“ прислали мнѣ слѣдующее письмо :

Monsieur,

Dans le but d'être utile au développement des idées humanitaires et de la civilisation, „la vita Internazionale (Milan) avec l'appui de „l'Humanité Nouvelle“ (Paris et Bruxelles), a cru devoir s'intéresser au difficile problème qui dernièrement s'est montré dans toute sa gravité et son importance à cause de la délicate question pour laquelle la France et le monde entier se sont passionnés si vivement : nous voulons parler du problème de la guerre et du militarisme. A cette fin, nous prions tous ceux qui en Europe dans la politique, les sciences, les arts, dans le mouvement ouvrier, parmi les militaires mêmes occupent la place la plus éminente, de contribuer à cette oeuvre hautement civilisatrice en nous envoyant les réponses au questionaire suivant:

1.—La guerre parmi les nations civilisées est-elle encore voulue par l'histoire, par le droit, par le progrès ?

2.—Quels sont les effets intellectuels, moraux, physiques, économiques, politiques, du militarisme ?

3.—Quelles sont les solutions qu' il convient de donner, dans l'intérêt de l'avenir de la civilisation mondiale, aux graves problèmes de la guerre et du militarisme ?

4.—Quels sont les moyens conduisant le plus rapidement possible à ces solutions ?*)

*) Чтобы быть полезнымъ развитію человѣчныхъ и цивилизаторскихъ идей, „La Vita Internazionale“ (Миланъ) при содѣйствіи „L'Humanité Nouvelle“ (Парижъ и Брюссель) сочла своимъ долгомъ принять участіе въ рѣшеніи трудной задачи, которая недавно выступила во всей своей значительности по

Не могу скрыть того чувства отвращения, негодованія и даже отчаянія, которое вызвало во мнѣ это письмо. Люди нашего христіанскаго міра, про-свѣщенные, разумные, добрые, исповѣдующіе законъ любви и братства, считающіе убійство ужаснымъ преступленіемъ, неспособные, за самыми рѣдкими исключениями, убить животное, всѣ эти люди вдругъ, при извѣстныхъ условіяхъ, когда эти преступления называются войной, не только признаютъ должнымъ и законнымъ разореніе, грабежъ и убійство людей, но сами содѣйствуютъ этимъ грабежамъ и убійствамъ, готовятъ къ нимъ, участвуютъ въ нихъ, гордятся ими. При этомъ повторяется всегда и вездѣ одно и то же явленіе, а именно то, что огромное большинство людей, всѣ рабочіе люди, тѣ самые, которые производятъ грабежи и убійства и несутъ всю тяжесть этого дѣла, не затѣваютъ, не приготавливаютъ, не желаютъ этихъ убійствъ, а участвуютъ въ нихъ противъ своей воли, только потому, что они поставлены въ такое положеніе и такъ настроены, что имъ кажется, каждому отдѣльно, что имъ будетъ хуже, если они откажутся отъ участія въ этихъ грабежахъ и убійствахъ и приго-

поводу щекотливаго вопроса, живо взволновавшаго Францію и весь міръ; мы говоримъ о войнѣ и о милитаризмѣ. Поэтому мы просимъ всѣхъ людей, занимающихъ видное мѣсто въ Европѣ, въ области политики, науки, искусства, въ рабочемъ движеніи и даже среди военныхъ, присоединиться къ этому высоко цивилизаторскому дѣлу и прислать намъ отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1.—Требуютъ ли войны между цивилизованными народами исторія, право, прогрессъ?

2.—Каковы послѣдствія милитаризма — интеллектуальныя, нравственныя, физическія, экономическія и политическія?

3.—Каковы должны быть рѣшенія вопросовъ войны и милитаризма для пользы будущаго всемірной цивилизаціи?

4.—Каковы средства, ведущія скорѣйшимъ путемъ къ такимъ рѣшеніямъ?

товленіяхъ къ нимъ; затѣваетъ же, приготовляетъ эти грабежи и убійства и заставляетъ рабочий народъ совершать ихъ — очень незначительное меньшинство, живущее въ роскоши и праздности на труды рабочихъ. Обманъ этотъ происходитъ уже давно, но въ послѣднее время дерзость обманывающихъ дошла до послѣдней степени: большая доля произведеній труда отбирается у рабочихъ и употребляется на приготовленія къ грабежамъ и убійствамъ. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ Европы сами рабочіе, всѣ безъ исключенія, призываются къ участию въ этихъ грабежахъ и убійствахъ, умышленно усложняются все больше и больше международныя отношенія, долженствующія привести къ войнѣ, разграбляются безъ всякаго повода, мирныя страны, каждый годъ гдѣ нибудь грабятъ и убиваютъ и всѣ живутъ подъ постояннымъ страхомъ всеобщаго взаимнаго грабежа и убійства. Казалось бы, очевидно, что если происходитъ такое явленіе, то происходитъ оно отъ того, что большія массы обмануты меньшинствомъ, которому выгоденъ этотъ обманъ, и что потому первое дѣло тѣхъ, которые хотятъ избавить людей отъ бѣдствій этихъ взаимныхъ грабежей и убійствъ, должно состоять въ томъ, чтобы разоблачить обманъ, въ которомъ находятся массы, указать массамъ, какъ совершается обманъ, чѣмъ онъ поддерживается и какъ освободиться отъ него. Но просвѣщенные люди Европы не дѣлаютъ ничего подобнаго, а подъ предлогомъ содѣйствія установленію мира сначала собираются то въ одномъ, то въ другомъ городѣ Европы и съ серьезнѣйшими лицами садятся за столы и разсуждаютъ о томъ, какимъ образомъ лучше уговорить тѣхъ разбойниковъ, которые живутъ своимъ разбоемъ, чтобы они перестали разбойничать и стали бы мирными гражданами, а потомъ

задаютъ глубокомысленные вопросы : первый о томъ, требуетъ ли (*est elle voulue*) войны исторія, право, прогрессъ, какъ будто выдуманная нами фикція могутъ требовать отъ насъ отступленія отъ основнаго нравственнаго закона нашей жизни ; второй вопросъ — какія могутъ быть послѣдствія войны, какъ будто можетъ быть какое нибудь сомнѣнiе въ томъ, что послѣдствіями войны всегда будутъ всеобщее бѣдствіе и всеобщее развращеніе ; и, наконецъ, третій вопросъ, какъ разрѣшить проблему войны, какъ будто существуетъ какая то трудная проблема о томъ, какъ освободить обманутыхъ людей отъ того обмана, который мы ясно видимъ.

Вѣдь это ужасно. Мы видимъ, на примѣръ, что здоровые, покойные, часто счастливые люди изъ года въ годъ пріѣзжаютъ въ игорные вертепы въ родѣ Монте Карло и оставляютъ тамъ, для выгоды содержателей этихъ вертеповъ, свое здоровье, спокойствіе, честь, часто жизнь. Намъ жалко этихъ людей, мы ясно видимъ, что обманъ, которому подвергаются эти люди, состоитъ въ тѣхъ соблазнахъ, которыми заманиваются игроки, въ неровности шансовъ и въ увлеченіи игроковъ, хотя и знающихъ, что въ общемъ они всегда будутъ въ проигрышѣ, все таки надѣющихся быть хоть одинъ разъ счастливѣе другихъ. Все это совершенно ясно. И вотъ для того, чтобы избавить людей отъ этихъ бѣдствій, мы, вмѣсто того, чтобы указать имъ на соблазны, которымъ они подвергаются, на то, что они навѣрно проиграютъ, на безнравственность игры, основанной на ожиданіи несчастья другихъ, мы съ важными лицами собираемся въ засѣданія и обсуждаемъ вопросы о томъ, какъ бы устроить такъ, чтобы содержатели игорныхъ домовъ добровольно закрыли свои учрежденія, пишемъ объ этомъ книги и задаемъ себѣ вопросы о томъ, не требуютъ ли исторія.

право и прогрессъ существованія игорныхъ домовъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ рулетки : экономическія, интеллектуальныя, нравственныя и др.

Если человѣкъ пьянствуетъ и я ему скажу, что онъ можетъ самъ перестать пьянствовать и долженъ сдѣлать это, то есть надежда, что онъ меня послушается; но если я скажу ему, что пьянство его составляетъ сложную и трудную проблему, которую мы, ученые люди, постараемся разрѣшить въ нашихъ собраніяхъ, то всѣ вѣроятія за то, что онъ, ожидая разрѣшенія проблемы, будетъ продолжать пьянствовать. Тоже и съ ложными и уточненными научными, внѣшними средствами прекращенія войны, въ родѣ международныхъ судилищъ, третейскаго суда и т. п. глупостей, когда мы при этомъ старательно умалчиваемъ о самомъ простомъ и существенномъ средствѣ прекращенія войны, бросающемся въ глаза каждому. Для того, чтобы люди, которымъ не нужна война, не воевали, не нужно ни международнаго права, ни третейскаго суда, ни международныхъ судилищъ, ни разрѣшенія вопросовъ, а нужно только людямъ, подлежащимъ обману, очнуться, освободиться отъ того spell, отъ того колдованія, въ которомъ они находятся. Средство для того, чтобы не было войны, состоитъ въ томъ, чтобы не воевали тѣ, которымъ не нужна война, которые считаютъ грѣхомъ участіе въ ней. Средство это проповѣдовалось съ древнѣйшихъ временъ христіанскими писателями — Тертуліаномъ, Оригеномъ, проповѣдовалось Павликіанами и продолжателями ихъ Менонитами, Квакерами, Гернгутерами; про средство это писали Даймондъ, Гаррисонъ, Балду; вотъ уже скоро 20 лѣтъ тому назадъ, и я всячески разъяснялъ грѣхъ, вредъ и безуміе военной службы. Средство это и примѣнялось уже давно и въ послѣднее время стало особенно часто

примѣняться, какъ отдѣльными лицами въ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Голландіи, Швейцаріи, Россіи, такъ и цѣлыми обществами, какъ квакеры, менониты, назарены и въ послѣднее время духоборы, цѣлое пятнадцатитысячное населеніе которыхъ вотъ теперь уже третій годъ борется съ могущественнымъ русскимъ правительствомъ, не смотря на всѣ страданія, которымъ ихъ подвергаютъ, не уступая ему въ его требованіяхъ участія въ преступленіяхъ военной службы.

Но просвѣщенные друзья мира не только не предлагаютъ это средство, но терпѣть не могутъ упоминанія о немъ и когда слышатъ про него, то дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ или, если и замѣчаютъ, то съ важнымъ видомъ пожимаютъ плечами, высказывая сожалѣніе о тѣхъ необразованныхъ и неразумныхъ людяхъ, употребляющихъ такое недѣйствительное, глупое средство, когда у нихъ есть такое хорошее, состоящее въ томъ, чтобы посыпать соли на хвостъ той птицы, которую хочешь поймать, т. е. уговорить правительства, живущія только насиліемъ и обманомъ, отказаться отъ этого насилія и обмана.

Говорятъ: возникающія между правительствами недоразумѣнія будутъ разрѣшаться судилищами или третейскимъ судомъ. Но правительства вовсе не желаютъ разрѣшенія недоразумѣній: напротивъ — правительства выдумываютъ недоразумѣнія, если ихъ нѣтъ, потому что только недоразумѣнія съ другими правительствами даютъ имъ поводъ содержать то войско, на которомъ основана ихъ власть. Такъ стараются просвѣщенные друзья мира отвести глаза рабочаго, страдающаго народа отъ единственнаго средства, освобождающаго его отъ рабства, въ которомъ держать его съ дѣтскихъ лѣтъ патріотизмомъ, потомъ съ помощью продажныхъ жрецовъ

извращеннаго христіанства, связывая людей клятвой и, наконецъ, пугая ихъ наказаніями.

Въ наше время установившагося близкаго мирнаго общенія между людьми разныхъ народностей и государствъ, обманъ патріотизма, всегда требующій преимущества одного государства или народности передъ другими и потому всегда вовлекающій людей въ бесполезныя и губительныя войны, уже слишкомъ очевиденъ, чтобы разумные люди нашего времени не освобождались отъ него; въ обманъ обязательности религіозной клятвы, явно запрещенной тѣмъ Евангеліемъ, которое исповѣдуютъ правительства, слава Богу, вѣрятъ все меньше и меньше, такъ что дѣйствительнымъ препятствіемъ для отказа отъ участія въ военной службѣ для огромнаго большинства людей есть только страхъ наказаній, налагаемый правительствами за такіе отказы. Но и страхъ этотъ есть только слѣдствіе обмана правительствъ и не имѣетъ никакого основанія, кромѣ гипноза.

Правительства могутъ и должны бояться отказывающихся и, дѣйствительно, боятся ихъ, потому что каждый отказъ подрываетъ тотъ престижъ обмана, въ которомъ правительства держатъ людей, но отказывающимся нѣтъ никакого основанія бояться требующаго преступленія правительства. Отказываясь отъ военной службы, всякій человѣкъ рискуетъ гораздо меньше того, чѣмъ онъ рискуетъ поступая на службу. Отказъ отъ военной службы и наказаніе — тюрьма, изгнаніе есть часто только выгодное страхованіе себя отъ опасностей военной службы. Поступая на службу, всякій человѣкъ рискуетъ тѣмъ, что онъ будетъ участвовать въ войнѣ, для чего онъ и готовится, и на войнѣ попадетъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ, въ самыхъ тяжелыхъ, мучительныхъ условіяхъ, будетъ

какъ приговоренный къ смерти навѣрное убить или изувѣченъ, какъ это я видѣлъ въ Севастополѣ, гдѣ полкъ приходилъ на бастионъ, на которомъ уже было выбито два полка, и стоялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока и этотъ новый полкъ былъ весь уничтоженъ. Другая, уже болѣе выгодная случайность та, что постушившій не будетъ убитъ, но только заболѣетъ и умретъ отъ нездоровыхъ условий военной службы. Третья случайность та, что, получивъ оскорбленіе, онъ не выдержитъ, скажетъ грубость начальнику, нарушитъ дисциплину, и подвергнется наказанію худшему, чѣмъ то, которому онъ подвергался бы, отказавшись отъ военной службы. Самая же выгодная случайность та, что, вмѣсто тюрьмы или ссылки, которой подвергнется отказавшійся отъ военной службы, человекъ проведетъ три или пять лѣтъ своей жизни въ упражненіяхъ къ убійству, въ развратной средѣ и такой же неволѣ, какъ и въ тюрьмѣ, но только въ унижительной покорности развратнымъ людямъ.

Это во первыхъ. Во вторыхъ, отказываясь отъ военной службы, всякій человекъ, какъ это ни невѣроятно, все таки можетъ рассчитывать на то, что ему не придется нести никакого наказанія, что его отказъ будетъ тѣмъ послѣднимъ обличеніемъ обмана правительствъ, вслѣдствіе котораго нельзя уже будетъ наказывать, потому что не найдется уже болѣе настолько одурченныхъ людей, чтобы они могли содѣйствовать наказанію того человека, который отказался участвовать въ ихъ угнетеніи. Такъ что подчиненіе требованіямъ военной службы есть, очевидно, только подчиненіе гипнозу толпы, есть совершенно бесполезное прыганіе Панурговыхъ овецъ въ воду на явную погибель.

Но, кромѣ разчета выгоды, есть еще другая причина, которая должна побудить всякаго свобод-

наго отъ гипноза и понимающаго значеніе своихъ поступковъ человѣка къ отказу отъ военной службы. Каждый человѣкъ не можетъ не желать того, чтобы жизнь его не была безцѣльнымъ, никому ненужнымъ существованіемъ, а была бы служеніемъ Богу и людямъ. Часто человѣкъ проживаетъ жизнь, не находя случая этого служенія. Призывъ къ участію въ военной службѣ есть этотъ случай, представляющійся каждому человѣку нашего времени. Всякій человѣкъ, отказываясь отъ личнаго участія въ военной службѣ, какъ призывающійся или какъ плательщикъ податей тому правительству, которое употребляетъ эти подати на военное дѣло, служить отказомъ этимъ великую службу Богу и людямъ, потому что этимъ отказомъ самымъ дѣйствительнымъ способомъ содѣйствуетъ движенію впередъ человѣчества къ тому лучшему общественному устройству, къ которому стремится и должно придти человѣчество.

Но мало того, что выгодно отказаться отъ участія въ военной службѣ, и что должно это сдѣлать, большинству людей нашего времени, если только они свободны отъ гипноза, *невозможно* не отказаться отъ военной службы. Для всякаго человѣка есть поступки нравственно невозможные, столь же невозможные, какъ невозможны бываютъ дѣйствія физическія. И такимъ нравственно невозможнымъ поступкомъ для огромнаго большинства людей нашего времени, если только человѣкъ свободенъ отъ гипноза, есть обѣщаніе рабскаго повиновенія чуждымъ и безнравственнымъ людямъ, завѣдомо имѣющимъ цѣлью убійство людей. А потому всякому человѣку нашего времени не только выгодно и должно отказаться отъ участія въ военной службѣ, но даже невозможно не сдѣлать этого, если только онъ свободенъ отъ одуренія гипноза.

„Но что же будетъ, когда всѣ люди откажутся отъ военной службы и не будетъ узды и страха на злыхъ, и злые восторжествуютъ, и не будетъ защиты отъ дикихъ — отъ желтой расы, — которые придутъ и завоюютъ насъ.“

Не буду говорить о томъ, что злые уже давно восторжествовали и торжествуютъ, и борясь между собой давно уже властвуютъ надъ христіанами, такъ что нельзя бояться того, что давно уже совершилось, не буду говорить и о томъ, что страхъ передъ дикими и желтыми, которыхъ мы старательно раздражаемъ и обучаемъ войнѣ, есть пустая отговорка, что для воображаемой защиты отъ этихъ дикихъ и желтыхъ достаточно одной сотой части войскъ, которая теперь содержитъ Европа, не буду говорить про это потому, что разсужденія о томъ, что можетъ произойти вообще для міра отъ такого или иного нашего поступка, не могутъ служить руководствомъ нашихъ поступковъ и нашей дѣятельности. Человѣку дано другое руководство, и руководство несомнѣнное — руководство его совѣсти, слѣдуя которому онъ несомнѣнно знаетъ, что дѣлаетъ то, что должно. И потому всѣ разсужденія о той опасности, которая предстоитъ отдѣльному человѣку, отказывающемуся отъ военной службы, такъ же, какъ и о томъ, какая опасность грозитъ міру вслѣдствіе такихъ отказовъ, все это частицы того огромнаго и ужаснаго обмана, которымъ опутано христіанское человѣчество и который старательно поддерживается правительствами, живущими этимъ обманомъ.

Отъ того, что человѣкъ будетъ поступать такъ, какъ велитъ ему его разумъ, его совѣсть, его Богъ, можетъ выйти только все самое хорошее, какъ для него, такъ и для міра.

Люди нашего времени жалуются на дурное течение жизни въ нашемъ христіанскомъ мірѣ. Да развѣ это можетъ быть иначе, когда всѣми нами признанъ въ сознаниіи провозглашенный за тысячи лѣтъ тому назадъ не только основной божескій законъ „не убій“, но и законъ любви и братства всѣхъ людей, и, когда несмотря на это каждый мужчина нашего европейскаго міра на дѣлѣ отрекается отъ этого, признаваемаго имъ основного закона Бога, и по приказанію президента, императора, министра, Николая, Вильгельма, наряжается въ дурацкій костюмъ, беретъ орудія убійства и говоритъ: „я готовъ, — кого велятъ, буду бить, разорять, убивать.“

Каково же должно быть общество, составленное изъ такихъ людей? Общество это должно быть ужасно и, дѣйствительно, оно ужасно.

Опомнитесь, братья, не слушайте вы ни тѣхъ злодѣевъ, которые съ дѣтства заражаютъ васъ дьявольскимъ, противнымъ добру и истинѣ, духомъ патриотизма, нужнымъ только для того, чтобы лишить васъ и вашего имущества, и вашей свободы, и вашего человѣческаго достоинства, ни тѣхъ старыхъ обманщиковъ, которые проповѣдуютъ войну во имя Бога, ими выдуманнаго, жестокаго и мстительнаго и извращеннаго ими лживаго христіанства, ни еще менѣе этихъ новыхъ саддукеевъ, которые во имя науки и просвѣщенія, желая только продолженія существующаго порядка, собираются на собранія, пишутъ книги и говорятъ рѣчи, обѣщая устроить добрую и мирную жизнь людямъ безъ ихъ усилія. Не вѣрьте имъ. Вѣрьте одному своему чувству, говорящему вамъ, что вы не животные и не рабы, а люди свободные, отвѣтственные за свои поступки, и потому не могущіе быть убійцами ни по своей волѣ, ни по волѣ распорядителей, живу-

щихъ этими убійствами. И стоитъ вамъ только опомниться, чтобъ увидать весь ужасъ и безуміе того, что вы дѣлали и дѣлаете, и, увидавъ, перестать дѣлать то зло, которое вы сами ненавидите, и которое губить васъ. А перестанете дѣлать зло, которое сами ненавидите, и исчезнуть сами собой безъ вашего усилія, какъ совы отъ дневнаго свѣта, тѣ теперь властвующіе обманщики, которые сначала развращаютъ, а потомъ мучаютъ васъ, и сложатся сами собой тѣ новыя человѣческія братскія условія жизни, которыхъ жаждетъ уставшее отъ страданій и измученное обманомъ, завязшее въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ христіанское человѣчество.

Пусть только каждый человѣкъ безъ всякихъ хитроумныхъ и сложныхъ соображеній и предположеній исполнить то, что ему въ наше время несомнѣнно говорить его совѣсть, и онъ узнаетъ справедливость словъ евангелія: „Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи отъ Бога ли оно или я самъ отъ себя говорю.“ [Іоанн. VII, 17].

Л. Толстой.

23 Апрѣля 1898 г.

ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОВЕНІЕ.

Предисловіе.

Г. Д. Торо (Henry D. Thoreau) родился въ 1817 году въ городѣ Конкордіи, штата Массачусетсъ. гдѣ въ 1775 году началось возстаніе по поводу ввознаго налога на чай, который Англійское правительство хотѣло наложить безъ согласія населенія Штатовъ.

Американцы, первоначально неохотно боровшіеся противъ страны своихъ отцовъ, впослѣдствіи очень гордились удачнымъ сопротивленіемъ несправедливому требованію правительства, назначившаго налогъ, не соображаясь съ взглядами населенія.

Въ приведенной здѣсь статьѣ Торо напоминаетъ своимъ согражданамъ, что если хорошо противиться несправедливому налогу, то еще лучше противиться такимъ законамъ въ пользу рабовладѣльцевъ, какіе существовали въ то время, когда онъ писалъ, и что люди, чтобы не участвовать въ правительственныхъ насиліяхъ, нравственно обязаны лишить правительство, причиняющее громадное зло, своей поддержки, отказываясь платить налоги и исполнять другія правительственныя требованія.

Читая эту статью, чувствуешь близкое сходство между положеніемъ Соед. Штатовъ въ 40-хъ годахъ, при назрѣвавшемъ вопросѣ о необходимости и о

справедливости рабства, и настоящимъ положеніемъ Россіи при возникающемъ у насъ вопросѣ о необходимости и справедливости обязательной военной службы.

Слѣдуетъ напомнить читателямъ, что рабство не существовало въ самомъ Массачусетсѣ. Торо возмущался дѣйствіемъ своихъ согражданъ, спокойно поддерживающихъ правительство, которое, оправдываясь конституціей и соображеніями о поддержаніи существующаго порядка, издавало законы въ пользу рабовладѣльцевъ Южныхъ Штатовъ и противъ бѣглыхъ рабовъ, и людей, помогающихъ имъ.

Торо писалъ свою статью въ 1849 году.

Въ 1859 году знаменитый Эмерсонъ могъ еще писать :

„Рабство не уничтожится въ наше время“.

Въ 1863 году совершенное уничтоженіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ было торжественно объявлено правительствомъ, вынужденнымъ къ этому силой общественнаго мнѣнія.

* * *

„Чѣмъ меньше правительство управляетъ,—тѣмъ оно лучше“ — съ этимъ мнѣніемъ я вполнѣ согласенъ и желалъ бы видѣть болѣе быстрое и систематическое его примѣненіе на дѣлѣ. Изъ него слѣдуетъ далѣе, что „наилучшее правительство то, которое совсѣмъ не управляетъ“. И это тоже я считаю вѣрнымъ. Когда люди будутъ подготовлены, это будетъ единственный родъ правительства, которое они будутъ признавать. Правительство существуетъ собственно для удобства, но большинство правительствъ обыкновенно, и всѣ правительства по временамъ, являются неудобствами. Возраженія, которыя приводятся противъ постояннаго вой-

ска (а ихъ много, и они достойны восторжествовать) могутъ также быть приведены противъ постояннаго правительства. Постоянное войско есть только орудіе постояннаго правительства. Само правительство является ничѣмъ инымъ, какъ способомъ, избраннымъ народомъ для исполненія его воли, и этотъ способъ, такъ же какъ и войско, можетъ подвергнуться развращенію и злоупотребленію, прежде чѣмъ народъ успѣетъ дѣйствовать черезъ посредство его. Примѣромъ можетъ служить послѣдняя Мексиканская война, бывшая затѣей немногихъ личностей, пользовавшихся правительствомъ, какъ своимъ орудіемъ; въ началѣ же самъ народъ не согласился бы вести эту войну.

Американское правительство ничто иное, какъ традиція, хотя и недавняя, стремящаяся передать себя неприкосновенной потомству, но ежеминутно теряющая свою цѣльность. Оно не имѣетъ силы и жизненности отдѣльнаго живого человѣка, потому что отдѣльный человѣкъ можетъ покорить его своей волѣ. Это нѣчто въ родѣ деревянной пушки для самого народа, но тѣмъ не менѣе оно для него нужно, потому что народъ всегда нуждается въ какой нибудь сложной и шумной механикѣ, чтобы удовлетворить имѣющемуся у него представленію о правительствѣ. Правительства показываютъ такимъ образомъ, какъ успѣшно люди могутъ поддаться обману, или даже обманываться сами для своихъ выгодъ. Наме (американское) правительство никогда не содѣйствовало никакому предпріятію инымъ путемъ, какъ уступая ему съ дороги. Не правительство даетъ свободу странѣ, не оно населяло Западные Штаты, не оно даетъ образованіе народу. Все это сдѣлалось благодаря природному характеру американскаго народа, и было бы достигнуто нѣсколько больше, еслибъ правитель-

ство не становилось иногда поперекъ дороги. Правительство есть приспособленіе, съ помощью котораго люди стараются добиться того, чтобы оставить другъ друга въ покоѣ; и какъ было сказано выше, оно наиболѣе удобно, когда меньше всего мѣшаетъ управляемымъ.

Промышленность и торговля, не имѣй они податливости гуттаперчи, никогда бы не были въ состояніи преодолѣть препятствій, которыя имъ постоянно ставятся законодателями. И еслибъ кто сталъ судить членовъ правительства исключительно по послѣдствіямъ ихъ поступковъ, а не отчасти по ихъ намѣреніямъ, то ихъ слѣдовало бы причислить къ одной категоріи съ людьми, кладущими бревна на рельсы для крушенія поѣзда и наказать наравнѣ съ тѣми.

Но разсуждая практически, и какъ гражданинъ, а не какъ люди, называющіе себя „анархистами“, я прошу не сразу отсутствія всякаго правительства, а *сейчасъ же* лучшаго правительства. Пусть каждый выскажетъ, какое бы правительство вызвало его уваженіе, и это будетъ первый шагъ къ полученію его. Практическая причина того, что въ теченіе долгаго времени большинству позволено управлять, не та, что оно лучше можетъ различить, что хорошо и что дурно, и не та, что меньшинство находить это справедливымъ, а только та, что оно физически сильнѣе. Но правительство, въ которомъ большинство постоянно управляетъ, не можетъ быть основано на справедливости, даже какъ люди понимаютъ ее. Развѣ не возможно такое правительство, въ которомъ не большинство, а совѣсть рѣшала бы, что хорошо и что дурно, въ которомъ большинство рѣшало бы только тѣ вопросы, къ которымъ примѣнимы соображенія объ удобствахъ. Долженъ ли гражданинъ когда либо, хоть

на минуту, отдавать свою совѣсть во власть законодателя? Такъ на что же каждому человѣку дана совѣсть? Мнѣ кажется для того, чтобы мы были сперва людьми, а потомъ подданными. Желательно воспитать уваженіе не столько къ закону, сколько къ справедливости. Единственное обязательство, которое я смѣю взять на себя, есть то, чтобы во всякое время поступать согласно съ тѣмъ, что мнѣ будетъ казаться справедливымъ.

Довольно вѣрно утвержденіе, что у корпораціи нѣтъ совѣсти, но корпорація, состоящая изъ людей, имѣющихъ совѣсть, будетъ корпораціей съ совѣстью. Законъ никогда еще не дѣлалъ людей ни на каплю справедливѣе. Напротивъ, люди, даже съ хорошими намѣреніями, вслѣдствіе своего уваженія къ законамъ, ежедневно помогаютъ въ дѣлахъ несправедливости. Обыкновенное и естественное слѣдствіе чрезмѣрнаго уваженія къ законамъ есть то, что можно видѣть отрядъ солдатъ, полковника, ротмистра, капрала и т. д., марширующихъ въ удивительномъ порядкѣ черезъ горы и долины на войну, противъ своей воли, да и противъ разума и совѣсти, вслѣдствіе чего путь этотъ становится черезчуръ крутымъ и вызываетъ сердцебіеніе. Они не сомнѣваются, что принимаютъ участіе въ проклятомъ дѣлѣ. Всѣ они мирно настроены. Да кто же они наконецъ? Люди ли они, или просто маленькіе движущіеся арсеналы и крѣпости, служащіе волѣ какаго либо безсовѣстнаго человѣка, власть имущаго?

Сходите въ Адмиралтейскую гавань и посмотрите на моряка, и вы увидите, что можетъ сдѣлать изъ человѣка американское правительство. Одну тѣнь и воспоминаніе человѣка, мертвеца живого и стоящаго на ногахъ, но уже, если можно такъ сказать, схороненнаго съ его ружьемъ и съ погребальными обрядами.

Масса служить государству главнымъ образомъ не какъ люди, а какъ машины, своимъ тѣломъ. Изъ нихъ набирается постоянное войско, ратники, тюремщики, полицейскіе и т. д. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь нѣтъ свободного проявленія разсудка или нравственнаго смысла, они ставятъ себя на одинъ уровень съ землею, деревомъ или камнемъ, и можетъ быть, со временемъ будутъ изготовлены деревянные люди, могущіе такъ же хорошо служить для этой цѣли. Подобныя личности не заслуживаютъ большаго уваженія, чѣмъ соломенные куклы. Они имѣютъ достоинство только такое, какъ имѣютъ лошадь и собаки. А между тѣмъ ихъ то обыкновенно и считаютъ хорошими гражданами. Другіе — какъ большинство законодателей, государственныхъ людей, юристовъ, министровъ и чиновниковъ, — служатъ государству главнымъ образомъ головой, и такъ какъ они рѣдко дѣлаютъ какія либо нравственныя различія, то они такъ же легко могутъ, не подозрѣвая этого, служить дьяволу, какъ и Богу. Немногіе, какъ герои, патріоты, мученики, реформаторы, въ великомъ смыслѣ слова, и *моди*, служатъ государству тоже своей совѣстью, вслѣдствіе чего, по необходимости противодѣйствуютъ ему, и обыкновенно считаются его врагами. Умный человѣкъ приноситъ пользу именно только, какъ *человѣкъ*, а не согласится служить замазкой, затыкать дыры, чтобы вѣтеръ не проникалъ; въ крайнемъ случаѣ онъ предоставитъ это своему праху.

Тотъ, кто всецѣло отдается своимъ ближнимъ, представляется массѣ бесполезнымъ эгоистомъ, тотъ же, кто только частью жертвуетъ собой для нихъ, превозносится ими, какъ благодѣтель и филантропъ.

Какъ же подобаетъ вести себя человѣку, по отношенію къ нынѣшнему американскому правительству?

Мой отвѣтъ, что безъ позора онъ не можетъ содѣйствовать ему. Я ни на секунду не могу признать *своимъ* правительствомъ ту политическую организацію, которая управляетъ рабами.

Всѣ (въ Америкѣ) признають, что народъ имѣетъ право на революцію, то есть право отказать въ подчиненіи и возстать противъ правительства, когда тираннія и неспособность его черезчуръ велики и невыносимы. Но почти всѣ говорятъ, что этого нѣтъ въ настоящее время. Однако было такъ во время революціи 1775 года. Если мнѣ скажутъ, что наше правительство нехорошо, потому что накладываетъ пошлины на нѣкоторые иностранные товары, привозимые въ его порты (какъ тогда было), то я, пожалуй, мало бы тревожился по поводу этого, потому что могу безъ нихъ обойтись. Всякая машина имѣетъ свое треніе и возможно, что наша машина (т. е. правительство) приноситъ пользу, уравновѣшивающую его вредъ. Во всякомъ случаѣ поднимать противъ него тревогу было бы большимъ зломъ. Но если вся машина служить для тренія, и угнетеніе и разбойничество организованы, тогда не слѣдуетъ дольше имѣть эту машину. Другими словами, если 6-ую часть націи, обѣщавшей служить убѣжищемъ свободѣ, составляютъ рабы, и когда цѣлая страна несправедливо занята, покорена чужимъ войскомъ и подчинена военному закону, мнѣ кажется, что для честныхъ людей не слишкомъ рано возмущаться и возстать. То, что дѣлаетъ эту обязанность еще болѣе неотложной — это тотъ фактъ, что страна, занятая такимъ образомъ, не наша, а захватившая ее армія наша. *)

*) Въ 1845 году правительство С. Штатовъ захватило Техасъ, вслѣдствіе чего вспыхнула война съ Мексикой, продолжавшаяся до 1848 года.

Пэли (Paley), многими признаваемый авторитетом по нравственнымъ вопросамъ, въ главѣ „Объ обязанности подчиняться Гражданскому Правительству“ сводитъ весь гражданскій долгъ къ удобству. Онъ говоритъ: „пока интересы всего общества требуютъ этого, т. е. пока невозможно перемѣнить или противиться правительству безъ общественнаго неудобства, подчиненіе правительству есть воля Божья, но не долге“. Разъ этотъ принципъ признается, остается только во всякомъ отдѣльномъ случаѣ противленія взвѣсить количество опасности и удобства съ одной стороны и чего будетъ стоить исправленіе зла съ другой. „Объ этомъ, говоритъ онъ, каждый долженъ судить самъ“. Но Пэли по видимому никогда не обдумывалъ тѣхъ случаевъ, гдѣ нельзя ограничиться вопросомъ о томъ, какая мѣра удобнѣе, а гдѣ приходится, какъ народу, такъ и отдѣльному лицу, поступить справедливо, чего бы это ни стоило. Еслибъ я выхватилъ силой доску у утопающаго, моя обязанность возвратить ему ее, хотя бы самому пришлось потонуть. Это по мнѣнію Пэли было бы неудобно. Но тотъ, кто въ этомъ случаѣ хотѣлъ бы спасти жизнь свою, погубить ее. Нашъ народъ долженъ перестать владѣть рабами, перестать воевать съ Мексикой, хотя бы это стоило ему существованія его, какъ народа. На практикѣ народы соглашаются съ Пэли, но неужели кто либо предполагаетъ, что Массачусетсъ поступилъ вполнѣ правильно въ настоящемъ кризисѣ?

Собственно говоря противниками реформы въ Массачусетсѣ являются не 100 тысячъ политиковъ Южныхъ Штатовъ, но 100 тысячъ здѣшнихъ купцовъ и фермеровъ, которые болѣе заинтересованы торговлей и земледѣліемъ, чѣмъ человѣчествомъ, и которые не готовы дѣлать то, что справедливо

по отношенію къ рабамъ и Мексикѣ, *во что бы это имъ ни обошлось*. Я не жалуясь на дальнихъ враговъ, но на тѣхъ близкихъ, которые содѣйствуютъ имъ и поступаютъ по ихъ приказаніямъ, и безъ которыхъ эти дальніе враги были бы безвредны. Мы привыкли говорить, что народная масса еще не подготовлена, но улучшенія бываютъ медленны, потому что меньшинство въ сущности едва умѣе и лучше, чѣмъ массы. Важно не то, чтобы многие равнялись вамъ въ праведности, а то, чтобы гдѣ-нибудь существовала абсолютная праведность, потому что она-то и будетъ закваской для всей мѣры. Есть тысячи людей, которые *въ принципѣ* противъ войны и рабства, но которые ничего не дѣлаютъ, чтобы прекратить то или другое; считая себя дѣтьми Вашингтона и Франклина, они сидятъ сложа руки и, говоря, что не знаютъ, что дѣлать, бездѣйствуютъ. Они даже ставятъ вопросъ о свободѣ, позади вопроса о свободной торговлѣ; спокойно читаютъ, послѣ обѣда, биржевыя цѣны вмѣстѣ съ послѣдними извѣстіями изъ Мексики и, пожалуй, засыпаютъ надъ обоими. Какова нынѣ цѣна честнаго человѣка и патріота? Они колеблются, сожалеютъ, пишутъ иногда прошенія, но ничего не дѣлаютъ съ искреннимъ убѣжденіемъ и серьезнымъ успѣхомъ. Они со своими благими намѣреніями ждуть, пока найдутся другіе, которые исправятъ зло, такъ что имъ не о чемъ будетъ сожалѣть. Въ крайнемъ случаѣ они ограничиваются дешево стоящей подачей голоса, слабой поддержкой и пожеланіемъ успѣха дѣлу справедливости, если имъ приходится съ нимъ встрѣчаться мимоходомъ. Приходится 999 покровителей добродѣтели на одного добродѣтельнаго человѣка. Но легче имѣть дѣло съ настоящимъ владѣльцемъ вещи, чѣмъ съ ея временнымъ хранителемъ.

Всякое голосованіе есть родъ азартной игры, какъ домино или винтъ съ легкимъ нравственнымъ отѣнкомъ, игра въ добро и зло, и въ нравственные вопросы; и естественно, что пари сопровождаютъ эту игру. Подающій голосъ не рискуетъ своей доброй славой. Я подаю голосъ въ пользу того, что считаю, пожалуй, справедливымъ, но то, чтобы справедливость взяла верхъ, не составляетъ для меня вопроса жизни. Я готовъ предоставить это большинству. Обязательность добра при этомъ ограничивается удобствомъ. Даже если человѣкъ подаетъ голосъ за справедливость, онъ ничего не дѣлаетъ для нея. Онъ только слабо выражаетъ людямъ свое желаніе, чтобы она взяла верхъ. Разумный человѣкъ не оставитъ справедливость въ рукахъ случайности, и не пожелаетъ, чтобы она побѣдила силой большинства. Мало найдется добродѣтели въ дѣйствіяхъ массы лицъ. Если большинство подастъ наконецъ голосъ противъ рабства, то это будетъ потому, что они равнодушны къ рабству или же потому, что останется мало рабовъ. Тогда они сами останутся единственными рабами. Голосъ только такого человѣка можетъ приблизить освобожденіе рабовъ, который голосованіемъ своимъ докажетъ свою собственную свободу.

Я слышу, что въ Балтиморѣ, или гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ состоится съѣздъ для выбора кандидата на должность президента. Члены этого съѣзда почти всѣ редакторы газетъ и люди, занимающіеся по профессіи политикой; но мнѣ думается, какое же дѣло независимому интеллигентному, почтенному человѣку до того рѣшенія, къ которому они придутъ? Да развѣ его умъ и честность сами по себѣ не будутъ служить нашему дѣлу? Не можемъ ли мы рассчитывать на нѣсколько независимыхъ голосовъ? Развѣ нѣтъ въ странѣ многихъ

людей, которые не принимаютъ участія въ сѣздахъ? Но нѣтъ: я вижу, что такъ называемый „почтенный“ человѣкъ немедленно измѣняетъ свои мнѣнія и отчаявается въ своей странѣ между тѣмъ, какъ страна имѣетъ скорѣй поводъ отчаяваться въ немъ. Онъ тотчасъ принимаетъ одного изъ выбранныхъ такимъ образомъ кандидатовъ, какъ единственно годнаго, доказывая тѣмъ, что самъ онъ годенъ для любой цѣли профессиональнаго демагога. Голосъ его не имѣетъ большей цѣны, чѣмъ голосъ любого безпринципнаго эмигранта или подкупленнаго туземца. Дайте мнѣ человѣка, который былъ бы дѣйствительно человѣкомъ, и стоялъ бы твердо на ногахъ, не колеблясь отъ каждаго вѣтра. Статистика ошиблась, она преувеличила количество народонаселенія. Сколько у насъ приходится человѣкъ на 100 кв. миль? Едва одинъ. Что-же, развѣ Америка не привлекательная страна для настоящихъ людей? Американецъ исчезъ, остался одинъ добрый малый, отличающійся громадною болтливостью и явнымъ отсутствіемъ разума и спокойной самоуверенности. Первой его заботой по появленіи его на свѣтъ удостовѣриться, что богадѣльни въ порядкѣ; и едва оставивъ школьную скамью, онъ начинаетъ собирать фондъ въ пользу могущихъ быть вдовъ и сиротъ. Однимъ словомъ, онъ только осмѣливается жить въ пользу общества взаимнаго страхованія, которое обѣщаетъ похоронить его прилично.

Посвятить себя истребленію даже самаго громаднаго зла не есть всегда непремѣнная обязанность человѣка. Онъ можетъ быть занятъ другими дѣлами, но онъ по крайней мѣрѣ не долженъ участвовать во злѣ; долженъ перестать его поддерживать раньше чѣмъ перестать о немъ думать. Если я примусь за другія занятія и размышленія, я, по крайней мѣрѣ, не посмѣю предаваться имъ, сидя на

плечахъ другого. Я сперва долженъ слѣзть съ него, чтобы и онъ могъ заниматься своими размышленіями. Взгляните какія ужасныя непослѣдовательности терпятъ у насъ. Я слышалъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ согражданъ говорили другъ другу: „вотъ послали бы меня подавить возстаніе рабовъ или воевать въ Мексику, посмотрѣли бы, пошелъ ли бы я!“ А вѣдь эти самые люди, прямымъ путемъ, посредствомъ своего подчиненія правительству и слѣдовательно косвенно своими деньгами, ставятъ замѣстителя. Солдата, отказавшагося идти на несправедливую войну, хвалятъ тѣ, которые не отказываются поддерживать несправедливое правительство, причиняющее эту войну; велятъ солдату тѣ, авторитетъ которыхъ онъ отвергаетъ и на рѣшеніе которыхъ онъ не обращаетъ вниманія. Это все равно, какъ еслибъ правительство раскаялось до того, что наняло бы кого нибудь хлестать себя розгами, пока оно грѣшитъ, но раскаянье его не было бы на столько сильно, чтобы оно, хоть на минуту, перестало грѣшить. Такъ подъ именемъ Порядка и Гражданскаго Правленія насъ всѣхъ заставляютъ поддерживать нашу собственную низость и преклоняться передъ ней. Когда грѣхъ потеряетъ первый румянецъ стыда, слѣдуетъ равнодушіе; онъ ужъ не кажется безнравственнымъ, а только не нравственнымъ, и не совсѣмъ лишнимъ для жизни, какъ мы ее устроили.

Наиболѣе крупное и распространенное заблужденіе требуетъ для своего поддержанія наиболѣе безкорыстной добродѣтели. Тотъ небольшой упрекъ, которому обыкновенно подвергается добродѣтель патріотизма, относится преимущественно къ самымъ благороднымъ людямъ. Тѣ, которые не одобряютъ мѣръ и характера правительства и въ то же время подчиняются ему и поддерживаютъ его, являются

несомнѣнно наиболѣе добросовѣстной его опорой в нерѣдко самыми серьезными препятствіями для реформы. Нѣкоторые хлопочуть о томъ, чтобы правительство расторгнуло Союзъ Штатовъ и не обращало бы вниманія на требованіе президента. Такъ отчего жъ не расторгнуть имъ самимъ своего союза съ правительствомъ Штата и не отказаться платить своей доли взноса въ его казну? Не находятся ли они въ томъ же отношеніи къ Штату, какъ и Штатъ къ Союзу? И не тѣ же ли причины останавливаютъ Штатъ отъ сопротивленія союзу, которыя останавливаютъ ихъ отъ сопротивленія Штату? Если вашъ сосѣдъ Васъ обманетъ хотя бы на 1 рубль, Вы не успокоитесь сознаниемъ того, что Вы обмануты, ни разговоромъ о томъ, ни даже просьбой, чтобы онъ возвратилъ вамъ деньги, но Вы тотчасъ предпримете рѣшительные шаги, чтобы вернуть себѣ все сполна и предохранить себя отъ дальнѣйшаго обмана. Дѣйствіе по принципамъ, — сознание и соблюденіе справедливости измѣняютъ существующее и измѣняютъ наше отношеніе къ существующему. Оно существенно революціонное и не соглашается вполнѣ съ тѣмъ, что существовало. Оно разъединяетъ не только государства и церкви, но и семейства, даже отдѣльную человѣческую личность, отдѣляя въ ней дьявольское отъ божественнаго.

Несправедливые законы существуютъ. Подчиняться ли намъ имъ или стараться исправить ихъ, а пока это удастся, повиноваться имъ; или же прямо поступать противъ нихъ? При такомъ правительствѣ, какъ наше, люди обыкновенно думаютъ, что имъ надо ждать, покуда удастся убѣдить большинство въ необходимости улучшить эти законы. Имъ кажется, что, если они будутъ противиться, то лѣкарство окажется хуже болѣзни. Но вѣдь пра-

вительство же и виновато, если лѣкарство хуже, чѣмъ сама болѣзнь. Оно то и дѣлаетъ то, что хуже. Зачѣмъ оно не идетъ на встрѣчу и не способствуетъ реформамъ? Почему не дорожить оно своимъ разумнымъ меньшинствомъ? Зачѣмъ сопротивляется оно и вопить прежде, чѣмъ ему повредили? Зачѣмъ оно не поощряетъ гражданъ быть готовыми къ указанію его ошибокъ, а само поступаетъ не лучше, чѣмъ они. Почему оно постоянно распинаетъ Христа, проклинаетъ Коперника и Лютера и называетъ Вашингтона и Франклина бунтовщиками?

Можно бы подумать, что покойное и дѣйствительное отрицаніе законности его власти, есть единственная вина, которую не предусмотрѣло правительство. Иначе зачѣмъ оно не назначило для этого опредѣленнаго, подходящаго и соразмѣрнаго наказанія. Если человѣкъ, не владѣющій имуществомъ, хоть разъ откажется заработать 9 шиллинговъ для государства, онъ заключается въ тюрьму на срокъ неограниченный (на сколько мнѣ извѣстно) никакимъ закономъ и зависящій только отъ произвола заключившихъ его туда. Если же онъ украдетъ у государства 90 разъ 9 шиллинговъ, то для него есть назначенный срокъ, и его скоро выпустятъ на свободу.

Если несправедливость только часть необходимаго тренія государственной машины, — Богъ съ ней. Вѣроятно со временемъ она сама сгладится, во всякомъ случаѣ машина изнашивается. Если же у несправедливости есть какая нибудь пружина, или блокъ, или веревка исключительно для ней самой, то пожалуй можно обдумывать вопросъ, стоитъ ли исправить машину или же оставить ее какъ есть; но если отъ васъ требуется служить орудіемъ несправедливости по отношенію къ другимъ, — мой совѣтъ—нарушить законъ. Пусть жизнь ваша будетъ противодѣйствующею

щимъ треніемъ, останавливающимъ машину. Во всякомъ случаѣ моя обязанность не поддаваться злу, которое я осуждаю въ другихъ.

Что же касается принятія государственныхъ мѣръ для борьбы со зломъ, то я долженъ сказать, что такихъ мѣръ я не знаю. Способы государственные требуютъ столько времени для примѣненія ихъ, что жизни человѣческой на это не хватаетъ. А у меня есть дѣла помимо этого. Я пришелъ на свѣтъ главнымъ образомъ не для того, чтобы сдѣлать его пригоднымъ мѣстомъ для жизни, а чтобы жить въ немъ, будь онъ хорошъ или дуренъ. Человѣкъ не можетъ и не обязанъ *всего* сдѣлать, но онъ долженъ сдѣлать *что нибудь*. А изъ того, что онъ не въ состояніи *всего* сдѣлать, не слѣдуетъ, что онъ долженъ сдѣлать что нибудь дурное. Я не болѣе обязанъ обращаться съ просьбами къ губернатору или правительству, чѣмъ они обязаны обращаться съ тѣмъ же ко мнѣ. Если же я обращусь къ нимъ и они не обратятъ вниманія на мою просьбу, что мнѣ тогда дѣлать? А настоящаго случая государство даже и не предусмотрѣло: вѣдь именно его конституція и есть самое это зло. Можетъ быть, сказанное покажется жестокимъ или упрямымъ; но оно выражаетъ самое доброе и сочувственное отношеніе къ тому духу, который одинъ способенъ заслужить мою симпатію. Таковы всякія переменны къ неизвѣстному лучшему, какъ смерть или рожденіе, которыя терзаютъ тѣло.

Я говорю рѣшительно, что всѣ тѣ, которые называютъ себя „эманципаторами“, должны сейчасъ же и вполнѣ отнять у Массачусетскаго правительства свою поддержку, какъ личную, такъ и имущественную, а не ждать, покуда у нихъ будетъ большинство одного голоса, чтобы дать правдѣ побѣдить съ ихъ помощью. Мнѣ кажется, достаточно имѣть голосъ Бога на своей сторонѣ, чтобы не дожидаться другого

голоса. Человѣкъ, имѣющій болѣе справедливыя понятія, чѣмъ другіе, составляетъ уже большинство.

Съ Американскимъ правительствомъ я имѣю дѣло разъ въ годъ — не болѣе — въ лицѣ собирателя податей. Человѣку въ моемъ положеніи приходится необходимо встрѣчаться съ нимъ только въ этомъ видѣ; и здѣсь оно прямо говоритъ „признавай меня“. Самый простой, самый вѣрный и въ настоящемъ положеніи самый необходимый способъ обращенія съ нимъ и выраженія своего неудовольствія — это не признать его въ этомъ случаѣ. Мой гражданинъ, собиратель податей, и есть именно тотъ человѣкъ, съ которымъ я долженъ имѣть дѣло. Потому что въ сущности я имѣю дѣло съ людьми, а не съ бумагами. Онъ добровольно сдѣлался слугой правительства. До тѣхъ поръ, пока ему ни разу не пришлось задуматься надъ тѣмъ, какъ ему поступать со мной, сосѣдомъ, котораго онъ уважаетъ, какъ съ благонамѣреннымъ человѣкомъ или же какъ съ сумасшедшимъ и нарушителемъ мира, до тѣхъ поръ, пока ему, чтобъ не нарушить нашихъ человѣческихъ отношеній, не пришлось подыскивать менѣе грубыхъ и порывистыхъ выраженій, чѣмъ тѣ, которыя соотвѣтствуютъ его дѣйствіямъ, — до тѣхъ поръ онъ не можетъ понять, что онъ такое и что онъ дѣлаетъ, какъ слуга правительства и какъ человѣкъ.

Мнѣ вполне ясно, что если бы нашлись въ Массачусетсѣ 1000, 100, даже 10 честныхъ людей, даже *одинъ честный* человѣкъ, который, переставъ быть рабовладѣльцемъ, дѣйствительно отказался бы отъ содѣйствія штату и былъ бы за то заключенъ въ тюрьму, этого было бы достаточно для уничтоженія рабства въ Америкѣ. Какъ бы ни было незначительно это начало — дѣло не въ томъ: что разъ сдѣлано хорошо, сдѣлано навсегда. Но мы предпо-

читаемъ говорить, и объявляемъ, что въ этомъ—наша миссія. Реформѣ служатъ множество газетъ, но ни одного живого человѣка.

Если бы мой почтенный сосѣдь, членъ конгресса, который посвятить дни свои защитѣ правъ человѣческихъ въ залѣ законодателей, вмѣсто того, чтобы подвергаться угрозѣ заключенія въ Каролинскихъ тюрьмахъ, прямо явился бы арестантомъ нашего штата, этого Массачусетса, который такъ старается свалить грѣхъ рабовладѣнія на сосѣдній штатъ (хотя до сихъ поръ причиной ихъ ссоры выставляется негостепримство), правительство не оставило бы этого вопроса безъ послѣдствій въ слѣдующую сессию.

При правительствѣ, несправедливо заключающемъ кого либо въ тюрьму, настоящимъ мѣстомъ для всякаго честнаго человѣка является тюрьма. Въ настоящее время лучшее и единственное мѣсто, которое Массачусетсъ оставляетъ для своихъ свободныхъ и наименѣ покорныхъ гражданъ — это тюрьма, куда они такимъ образомъ являются насильственно исключенными изъ числа членовъ и поддерживателей штата, отъ котораго они своими убѣжденіями уже отдѣлились. Тамъ то должны ихъ найти и бѣглый рабъ, и мексиканскій плѣнникъ, и индѣецъ, пришедшій жаловаться на обиды, переносимыя его племенемъ, они найдутъ его на этой отдѣленной, но болѣе свободной, честной почвѣ, куда штатъ помѣщаетъ тѣхъ, кто не согласенъ съ нимъ, въ единственномъ домѣ рабовладѣльческаго штата, гдѣ можетъ съ честью находиться честный человѣкъ. Если нѣкоторые подумаютъ, что тамъ въ тюрьмѣ пропадетъ его вліяніе и что голосъ его не будетъ раздражать ушей правительства, что тамъ онъ не будетъ какъ врагъ, проникшій въ самый лагерь, то думаютъ это люди не

знающіе, насколько правда сильнѣе заблужденія и насколько краснорѣчивѣе и дѣйствительнѣе можетъ бороться съ несправедливостью тотъ, кто самъ испыталъ ее на себѣ. Подайте не одинъ только голосъ свой, не одну только бумажку, но все свое вліяніе. Меньшинство не только безсильно, когда оно подчиняется большинству, — его тогда прямо не существуетъ, — но оно является непреодолимымъ, когда дѣйствуетъ всей своей силой. Если штату придется выбирать одно изъ двухъ: или держать всѣхъ справедливыхъ людей въ заключеніи, или же прекратить воевать и держать рабовъ, онъ не станетъ колебаться въ выборѣ. Если бы тысяча человѣкъ не заплатили податей въ этомъ году, это было бы менѣе кровавой и насильственной мѣрой, чѣмъ если бъ они заплатили и тѣмъ самымъ дали возможность государству совершать насиліе и проливать невинно кровь. Въ этомъ то и состоитъ мирная революція, если таковая вообще возможна. Если бы собиратель податей и какой либо другой слуга правительства меня спросилъ (какъ это сдѣлалъ одинъ) „такъ что жъ мнѣ дѣлать?“ — я бы отвѣтилъ: „Если вы точно хотите что нибудь сдѣлать, откажитесь отъ Вашей должности“. Когда подданный отказался отъ подчиненія власти, а чиновникъ отъ должности, революція уже совершилась. А въ случаѣ если бъ даже пролилась кровь? Развѣ когда совѣсть ранена, это не кровопролитіе своего рода... Черезъ такую рану вытекаетъ настоящее человѣческое достоинство и безсмертіе, — и человѣкъ умираетъ вѣчной смертію. А въ настоящее время я вижу, какъ течетъ эта кровь.

Я говорю здѣсь о тюремномъ заключеніи противящихся, а не о захватѣ ихъ имущества, хотя то и другое ведетъ къ той же цѣли, потому что тѣ, которые провозглашаютъ чистѣйшую справедливость

и которые потому опаснѣе всего для развращеннаго правительства, обыкновенно не потратили много времени на приобрѣтеніе имущества. Такимъ людямъ правительство приноситъ мало пользы и даже небольшой налогъ покажется обременительнымъ, если имъ приходится экстренно зарабатывать его ручнымъ трудомъ. Если бѣ нашелся человекъ, живущій совсѣмъ безъ денегъ, то само правительство колебалось бы требовать ихъ отъ него. Но человекъ богатый всегда продается учрежденію, которое сдѣлало его богатымъ. Положительно, чѣмъ больше денегъ, тѣмъ меньше добродѣтели, потому что деньги становятся между человекомъ и его цѣльями и работаютъ вмѣсто него, а добродѣтель — зарабатывать деньги — невелика. Деньги заглушаютъ много вопросовъ, на которые человеку иначе было бы трудно отвѣтить; единственный новый вопросъ, который онѣ ставятъ, является труднымъ и излишнимъ вопросомъ, какъ лучше израсходовать ихъ. И такимъ образомъ нравственная почва исчезаетъ изъ-подъ него. Случай жить настоящей жизнью уменьшаются соразмѣрно съ тѣмъ, какъ увеличиваются такъ называемыя „средства къ существованію“. Сдѣлавшись богатымъ, лучшее, что можетъ сдѣлать для своего развитія человекъ, — это, стараться провести тѣ планы, которые онѣ имѣлъ, будучи бѣднымъ. Христосъ отвѣтилъ Иродіанамъ, соображаясь съ ихъ положеніемъ: „Покажите мнѣ монету, которою платите подать“, и когда одинъ изъ нихъ вынулъ монету изъ кармана, онѣ сказалъ: „если употребляете монету съ изображеніемъ Кесаря, которую онѣ пустилъ въ обращеніе и которой онѣ далъ цѣнность, т. е. если вы люди государственные и охотно пользуетесь преимуществами, вытекающими изъ Кесарева правленія, тогда оплачивайте ему тѣмъ же, что получили отъ него.“

когда ошъ того требуетъ“. „Отдавайте поэтому Кесарево Кесарю, а Божіе Богу“, сказалъ онъ, оставивъ ихъ въ прежней неизвѣстности, что кому принадлежить, потому что они и не желали этого знать.

Разсуждая съ наиболѣе свободомыслящими изъ моихъ сосѣдей, я замѣчаю, что, что бы они ни говорили о важности вопроса и объ ихъ уваженіи къ общественному спокойствію, — сущность дѣла въ томъ, что они нуждаются въ охранѣ существующаго правительства и опасаются для своего семейства и имущества слѣдствій неповиновенія. Что касается меня, то я не желалъ бы думать, что я когда либо рассчитываю на охрану правительства. Но если я не признаю власти его, когда оно требуетъ съ меня уплаты податей, оно завладѣетъ всѣмъ моимъ имуществомъ и будетъ преслѣдовать безъ конца меня и моихъ дѣтей. Это тяжело. Это дѣлаетъ невозможнымъ для человѣка жить честно и въ то же время покойно въ матеріальномъ отношеніи. Не стоитъ собирать богатства потому что можно быть увѣреннымъ, что ихъ скоро потеряешь. Вы должны пока жить гдѣнибудь, сѣять немного, чтобы тотчасъ же съѣдать. Вы должны жить внутренней жизнью, зависѣть только отъ себя, всегда быть готовы переселиться и не имѣть много дѣлъ. Человѣкъ можетъ разбогатѣть даже въ Турціи, если согласится быть во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ подданнымъ Турецкаго правительства. Конфуцій говоритъ: „Если государство управляется по принципамъ разума, бѣдность и нищета являются позоромъ; если же государство не управляется принципами разума, тогда богатство и почести являются позоромъ“. Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока я въ какомънибудь южномъ портѣ не буду нуждаться въ защитѣ

Штата Массачусетса или пока не поглосхусь въ одномъ стремленіи мирно обогатиться на родинѣ, до тѣхъ поръ я могу не признавать права правительства на мое вѣрноподданство, на мою жизнь и свободу. Всячески мнѣ дешевле обходится подвергнуться наказанію за ослушаніе правительству, чѣмъ повиноваться ему, потому что тогда я потерялъ бы цѣну въ собственныхъ глазахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ правительствомъ по поводу церкви; съ меня оно потребовало уплаты извѣстной суммы на содержаніе пастора, проповѣди котораго слушалъ мой отецъ, но не я. „Плати“, говорило оно, „или ступай въ тюрьму“. Я отказался платить. Но, къ несчастью, другой человекъ счелъ нужнымъ заплатить за меня. Я не могъ понять, почему учитель долженъ платить пастору, а не пасторъ учителю; я не былъ казеннымъ учителемъ, а получалъ плату по добровольной подпискѣ. Почему школъ не требовать податей и государству не поддерживать это требованіе такъ же, какъ оно поддерживаетъ требованія церкви? Впрочемъ, по требованію чиновника, я согласился написать слѣдующее заявленіе: „Пусть всѣ знаютъ, что я, Генри Торо, не желаю считаться членомъ никакого общества, къ которому я не присоединился добровольно“ Это заявленіе я подалъ городскому секретарю, и оно до сихъ поръ находится у него. Правительство, узнавъ, что я не желаю быть членомъ этой церкви, никогда больше не ставило мнѣ такихъ требованій, хотя на этотъ разъ настояло на своемъ. Если бы я смогъ назвать по имени всѣ общества, къ которымъ я никогда не принадлежалъ, то я бы не преминулъ письменно отказаться отъ нихъ всѣхъ, но я не зналъ, гдѣ найти полный списокъ ихъ. Я шесть лѣтъ не платилъ подушнаго налога. По этому поводу меня разъ посадили въ

тюрьму на одну ночь. Во время моего пребывания тамъ, разсматривая каменные стѣны въ 2—3 фута толщиной, дверь деревянную съ желѣзомъ толщиной въ футъ, и желѣзную рѣшетку, затемняющую свѣтъ, я не могъ не поразиться безсмыслиемъ учрежденія, которое смотрѣло на меня, какъ будто я ничто иное, какъ мясо, кровь и кости, которыя можно запереть. Мнѣ показалось страннымъ, что оно, въ концѣ концовъ, не нашло возможнымъ сдѣлать изъ меня лучшаго употребленія, и никогда не вздумало воспользоваться моими услугами въ какомъ нибудь другомъ направленіи. Я ясно увидѣлъ, что если между мной и моими согражданами и есть каменная стѣна, то существуетъ еще другая, болѣе крѣпкая и высокая, черезъ которую необходимо имъ пробраться, чтобы быть свободными, какъ я. Я ни на минуту не чувствовалъ себя лишеннымъ свободы, и мнѣ казалось, что даромъ потратили камень и известку на устройство стѣнъ. Я чувствовалъ, что я одинъ изъ всѣхъ моихъ согражданъ заплатилъ свою подать. Они, очевидно, не знали, какъ поступить со мной, и поступили со мной какъ люди невоспитанные. Въ каждой угрозѣ, въ каждой похвалѣ была ошибка, потому что они думали, что главнымъ моимъ желаніемъ было быть по ту сторону каменной стѣны. Я не могъ не улыбнуться, видя, какъ они тщательно заперли дверь за моими размышленіями, которыя безпрепятственно выходили вслѣдъ за ними, а они то, эти размышленія, и были самое опасное во мнѣ. Не будучи въ состояніи достать до меня, они рѣшились наказать мое тѣло; точно какъ мальчики, которые ничего не могутъ сдѣлать человѣку, на котораго они злы, и потому мучаютъ его собаку. Я увидѣлъ, что правительство полоумно, что оно боязливо, какъ одинокая женщина, стерегущая серебряныя ложки;

что оно не отличаетъ друзей своихъ отъ враговъ, и я потерялъ всякій остатокъ уваженія къ нему и пожалѣлъ его.

Такимъ образомъ правительство никогда умышленно не обращается къ духовной и нравственной сторонѣ человѣка, а имѣетъ дѣло только съ его тѣломъ, съ его пятью чувствами. Оно не обладаетъ ни высшимъ умомъ, ни честностью, а только большой физической силой. Но я рожденъ не для того, чтобы быть насилуемымъ. Я хочу дышать по своему. Посмотримъ, кто изъ насъ сильнѣе. Въ чемъ заключается сила толпы? Только тѣ могутъ принудить меня поступить такъ или иначе, которые повинуются высшему закону, чѣмъ тотъ, которому повинуюсь я. Они принуждаютъ меня сдѣлаться подобнымъ имъ. Я не слыхивалъ, чтобы масса могла принудить свободныхъ людей вести тотъ или иной образъ жизни. Что бы это была за жизнь? Когда я встрѣчаюсь съ правительствомъ, которое говоритъ мнѣ: „кошелекъ или жизнь“, зачѣмъ буду я торопиться дать ему кошелекъ? Оно можетъ находиться въ большой нуждѣ и не знать, что ему дѣлать, но это не мое дѣло. Пусть оно такъ же, какъ я, помогаетъ само себѣ. Не стоитъ ныть по этому поводу. Я не отвѣтствененъ за успѣшное дѣйствіе общественной машины. Я не сынъ машиниста. Если жолудь и каштанъ упадутъ рядомъ, я не замѣчалъ, чтобы одинъ изъ нихъ оставался пассивнымъ, чтобы дать свободу другому, а каждый изъ нихъ будетъ повиноваться своимъ собственнымъ законамъ, — пустить ростокъ и будетъ расти и нрѣсти на сколько это ему возможно, до тѣхъ поръ, пожалуй, пока одинъ случайно не заглушитъ другого.

Если растеніе не можетъ жить согласно своей природѣ, оно умираетъ. Также и человѣкъ.

Ночь въ тюрьмѣ была для меня новостью и ин-

тересовала меня. Когда я вошелъ, заключенные безъ куртокъ наслаждались вечернимъ воздухомъ, разговаривая у открытыхъ дверей, но тюремщикъ сказалъ: „идите, ребята, пора запирать“. Они разошлись, и я слышалъ звукъ ихъ шаговъ, возвращавшихся въ свои пустыя камеры. Тюремщикъ представилъ мнѣ моего товарища по заключенію, какъ „славнаго малаго и умнаго человѣка“. Когда дверь была заперта, мой сожитель показалъ мнѣ, куда повѣсить мою шляпу, и объяснилъ мнѣ, какъ онъ здѣсь устроился. Камеры бѣлились ежемѣсячно, и наше помѣщеніе было самое бѣлѣйшее, самое простое и, пожалуй, самое аккуратное во всемъ городѣ. Товарищъ мой, конечно, пожелалъ узнать, откуда я и какъ попалъ сюда? Я отвѣтилъ ему и въ свою очередь спросилъ его о причинѣ, приведшей его въ тюрьму, предполагая, конечно, что онъ честный человѣкъ, и сравнительно говоря, онъ вѣрно и былъ таковъ. „Вотъ, говоритъ онъ, меня обвиняютъ въ поджогѣ сарая, но я никогда не поджигалъ“. Насколько я могъ судить, онъ въ пьяномъ видѣ легъ спать въ сараѣ и закурилъ трубку, — сарай и сгорѣлъ. Онъ имѣлъ репутацію умнаго человѣка, пробылъ въ тюрьмѣ около 3 мѣсяцевъ въ ожиданіи суда, и еще ему предстояло ждать столько же, но онъ вполне свыкъся съ своимъ положеніемъ и даже былъ доволенъ, такъ какъ имѣлъ столъ и квартиру даромъ, и онъ считалъ, что съ нимъ обращались хорошо.

¶ Онъ занялъ одно окно, а я другое, и я рѣшилъ, что, если кому придется пробыть здѣсь долго, то главнымъ его занятіемъ будетъ смотрѣть въ это окно. Вскорѣ я прочелъ всѣ нравоучительныя книжки, оставленныя тамъ, и рассмотрѣлъ мѣсто, черезъ которое прежнимъ заключеннымъ удалось бѣжать и гдѣ была разъ пропилена рѣшетка; вы-

слушала исторію различныхъ обитателей этой камеры, такъ какъ даже тамъ имѣлась своя исторія и свои сплетни, никогда не выходившіе за предѣлы тюремныхъ стѣнъ. Должно быть, это единственный домъ въ этомъ городѣ, гдѣ пишутся стихи, которые циркулируютъ, но не публикуются.

Мнѣ показали много пѣсенъ, сочиненныхъ какими то молодыми людьми, которыхъ поймали въ то время, какъ они хотѣли бѣжать, и которые за это мстили, распѣвая пѣсни.

Я старался все повыспросить у моего товарища, опасаясь, что никогда больше съ нимъ не встрѣчусь, но наконецъ онъ указалъ мнѣ мою постель, предоставивъ самому потушить лампу. Провести тамъ ночь было что то вродѣ путешествія по далекой странѣ, которой я никогда не думалъ видѣть. Мнѣ казалось, что я никогда раньше не слыхивалъ боя городскихъ часовъ, ни вечернихъ звуковъ города, заканчивающаго рабочій день.

Окна наши по эту сторону рѣшетки были открыты. Я какъ бы видѣлъ свой родной городокъ при средневѣковомъ освѣщеніи, и наша рѣчка Конкордія какъ бы превратилась въ Рейнъ, и видѣнія замковъ и рыцарей проходили предо мной. Это были голоса старыхъ бюргеровъ, которые слышались мнѣ съ улицы. Я былъ невольнымъ зрителемъ и слушателемъ всего, что дѣлалось въ кухнѣ противоположной гостинницы, нѣчто совершенно новое для меня. Я какъ бы ближе видѣлъ свой родной городъ, какъ бы находился совершенно внутри его. До того времени я никогда не видѣлъ его учреждений. Тюрьма моя была однимъ изъ его характерныхъ учреждений, такъ какъ онъ — губернской городъ. Я начиналъ понимать, къ чему стремились его жители.

Утромъ завтракъ былъ намъ поданъ въ отверстіе

въ двери, въ маленькихъ продолговатыхъ жестянкахъ, подходящихъ по размѣрамъ къ отверстию. Онъ состоялъ изъ кружки шоколада и куска хлѣба съ желѣзной ложкой. Когда отъ насъ потребовали обратно посуду, я былъ на столько простъ, что хотѣлъ возвратить хлѣбъ, который я не доѣлъ, но товарищъ схватилъ его и сказалъ, что я долженъ оставить къ завтраку или къ обѣду. Вскорѣ потомъ его выпустили работать на сѣнокосъ въ сосѣднее поле, куда онъ ходилъ ежедневно работать до 12 часовъ. Поэтому онъ простился, говоря, что онъ сомнѣвается, увидимся ли мы еще опять.

По выходѣ моемъ изъ тюрьмы (кто то вмѣшался въ дѣло и заплатилъ подать за меня) я не замѣтилъ большихъ переменъ подобно тому, какъ замѣтилъ бы тотъ, кто попалъ въ тюрьму юношей и вышелъ оттуда старикомъ. Но все было для меня измѣнено — и городъ, и правительство и страна, болѣе измѣнено, чѣмъ могло измѣниться подъ вліяніемъ одного времени.

Я яснѣе разглядѣлъ Штатъ, въ которомъ я жилъ. Я узналъ, насколько можно рассчитывать на живущихъ въ немъ, какъ на добрыхъ сосѣдей и друзей, и увидѣлъ, что ихъ дружба длится только пока все обстоитъ благополучно; что они не особенно заботятся поступать справедливо, что по своимъ предразсудкамъ и суевѣріямъ они такой же далеко отстающій отъ меня народъ, какъ Малайцы или Китайцы; что въ своихъ жертвоприношеніяхъ на алтарѣ человѣчества они ничѣмъ не рискуютъ даже своей собственностью, что наконецъ они не имѣютъ настолько благородства, чтобы поступить съ воромъ иначе, чѣмъ онъ съ ними, и надѣются, что извѣстными внѣшними обрядами, нѣкоторыми молитвами и хожденіемъ отъ времени до времени по извѣстной, прямой, но бесполезной

дорогѣ спасуть свои души. Можетъ быть, я сузу моихъ сосѣдей слишкомъ сурово, потому что, я думаю, многіе изъ нихъ не замѣчаютъ, что имѣютъ такое учрежденіе, какъ тюрьму, въ своемъ городѣ.

Прежде у насъ въ деревнѣ существовалъ обычай, что когда бѣдный должникъ выходилъ изъ тюрьмы, знакомые его кланялись съ нимъ, приставляя къ глазамъ пальцы, сложенные въ видѣ рѣшетки тюремнаго окна. Мои сосѣди не раскланивались со мной такимъ образомъ, но глядѣли сначала на меня, а потомъ другъ на друга, какъ будто бы я вернулся изъ долгаго путешествія. Я былъ посаженъ въ тюрьму, когда я шель къ сапожнику за сапогомъ, который я отдавалъ чинить. Когда же меня выпустили на слѣдующее утро, я пошелъ за тѣмъ же сапогомъ, надѣлъ его и отправился собирать ягоды съ компаніей, которая нетерпѣливо ожидала меня, какъ руководителя. Черезъ полчаса (лошадь была скоро запряжена) я находился среди поля на одномъ изъ вышихъ холмовъ, за 3 версты отъ города, и правительства нигдѣ не было замѣтно. Вотъ вся исторія моего тюремнаго заключенія.

Я никогда не отказывался платить посейный налогъ (heigh way tax) потому что я хочу быть столь же хорошимъ сосѣдомъ, какъ дурнымъ подданнымъ; что же касается до поддержки школь, то я именно теперь работаю надъ воспитаніемъ моихъ согражданъ. Не изъ-за какого нибудь отдѣльнаго параграфа въ податной бумагѣ я отказываюсь платить подать. Я просто желаю отказать въ повиновеніи правительству, отстраниться и на самомъ дѣлѣ не принимать въ немъ участія. Я не интересуюсь знать (еслибъ я даже и могъ), что сдѣлается съ моимъ долларомъ, пока за него покупать человѣка или ружье для убійства человѣка, — долларъ невиненъ, но я озабоченъ послѣдствіями моего

повиновенія. Въ дѣйствительности я въ своемъ родѣ мирно объявляю войну правительству, хотя и все еще буду пользоваться имъ и извлекать изъ него возможныя выгоды, какъ это водится между воюющими сторонами.

Если другіе уплачиваютъ требуемую съ меня подать, *) потому что они симпатизируютъ правительству, то они поступаютъ такъ же, какъ уже поступали, когда платили свой налогъ или, вѣрнѣе сказать, они болѣе поддерживаютъ несправедливость, чѣмъ того требуетъ само правительство. Если же они уплачиваютъ подать изъ-за ошибочнаго доброжелательства къ лицу, отказывающемуся платить, чтобы спасти его имущество или не допустить его до тюрьмы, то это потому, что они не обдумали основательно, насколько они дозволяютъ своимъ личнымъ чувствамъ мѣшать общественному благу.

Таково мое положеніе теперъ. Но въ подобномъ случаѣ человѣку нельзя достаточно остерегаться того, чтобы не дѣйствовать подъ вліяніемъ упрямства или чрезмѣрной заботы о людскомъ мнѣніи. Пусть каждый ограничится исполненіемъ своего личнаго долга и въ настоящую минуту.

Я иногда думаю: что же, у окружающихъ меня людей добрыя намѣренія, они только невѣжественны; они стали бы поступать лучше, еслибы знали какъ, такъ зачѣмъ же дѣлать имъ непріятность, заставляя ихъ поступать со мной, какъ имъ бы не хотѣлось. Но мнѣ опять кажется, что это недостаточная причина для того, чтобы и мнѣ дѣлать то же, что и они и допускать другихъ переносить гораздо большія страданія другого рода.

Иногда также является у меня мысль: если

*) Подать, которую онъ отказывался платить, была за него ушлочена матерью.

много миллионѣвъ людей безъ усердія, безъ злой воли и безъ какихъ бы то ни было личныхъ чувствъ, требуютъ съ меня только нѣсколько рублей, причемъ не имѣють возможности (таково ихъ устройство) взять назадъ или измѣнить это свое требованіе и безъ возможности мнѣ, съ моей стороны, аппелировать къ миллионамъ другихъ людей, — зачѣмъ буду я противиться этой подавляющей стихійной силѣ? Не сопротивляюсь же я такъ упорно холоду и голоду, волнамъ и вѣтрамъ, и спокойно подчиняюсь тысячѣ подобныхъ неизбежностей. Не кладу же я голову въ огонь. Но именно поскольку я считаю это не всецѣло стихійной силой, но отчасти и человѣческой, и сознаю, что я имѣю отношеніе къ этимъ миллионамъ, какъ къ миллионамъ *людей* (а не бездушныхъ вещей), я и считаю возможнымъ протестовать прежде всего и тотчасъ же предъ ихъ Творцомъ, а во вторыхъ предъ ними самими. Но если я добровольно положу голову мою въ огонь, то не можетъ быть и рѣчи о протестѣ предъ огнемъ или предъ творцемъ огня; тогда я могу обвинять только самого себя.

Еслибъ я могъ убѣдить себя, что я имѣю какое-нибудь право быть довольнымъ людьми, каковы они есть, и поступать съ ними, не сообразуясь съ моими требованіями и ожиданіями того, каковы они и я должны быть, тогда, подобно доброму магаметанину и фаталисту, я старался бы довольствоваться вещами, каковы они есть, и сказалъ бы, что въ томъ воля Божія. И, сверхъ всего, между противленіемъ этой и противленіемъ стихійной силѣ существуетъ то различіе, что въ первомъ случаѣ я могу противиться, достигая нѣкоторыхъ результатовъ, между тѣмъ какъ я не могу надѣяться измѣнить, какъ Орфей, природу скалъ, деревьевъ и звѣрей.

Я не могу сердиться на какого либо человѣка.

или на какую нибудь націю. Я не желаю дѣлать тонкихъ различій и выказывать себя лучшимъ, чѣмъ мой сосѣди. Я даже скорѣе подыскиваю оправданія, чтобы подчиниться существующимъ законамъ. Я даже слишкомъ готовъ дѣлать это. У меня есть поводъ подозрѣвать себя въ этомъ. Каждый годъ, когда приходитъ собиратель податей, я чувствую себя расположеннымъ разсматривать дѣйствія и положенія центральнаго и губернскаго правленія Штата и духъ народа, чтобы найти предлогъ для соглашенія.

Но я увѣренъ, что правительство въ скоромъ времени освободитъ меня отъ этой заботы, и тогда я буду не худшимъ патриотомъ, чѣмъ прочіе мои сограждане. Разсматривая Конституцію съ низшей точки зрѣнія, не смотря на всѣ ея недостатки, мы находимъ ее очень хорошей; законы наши очень приличны, даже штатъ Массачусетсъ и Американское правительство (какъ оно и описано многими) во многихъ отношеніяхъ рѣдкія и отличныя учрежденія, за которыя намъ слѣдуетъ быть благодарными. Но если мы станемъ разсматривать ихъ съ нѣскольکو высшей точки зрѣнія, учрежденія эти покажутся такими, какъ я описалъ ихъ. Если же разсматривать ихъ съ еще высшей или съ высочайшей точки зрѣнія, кто можетъ сказать, каковы они и стоитъ ли вообще разсматривать ихъ и заботиться о нихъ?

Впрочемъ, правительство мало касается меня, и я буду по возможности меньше думать о немъ. Даже въ этомъ мірѣ я очень немного минутъ нахожусь подъ властью правительства. Человѣку, у котораго мысли, желанія и воображеніе свободны и которому *несуществующія* вещи не кажутся *существующими*, неблагоприятные правители или реформаторы не могутъ слишкомъ серьезно помѣшать.

Я знаю, что большинство людей думаетъ не такъ, какъ я, но и тѣ, которые посвятили свою жизнь изученію подобныхъ предметовъ, удовлетворяютъ меня такъ же мало, какъ и другіе люди. Государственные люди и законодатели, вполнѣ ограниченны своими учрежденіями, никогда не видятъ ихъ вполнѣ ясно. Они утверждаютъ, будто двигаютъ общество, но сами они внѣ этого общества не имѣютъ точки опоры. Между ними встрѣчаются люди, обладающіе извѣстной опытностью и проницательностью, которые несомнѣнно изобрѣли остроумныя и даже полезныя системы, за которыя мы имъ искренно благодарны; но весь ихъ умъ и полезность относятся къ поприщу, ограниченному не очень широкими предѣлами. Они склонны забывать, что міръ не управляется политикой, тактомъ и осторожностью. Такъ на примѣръ, Вебстеръ *) никогда не выходитъ за предѣлы правительства и потому не можетъ авторитетно говорить о немъ. Его слова — мудрость для тѣхъ законодателей, которые не думаютъ о коренной реформѣ существующаго правительства; но для мыслителей, и для тѣхъ, которые пишутъ вѣчные законы — онъ даже ни разу не взглянулъ на предметъ. Между этими послѣдними я знаю такихъ, ясныя и разумныя размышленія которыхъ по этому предмету скоро бы показали ограниченность предѣловъ, въ которыхъ работаетъ его умъ. Но между пустыми заявленіями большинства реформаторовъ и еще пустѣйшимъ краснорѣчіемъ обыкновенныхъ государственныхъ людей, его слова являются почти единственными разумными и цѣнными, и намъ остается благодарить за него Бога. Сравнительно говоря,

*) Знаменитый американскій министръ Даніэль Вебстеръ умеръ въ 1852 году.

онъ всегда силенъ, оригиналенъ и сверхъ того практиченъ. Тѣмъ не менѣе главнымъ качествомъ у него является не мудрость, а осторожность. Истина юриста не есть Истина, а только послѣдовательность или послѣдовательный оппортунизмъ. Истина всегда въ согласіи сама съ собой; она не заботится спеціально о томъ, чтобы выразить такую справедливость, которая могла бы согласоваться съ дурными поступками. Вебстеръ заслуживаетъ данное ему названіе „Защитника Конституціи“. Онъ не вождь, а послѣдователь, онъ не атакуетъ, а только защищается. Его вожди люди 1787 года. „Я никогда не дѣлалъ усилія“, говоритъ онъ, „не намѣренъ никогда дѣлать усилія; я никогда не поощрялъ и не думаю поощрять никакихъ усилій, имѣющихъ цѣлью измѣнить первоначальное устройство, по которому отдѣльные штаты составили союзъ „Соединенныхъ Штатовъ“. На счетъ рабства, санкціонуемаго Конституціей, онъ говоритъ: „такъ какъ эта часть основнаго соглашенія, то пусть оно остается“.

Не смотря на его проникательность и талантъ, онъ не въ состояніи разсматривать фактъ отвлеченно, однимъ разумомъ, безъ политическихъ соображеній. Такъ, на вопросъ, какъ дѣйствовать каждому американцу, по отношенію къ рабству, онъ рискуетъ (или чувствуетъ себя вынужденнымъ) дать отчаянный отвѣтъ, изъ котораго можно вывести Богъ знаетъ какое понятіе объ общественныхъ обязанностяхъ человѣка. Говоря рѣшительно, и какъ честный человѣкъ, онъ заявляетъ: „Способъ, которымъ должно пользоваться правительство для урегулированія рабства въ штатахъ, гдѣ оно существуетъ, зависитъ только отъ нихъ самихъ подъ отвѣтственностью передъ избирателями и об-

щими законами приличія, челоѣколюбія, справедливости и Бога. Ассоціація, организованная внѣ этихъ штатовъ, образована ли она изъ чувства челоѣколюбія или по другимъ причинамъ, не имѣетъ ничего общаго съ правительствомъ. Отъ меня онѣ никогда не получали и не получаютъ одобренія“.

Тѣ, которые не познали болѣе чистыхъ источниковъ истины, не разслѣдовали ручья выше, тѣ останавливаются на Библии и Конституціи и черпаютъ ее оттуда съ благоговѣніемъ и смиреніемъ— и хорошо дѣлаютъ. Но тѣ, которые видѣли, что она истекаетъ свѣше, наполняя это озеро и тотъ прудъ, тѣ подпоясываются еще разъ, чтобы продолжать странствованіе по направленію къ первоначальному ея источнику. Въ Америкѣ не появилось ни одного геніальнаго законодателя! Они рѣдко попадаютъ въ исторіи челоѣчества. Ораторы, политическіе дѣятели и краснорѣчивые люди являются тысячами, но челоѣкъ, способный рѣшить сложные вопросы нашего времени, все еще не является. Мы любимъ краснорѣчіе для краснорѣчія, а не для истины или для героизма, который оно могло бы внушить.

Наши законодатели до сихъ поръ не поняли, что важнѣе для народа, Свободная Торговля или Свобода, Союзъ Штатовъ или Справедливость. Они не обладаютъ ни геніальностью, ни способностями для рѣшенія даже сравнительно скромныхъ вопросовъ о распредѣленіи податей, о финансахъ, о торговлѣ, мануфактурѣ и земледѣліи. Если бы для нашего руководства мы были предоставлены только многословному уму законодателей конгресса, неисправленному своевременно опытомъ и дѣйствительными жалобами народа, Америка не долго бы сохранила свое мѣсто между государствами. 1800 лѣтъ тому назадъ былъ написанъ Новый Завѣтъ, а

гдѣ найдется законодатель, у котораго достаточно мудрости и практическаго таланта для того, чтобы воспользоваться свѣтомъ, проливаемымъ имъ на науку законодательства?

Власть правительства, даже такого, которому я согласился бы подчиниться (ибо я охотно подчинился бы понимающимъ и поступающимъ лучше меня и даже во многихъ вещахъ), — власть правительства несправедлива, она должна существовать съ разрѣшенія и согласія управляемыхъ. Правительство не можетъ имѣть настоящихъ правъ надъ моею личностью и имуществомъ, если я самъ ему ихъ не дамъ. Прогрессъ, ведущій отъ самодержавной къ ограниченной монархіи, отъ ограниченной монархіи къ демократическому правленію, есть прогрессъ, ведущій къ истинному уваженію отдѣльной личности. Даже китайскій философъ былъ достаточно мудръ, чтобы считать отдѣльную личность основаніемъ имперіи. Развѣ демократическое правленіе въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, послѣднее возможное улучшеніе въ правительствѣ? Развѣ нельзя сдѣлать дальнѣйшаго шага въ направленіи признанія и организованія правъ человѣка?

До тѣхъ поръ не будетъ дѣйствительнаго свободнаго и просвѣщеннаго государства, пока правительство не дойдетъ до признанія отдѣльной личности, какъ высшей и независимой власти, отъ которой зависятъ его собственная власть и могущество, и не будетъ поступать согласно этому съ отдѣльными личностями. Мнѣ доставляетъ удовольствіе рисовать въ воображеніи правительство, которое, наконецъ, справедливо и съ уваженіемъ относилось бы ко всѣмъ людямъ, какъ къ ближнимъ; которое считало бы даже совмѣстимымъ съ своею безопасностью, если бы нѣкоторые жили независимо отъ него, не соприкасаясь съ нимъ, не входя въ него,

исполняя только свои обязанности сосѣдей и ближнихъ. Правительство, которое произвело бы этотъ родъ плода и дало бы ему отвалиться, какъ только онъ созрѣетъ, приготовило бы путь для еще болѣе совершеннаго и славнаго государства, которое я себѣ тоже могу представить въ воображеніи, но котораго до сихъ поръ нигдѣ не видаль.

Генри Д. Торо

СВОБОДА СОВѢСТИ.

Христіанскому идеалу чуждо понятіе о какой либо опредѣленной внѣшней формѣ жизни — личной, общественной, или политической. Но въ своемъ стремленіи къ этому идеалу человѣкъ переживаетъ послѣдовательныя ступени развитія и иногда, утомляясь на этомъ пути, отдыхаетъ на одной изъ достигнутыхъ имъ ступеней и тогда эта ступень начинаетъ ему казаться вполне удовлетворяющей его требованіямъ, осуществленіемъ его идеала и онъ бываетъ склоненъ ту временную форму жизни, въ которой находится, принимать за идеальную и эта ошибка останавливаетъ его въ дальнѣйшемъ ростѣ, уклоняетъ съ пути впередъ и даже обращаетъ назадъ.

Это случается и въ жизни отдѣльной личности и въ жизни цѣлыхъ народовъ.

Человѣку, сознающему необходимость движенія впередъ, не слѣдуетъ поддаваться этому обману. Разумное сознаніе человѣка создастъ ему во всякое время и на всякомъ мѣстѣ наиболѣе пригодную внѣшнюю форму жизни, разрушивъ старыя, если духу жизни, живущему въ немъ, станетъ тѣсно въ нихъ.

Мы считаемъ весьма важнымъ установить этотъ принципъ независимости истинной жизни отъ внѣшней формы и наоборотъ полную зависимость внѣшней формы отъ внутренней жизни духа.

Тѣмъ не менѣе, смотря на развитіе какого-либо общества людей мы невольно стараемся поставить въ перспективѣ рядъ все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ общественной жизни и съ этой точки зрѣнія мы можемъ желать измѣненія и улучшенія ихъ; но только при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы измѣненія эти вызывались внутреннею потребностью выросшаго духа.

Подобно старой одеждѣ, разлѣзающей по швамъ у выросшаго изъ нея человѣка, разрушаются отжившія формы жизни. Насильственный, преждевременный разрывъ ихъ проивводитъ кровавыя революціи, приноситъ много страданій и вызываетъ реакціи.

Естественный ростъ человѣческаго духа выражается въ освобожденіи его отъ всякаго рода насилія, какъ физическаго, такъ и умственнаго, и духовнаго. Проявленіями этой потребности къ освобожденію будутъ служить во первыхъ протесты противъ грубаго, судебного, полицейскаго и военнаго насилія, борьба съ капитализмомъ и земельной собственностью и главное, борьба, открывающая собою путь всѣмъ остальнымъ проявленіямъ роста человѣческаго духа, борьба *за свободу совѣсти*.

Вотъ почему мы надѣемся въ нашихъ сборникахъ удѣлять видное мѣсто этому вопросу и печатать различныя статьи, посвященныя разъясненію этой важной области человѣческаго духа.

Когда мы вспоминаемъ ученіе Христа, намъ становится какъ то странно говорить отдѣльно о свободѣ совѣсти; такъ непосредственно вытекаетъ это понятіе изъ смысла всего ученія и такъ чуждо духу его всякое насиліе, особенно нравственное. Все ученіе Христа можетъ быть кратко выражено его словами: „Кто жаждетъ — иди ко мнѣ и пей!“ (Ин. 7, 37) И вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что

именемъ Христа дѣйствовала средневѣковая инквизиція и именемъ того же Христа совершаются теперь въ Россіи невѣроятныя, для нашего времени, насилія надъ сектантами и подъ этими насиліями гибнуть лучшіе представители кроткаго, умнаго русскаго народа. Конечно и другія государства не свободны отъ этого грѣха, хотя и въ другой формѣ.

И потому, не смотря на полное соотвѣтствіе свободы совѣсти съ ученіемъ Евангелія, вопросъ этотъ далеко еще не рѣшенъ и требуетъ постояннаго напоминанія о важности его и о необходимости рѣшить его.

Мы надѣемся, что всѣ помѣщаемыя нами статьи будутъ проникнуты духомъ этой свободы, но специально по этому вопросу, въ настоящемъ номерѣ, мы ограничиваемся, за неимѣніемъ времени, помѣщеніемъ статьи И. С. Аксакова, напечатанной въ полномъ собраніи его сочиненій въ томѣ 4-мѣ, подъ названіемъ: „о томъ, что церковь должна дѣйствовать на совѣсть и убѣжденіе не матерьяльнымъ, а духовнымъ орудіемъ.“

Статья эта была напечатана 30 лѣтъ тому назадъ. Но положеніе дѣлъ въ Россіи съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію, не измѣнилось.

Ред.

* * *

„Москва“, 1-го августа 1868 г.

Насиліе въ дѣлѣ вѣры нашло себѣ защитниковъ въ средѣ служителей вѣры... Можно было предполагать, что практика насилія существуетъ у насъ безъ участія церкви или по крайней мѣрѣ вопреки церкви; что если она и терпитъ нашими духовными властями, какъ требованіе государственнаго

закона, то уже никакъ не пользуется ихъ сочувствіемъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать, чтобы практика насилія могла быть оправдываема теоретически, возводима въ церковное начало и даже предъявляема, какъ справедливое требованіе церкви — со стороны предстоятелей церкви и алтаря Христова. А между тѣмъ это-то именно и случилось, едва лишь былъ поставленъ въ нашей періодической литературѣ вопросъ о „свободѣ совѣсти“, или, что одно и то же, о *насиліи* въ дѣлѣ вѣры: *насиліе есть только обратная сторона вопроса, и враждующій противъ начала свободы совѣсти защищаетъ насиліе.* Нѣтъ ничего знаменательнѣе и въ то же время прискорбнѣе отношенія нашего духовенства къ этому вопросу. Безъ всякаго сомнѣнія, не всѣ въ средѣ духовенства судятъ о немъ такъ, какъ тѣ духовныя лица, которыя удостоили наши статьи печатнаго возраженія, но едва-ли, — говоримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, — не большинство нашихъ пастырей, на всѣхъ степеняхъ служенія относится къ самой мысли о правахъ совѣсти съ такою же враждебностью и съ такимъ же раздраженіемъ, какъ и наши почтенные возражатели. Очевидно, что такое явленіе не есть случайное, и что возрѣніе, противопоставленное намъ духовными противниками свободы духа, принадлежитъ не только каждому изъ нихъ лично, а духовному сословію вообще, исходить не изъ личнаго только образа мыслей, а изъ общаго строя понятій о церкви и объ отношеніи ея къ государству, привитыхъ исторіей нашей церковно-іерархической средѣ. Дѣйствительно, такое возрѣніе коренится въ глубинѣ вѣковъ. Не принимая на себя обязанности изслѣдовать его генеалогію и представляя такую задачу нашимъ молодымъ ученымъ писателямъ, мы коснемся ходячихъ у насъ понятій

о церкви и государствѣ — въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Но обращаясь къ самому понятію о свободѣ совѣсти, скажемъ предварительно, что воззрѣніе, отмечающее эту свободу, какъ бы ни коренилось оно въ исторической жизни, ни въ какомъ случаѣ не коренится ни въ духѣ, ни въ ученіи нашей православной церкви.

Да и можетъ ли быть иначе? Духъ православной церкви — духъ Св. Евангелія *); ученіе церкви есть только раскрытіе сторонъ этого духа, а совмѣстны ли съ этимъ духомъ — лицемеріе, ложь, грубое внѣшнее насиліе? *Что-жъ такое заключаетъ въ себѣ понятіе о свободѣ совѣсти, какъ не понятіе объ искренности вмѣсто лицемерія и, въ этомъ смыслѣ, о правдѣ вмѣсто лжи?* Что же выражаетъ требованіе свободы совѣсти, какъ не призывъ, обращенный къ церкви, чтобы въ дѣлѣ вѣры дѣйствовала она на совѣсть не посредствомъ насилія, а убѣжденія, не посредствомъ орудій вещественныхъ, а духовныхъ. Церковь есть „собраніе вѣрующихъ“, — вѣрующихъ *искренно*: вѣдь такъ, конечно, а не иначе понимаетъ и духовенство? Вѣдь не позволить же оно сказать: церковь есть собраніе вѣрующихъ *лицемерно*? Вѣра лицемерная не есть вѣра, — съ этимъ не стануть спорить и наши оппоненты: эти два понятія взаимно себя исключаютъ, ибо понятіе о вѣрѣ есть понятіе о самомъ искреннемъ дѣйствіи человѣческаго духа. *Но можетъ ли быть искренность безъ свободы? Не вмѣщаетъ ли уже въ себѣ понятіе объ искренности понятія о свободѣ?...* Не всякое, конечно, свободное вѣрованіе и правильно и истинно по своему содержанию. Но если человѣкъ способенъ и заблуждаться

(*) Редакція не можетъ согласиться съ этимъ положеніемъ, но оставляетъ его, не желая нарушить цѣльности статьи. Ред.

выполнѣ чистосердечно и искренно, — то истинное вѣрованіе тѣмъ не менѣ немислимо безъ искренности и чистосердечія, или иначе — безъ свободы. *Гдѣ нѣтъ свободной совѣсти, тамъ нѣтъ и искренности; гдѣ нѣтъ искренности, тамъ нѣтъ и вѣры — ни правой, ни неправой...* Итакъ, если вѣра есть самое искреннее, слѣдовательно самое свободное дѣйствіе человѣческаго духа, — съ чѣмъ, надѣемся, согласятся и всѣ полемизирующія съ нами духовныя особы, то стало быть, наоборотъ, неискренность или несвобода не можетъ служить истиннымъ основаніемъ „вѣры“, — той вѣры, на которой зиждется, ради которой существуетъ и церковь, — а можетъ служить основаніемъ лишь безвѣрію, лицемѣрію и лжи.

Если такъ, то какимъ же образомъ церковь можетъ желать для себя именно послѣдняго основанія? А не это ли именно желаніе, и даже въ видѣ требованія, предъявляють теперь, отъ имени церкви, наши противники изъ духовной среды, когда настаиваютъ на томъ, чтобы всякое разномысліе съ церковью было наказываемо гражданскимъ закономъ, чтобы отпадающіе отъ церкви были возвращаемы въ ея лоно насиліемъ полицейской власти, чтобы принадлежность къ церкви — „собранію *вѣрующихъ*“ — основывалась не на свободной, искренней и чистосердечной вѣрѣ въ истину, а на страхѣ уголовной кары? Не за *лицемѣріе* ли и ложь стоятъ, въ непонятномъ ослѣпленіи, наши противники, когда добиваются для церкви права дѣйствовать на свободную совѣсть человѣка не только мечомъ духовнымъ, т. е. убѣжденіемъ и словомъ, но и „мечомъ гражданскимъ“, или, выражаясь попросту, палкой и кулакомъ? Но вѣдь въ такомъ случаѣ церковь уже не будетъ „собраніемъ вѣрующихъ“, но невѣрующихъ загнанныхъ въ ея среду насильственно и пребывающихъ въ ней лицемѣрно?... И замѣтите:

это не то лицемеріе, которое само вкрадывается въ область церкви, безъ вѣдома пастырей, какъ тайная измѣна, — это будетъ уже *вынужденное лицемеріе*, признанное, вызванное и созданное въ средѣ церкви самимъ духовенствомъ, или лучше — тѣми, которые добровольно отвергаютъ необходимость свободы, т. е. искренности и чистосердечія, для вѣры.

Ради чего же вносится такое противорѣчіе въ жизнь церкви съ тѣмъ, что составляетъ въ ней самую основу жизни, безъ чего она немыслима, въ чемъ заключается причина ея бытія? Ради чего это искаженіе ея духовной природы? „Ради огражденія единства и цѣлости церкви“ — вотъ что слышится обыкновенно въ отвѣтъ. Но не есть ли это огражденіе чисто мнимое? Тамъ, гдѣ нѣтъ живаго внутренняго единства и цѣлости, тамъ внѣшность единства и цѣлости церкви можетъ держаться только насиліемъ и обманомъ. Какую же выгоду приноситъ церкви такое насильственное и обманное соблюденіе внѣшности? Не только не ограждаетъ оно дѣйствительнаго единства и цѣлости, но, напротивъ, губить единство и цѣлость, подтачивая самый корень церкви внутреннимъ противорѣчіемъ съ ея жизненными, нравственными основами. Такое внутреннее развѣдающее противорѣчіе, при всемъ соблюденіи наружнаго единства и цѣлости, скажется наконецъ полнѣйшимъ оскудѣніемъ нравственной силы и духовной жизни въ церкви. Не должно забывать, что въ святой области церкви *ни малѣйшее отступленіе отъ внутренней нравственной правды не остается безнаказаннымъ*, т. е. всякое такое отступленіе неминуемо и непреложно сопровождается разрушительными для церкви послѣдствіями, ибо посягаетъ на самое ея духовное основаніе. Здѣсь, въ церкви, въ противоположность

сть областью государственною, все дѣло въ содержаніи, а не въ формѣ, т. е. въ правдѣ внутренней, а не формальной или внѣшней, которой выраженіемъ служить государство. Государство, напримѣръ, требуетъ и имѣетъ право требовать отъ своихъ подданныхъ строгаго формальнаго соблюденія государственнаго закона, — соблюденія и только, — какъ бы они тамъ о законѣ ни думали, какъ бы ни отрицали его пригодность или правильность. Но что пользуетъ церкви, напримѣръ, формальное наружное соблюденіе церковныхъ обрядовъ людьми отрицающими ихъ въ глубинѣ своей совѣсти и исполняющими ихъ только изъ страха государственныхъ уголовныхъ наказаній? Составляютъ ли силу церкви такіе ея члены? Ограждается или разрушается здѣсь, въ дѣйствительности, единство и цѣлость?

Странное дѣло! Едва ли не во всѣхъ полемическихъ противъ латинской церкви сочиненіяхъ, исходящихъ изъ-подъ пера нашихъ духовныхъ писателей, въ ихъ статьяхъ и ученыхъ трактатахъ, встрѣчаются краснорѣчивыя выходки противъ „ужасовъ испанской св. Германдады“, противъ „костровъ инквизиціи“ и т. д. Но начало, лежавшее въ основаніи инквизиціи, не то ли же самое, за которое ругаютъ теперь наши возражатели? Не во имя ли „с соблюденія единства и цѣлости церкви“ подвизалось это средневѣковое учрежденіе? Не свободѣ ли совѣсти объявляло оно войну? Мы желали бы знать: что же въ инквизиціи подвергается осужденію со стороны нашихъ духовныхъ литераторовъ: жестокость ли наказаній и грубость приемовъ, или самое основное начало, т. е. начало, допускающее насиліе въ дѣлѣ вѣры? Если только жестокость и грубость, то, стало-быть, замѣнивъ костры, висѣлицы, пытки болѣе мягкими наказаніями, а приемы инквизиціи

болѣе гуманными цивилизованными формами открытаго розыска и суда, сообразно условіямъ нашего времени, — они съ самимъ основнымъ принципомъ римско-католической инквизиціи примириться готовы??... Такъ ли это? Пусть отвѣтятъ на нашъ вопросъ откровенно и прямо... Если же они отвергаютъ не только средневѣковую жестокость и грубость наказаній и приемовъ (которые были только проявленіемъ средневѣковыхъ понятій и нравовъ), но и самый принципъ въ его основаніи, то не впадаютъ ли они въ противорѣчіе сами съ собою, отстаивая противъ насъ, во имя церкви, начало внѣшняго насилія въ дѣлѣ вѣры и отменяя свободу совѣсти? Ибо не то же ли самое начало, лежащее въ основаніи латинской инквизиціи и ими осуждаемое, является и у насъ, въ практическомъ примѣненіи къ русской церкви, съ замѣною костровъ и прочихъ ужасовъ — Сибирью, арестантскими ротами или тюрьмою, и съ замѣною приемовъ инквизиціи — какимъ нибудь „сообщеніемъ духовнаго начальства“ свѣтской власти о томъ, что „такой-то Петръ Ѳедоровъ уклонился въ старообрядческій расколъ и построилъ молельню, почему-де и благоволитъ свѣтская власть подвергнуть его „законному уголовному наказанію, для блага церкви“.

„Церковь свята и едина“, „церковь есть истина!“ — восклицаетъ, возражая намъ, одна духовная особа. Да; но именно потому, что церковь (въ высшемъ значеніи этого слова) свята, она и должна чуждаться всего, что съ святостью несовмѣстно; именно потому-то, что она едина, она и не можетъ терпѣть въ своей средѣ, совѣсти съ нею разъединенной и лишь насильственно удерживаемой; потому-то, что она есть истина, она и требуетъ истины въ отношеніяхъ къ себѣ и дѣйствуетъ истиною... Церковь есть истина, а насиліе — ложь. *И. Аксаковъ.*

ОРМУЗДЪ и АРИМАНЪ.

(Персидское сказаніе).

Видѣль всевѣдущій Ормуздъ,* что люди не такъ живутъ на землѣ, какъ должно. Одни владѣютъ богатствами и живутъ въ роскоши, а другіе маются во всякой нищетѣ и убожествѣ. А счастливаго нѣтъ между людьми. Богатыхъ терзаетъ — забота и совесть, а бѣдныхъ — забота и зависть. Стало жалко Ормузду родъ человѣческій, и задумалъ онъ сойти съ неба и научить людей истинной жизни, показать имъ примѣръ добраго житія.

Не пришелъ Ормуздъ на землю человѣкомъ богатымъ или знатнымъ, потому что хотѣлъ онъ учить мудрости не однихъ славныхъ міра сего, но и всѣхъ людей. Не явился онъ ни царемъ, ни мудрецомъ, ибо тогда люди сказали бы о немъ: „не трудно ему, богатому, или царю, или мудрецу исполнить волю Божію, и намъ бѣднымъ и нищимъ онъ не въ примѣръ: нищему невозможно подражать богатому.“ Хотѣлъ Ормуздъ показать, что можно жить благочестно всякому человѣку и потому явился на землю въ образѣ самаго бѣднаго нищаго. Ариманъ же, злой богъ, былъ великій завистникъ и врагъ Ормузда, а также и всего рода человѣческаго.

*) Древніе персы признавали двухъ боговъ — добраго, *Ормузда* и злого, *Аримана*.

Ему было и то уже ненавистно, что живутъ какіе-то люди, и, хотя и живутъ суетно, но нѣтъ-нѣтъ и вспомнать о душѣ своей и о совѣсти. А тутъ еще Ормуздъ рѣшилъ явиться на землю, чтобы научить людей доброй жизни.

Больше всего на свѣтѣ боялся Ариманъ того, какъ бы люди на самомъ дѣлѣ не стали жить во взаимной любви и братскомъ согласіи. Потому и онъ, какъ Ормуздъ, порѣшилъ явиться на землю, чтобы помѣшать Ормузду во благомъ его намѣреніи и вконецъ погубить людей. И какъ Ормуздъ пришелъ на землю простымъ нищимъ, такъ Ариманъ принялъ образъ великаго царя и воцарился надъ всѣми народами.

Жизнь Ормузда во плоти была такова: онъ ходилъ по селеніямъ и по городамъ, всюду уча людей. Своего ничего не имѣлъ, но все, что ему давали, отдавалъ другимъ, а самъ оставался безъ ничего. Онъ училъ, что всѣ люди братья и должны побратски жить. „Любите всѣхъ“, проповѣдывалъ онъ, „не различая своихъ отъ чужихъ; трудитесь не для себя, но для другихъ; заботьтесь не о себѣ, но о другихъ. Вы всѣ нужны другъ для друга, вы всѣ вмѣстѣ одно тѣло. Если рука болитъ у человѣка, страдаетъ съ нею и все тѣло; такъ должно быть и въ людяхъ; если одинъ человѣкъ находится въ бѣдѣ, всѣ должны утѣшать его и помогать ему.

Какъ въ чашѣ нельзя раздѣлить одной капли воды отъ другой, такъ надо, чтобы и люди соединены были узами неразрывной любви.

Если будете искать своего счастья, то не найдете его. Только тотъ получитъ его, кто будетъ заботиться о счастья другаго.“

Бѣдныхъ, увѣчныхъ, плачущихъ, бездомныхъ и голодныхъ Ормуздъ утѣшалъ и служилъ имъ.

Богатыхъ же и сильныхъ увѣщевалъ перемѣнить жизнь свою, жалѣть бѣдныхъ, и обличалъ беззаконія ихъ.

Разно люди принимали его ученіе. Одни совсѣмъ отвергали его проповѣдь, говоря, что при такомъ ученіи всѣ обнищаютъ, и никто, если все раздавать, не будетъ имѣть достатка. Другіе же говорили, что невозможно не заботиться о себѣ: надо и другихъ не оставлять и себя не забывать.

Богатымъ не нравилась его заповѣдь потому, что имъ жалко было отдавать свои богатства; бѣдные же говорили, что, если они будутъ заботиться о другихъ, тогда прямо обнищаютъ и перемрутъ съ голода.

Только немногіе изъ людей приняли все ученіе Ормузда и стали жить по нему.

Когда благій Ормуздъ проповѣдывалъ свое ученіе, злой Ариманъ уже царствовалъ на землѣ. Услышавъ о проповѣди Ормузда, онъ велѣлъ привести его къ себѣ. И пришелъ Ормуздъ къ Ариману: нищій къ царю, бѣдный къ богатому, добрый къ злему.

— Видишь, сказалъ Ариманъ: твое ученіе не годится людямъ. Признай, что зло сильнѣе добра, и злота могущественнѣе любви. Преклонись предъ зломъ, проповѣдуй мое ученіе, — и тогда всѣ люди пойдутъ за тобою.

Ничего не отвѣтилъ ему Ормуздъ: не могъ онъ согласиться возвѣщать людямъ погибельное ученіе.

И отдалъ Ариманъ Ормузда слугамъ своимъ, а тѣ отвели его въ темницу, гдѣ и умертвили его. Злые же на землѣ возрадовались тому.

Видимо умерщвленный, вознесся невидимо свѣтлый богъ Ормуздъ на небо съ великою печалію о неразумнѣннѣи человѣческомъ. Онъ не хотѣлъ насиль-

но вести людей къ добру, но хотѣлъ, чтобы они на опытѣ извѣдали, хорошо ли жить безъ любви въ мірѣ. Когда міръ переполнится беззаконіемъ и неправдою, думаль онъ, тогда они сами обратятся къ отринутому ими ученію.

И предалъ Ормуздъ людей въ руки Аримана.

Тогда замыслилъ Ариманъ лукавое обольщеніе на весь міръ. Прежде всего велѣлъ онъ всѣмъ жрецамъ, учителямъ и начальникамъ внушать народу въ капищахъ, школахъ, на улицахъ и на торжищахъ то, что нужно своихъ любить больше, чѣмъ чужихъ, о своихъ заботиться, а о иноплеменныхъ — нѣтъ. „Я желаю вамъ добра,“ говорилъ хитрый Ариманъ: „пусть каждый народъ живетъ самъ по себѣ, и пусть каждый человекъ прежде всего любить своихъ“. Родителямъ же наказалъ воспитывать въ такомъ наставленіи и дѣтей своихъ,

Всѣмъ понравилось новое ученіе.

Только Ормуздовы ученики не приняли новой заповѣди; но ихъ никто не хотѣлъ слушать. Они говорили, что они не имѣютъ любви къ своему народу. Обвиняли ихъ и въ непослушаніи къ повелѣнію царскому.

Тогда одному народу стало завидно богатство другихъ царствъ. Что сѣять и жать и трудиться, когда все можно добыть и безъ труда — войной и насиліемъ. И съ этого времени завелись у народовъ войска для нападенія и защиты.

Такъ воцарилась вражда между народами. Царство возстало на царство и языкъ на языкъ. И много людей погибло отъ кровопролитія и много разбѣжалось по лѣсамъ и пропастямъ земнымъ. Опустѣли мѣста заселенныя и не стало слышно веселія въ городахъ и селеніяхъ.

Ариманъ же возрадовался въ сердцѣ своемъ. что

человѣконенавистное ученіе его приносить плодъ обильный и сказалъ:

— Времена стали трудныя, а я желаю вамъ добра. Даю вамъ еще заповѣдь. Любите родныхъ больше чѣмъ чужихъ; о ближнихъ заботьтесь, а о чужихъ — нѣтъ.

Правильно слово его, думали люди: времена тяжелыя, — гдѣ же заботиться о дальнихъ.

Всякая семья стала жить сама по себѣ. Каждый отецъ только о своей семьѣ заботился: лишь бы его дѣти были сыты, а того не хотѣлъ знать, что и у другихъ есть дѣти, и что они тоже ѣсть хотятъ.

Началось раздѣленіе. Умножились разбои и грабительства. Въ темницахъ стало тѣсно отъ множества заключенныхъ. Но правосудія не было, ибо судьи заботились не о правдѣ, но о подаркахъ. Проливалась человѣческая кровь и обагряла землю. И вопіяла земля къ свѣтлomu Ормузду; но не пришло еще его время.

Тяжело было жить на свѣтѣ, но душевныя очи людей еще не прозрѣли... Все еще не обращались они къ ученію Ормуздову.

Только вѣрные ученики Ормузда сохраняли заповѣди его. Но ихъ всѣ осуждали, презирали ихъ ученіе и хулили самое имя Ормуздово.

Тогда выпустилъ Ариманъ-обольститель третью заповѣдь: каждый люби себя больше всего на свѣтѣ.

И не поняли люди, какъ было пагубно повелѣніе это, но прославляли Аримана, говоря:

— Нѣтъ лучше Ариманова ученія.

И на самомъ дѣлѣ давно слѣдовало такъ жить. Своя рубашка всегда ближе къ тѣлу. Пусть Богъ обо всѣхъ заботится, а мы не боги, чтобы о всѣхъ болѣть. Для каждаго довольно своей заботы. Если всякій будетъ любить себя одного, — всѣмъ будетъ хорошо, потому что всякій о себѣ лучше по-

мышлять можетъ, чѣмъ вто другой о немъ. Такъ и жить стали.

Вышло же то, что всѣмъ тѣсно стало на землѣ. Сильные угнетали слабыхъ, и обиженные не имѣли заступника. Отцы покидали дѣтей, дѣти возстали противъ родителей. Матери, еще до рожденія дѣтей, тайно ихъ убивали, ибо дѣти стали въ тягость матерямъ, мѣшая имъ жить для себя. Не стало совсѣмъ любви на землѣ, удалилась съ земли правда. Всякій дрожалъ за свою жизнь.

Умирали отъ голода и холода и отъ убійства. Только сильному было раздолье; но и сильные грозили истребить другъ друга.

Но и тогда не отчаялись совсѣмъ ученики Ормузда. Все еще вѣрили они, что добро побѣдитъ зло въ жизни людской. Видѣли они, что совѣсть въ сердцахъ не у всѣхъ была заглушена и жестоко казнила за беззаконія.

Чтобы окончательно погубить все доброе въ человѣкѣ, Ариманъ возвѣстилъ всему міру такъ:

— Вы исполнили всѣ три мои заповѣди. За такое послушаніе я награждаю васъ всякимъ веселіемъ. Узнайте же теперь, что жизнь дана для наслажденія. Ыщите, пейте, веселитесь: все дано для утѣшенія вашего.

Тогда пошло по свѣту пьянство и прелюбодѣйство. Въ винѣ искали люди погасить угрызения совѣсти и развратомъ заглушали голосъ правды Божіей.

Отъ пьянства, отъ разврата, отъ неумѣренности и похотливости сталъ недолговѣченъ родъ человѣческой. Появились чума, язвы и всякія болѣзни у людей и начался моръ среди людей, а прежнія убійства и кровопролитія еще болѣе усилились. Мертвыя тѣла валялись неприбранными.

Тьма покрыла землю и надъ этой тьмой носился только крикъ ненависти и очаянья.

Кровь залила землю и страданья людей достигли до предѣловъ своихъ.

И увидѣль свѣтлый Ормуздъ, что наступилъ послѣдній часъ для спасенья людей.

Преисполненный жалости къ людямъ, рѣшилъ свѣтлый Ормуздъ явить міру всю свою силу и возсталъ великою бранію на Аримана.

Было видно чудное знаменіе на небѣ: съ востока брызнули золотые лучи восходящаго солнца и разогнали тьму надъ землею. Тогда собралъ Ариманъ всю силу зла своего и поднялся на солнце страшною черною грозовою тучею. Разразилась ужасная гроза надъ землей, какой не видывалъ еще міръ. И тьма закрыла солнце...

Но сила свѣта Ормуздова одолѣла тьму и въ побѣдоносныхъ лучахъ его, какъ вешній свѣтъ, растаяли грозовыя тучи. И какъ дымъ разсѣялась сила Аримана. Ослѣпительный свѣтъ осіялъ землю и раздался голось изъ свѣта: „Я — Ормуздъ! Тотъ Ормуздъ, который въ обликѣ нищаго училъ васъ любви и котораго вы убили, отвергнувъ его ученіе.“

И востретенали люди великимъ страхомъ, ожидая себѣ казни за непослушаніе волѣ свѣтлаго Ормузда.

И вотъ упали всѣ на колѣна и, проклиная безпутную жизнь свою, просили у Ормузда помилованія, чтобы онъ, наказавъ по своему правосудію, не отвергнулъ ихъ до конца по милосердію своему.

Но не въ громѣ и молніи и не въ завываніи бури, но въ тихомъ вѣянніи весенняго вѣтра изрекъ Ормуздъ людямъ.

— Дѣти мои! кротко сказалъ онъ, — и каждый изъ людей почувствовалъ въ сердцѣ своемъ, что онъ дѣйствительно сынъ Бога душою своею. Исчезъ страхъ, и осталась одна сыновняя любовь къ вѣч-

ному отцу всѣхъ людей. И зарыдали люди отъ раскаянія и радости.

— Дѣти мои! — говорилъ Ормуздъ, — не для наказанія вашего пришелъ я, но для помилованія. Мнѣ жалко стало васъ и я поразилъ вашего ненавистника.

„Накажи насъ“, вошяли люди, „что служили мы этому демону“.

— Перемените жизнь свою, отвѣчалъ Ормуздъ. — А наказывать, — вы сами себя наказали, по мѣрѣ беззаконій вашихъ, сами себя измучили вы злобою и ненавистью.

„Но мы хулили имя твое“, говорили люди, „и были врагами твоими, — накажи насъ, чтобы не тяготило это душу нашу, сними съ насъ тяжесть эту, чтобы не совѣсно намъ было предъ очами твоими“.

— Неразумные! сказалъ тогда Ормуздъ, — ужели вы думаете, что я накажу васъ за хулу моего имени, когда самъ же училъ васъ не мстить за обиды, не прощать всякое оскорбленіе и злословіе. Живите въ любви и мирѣ, а прошедшее все прощено, все забыто.

И вдохнулъ Ормуздъ духъ свой въ учениковъ своихъ, и ходили они всюду, возвѣщая прощеніе Ормуздово и провозглашая любовь.

Съ радостію слушали люди ихъ и, изгоняя зло изъ сердець своихъ, принимали все, что они проповѣдывали. А когда не стало зла въ сердцахъ людскихъ, не стало и самага Аримана, ибо онъ и живъ былъ только людскою злобою. Остался одиакъ свѣтлый Ормуздъ, вѣчный и радостный.

Такъ окончилось царство Аримана и наступилъ золотой вѣкъ Ормузда, которому не будетъ конца.

Воцарилась правда на землѣ, и любовь господствовала надъ всѣми. Прекратились войны, исчезла

вражда. Судьи сидѣли безъ дѣла: некому было судиться у нихъ. Опустѣли остроги и узилища, и перестроены были въ больницы и дома милосердія. И мечи перекованы были на плуги.

Люди доживали до преклонной старости, и когда приходила смерть, они встрѣчали ее съ душою чистою, какъ у новорожденного младенца, а послѣ смерти соединялись духомъ во едино съ Ормуздомъ, источникомъ жизни, отъ котораго получили жизнь свою.

Не было слышно плача по всей землѣ, но радость и ликованіе отъ края земли даже до края.

А. Аполловъ.

ПОХИЩЕНІЕ ДѢТЕЙ ХИЛКОВЫХЪ.

Свѣдѣнія собранныя Владиміромъ Чертковымъ.

Года за два передъ моимъ изгнаніемъ изъ Россіи, я задался цѣлью собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о гоненіяхъ русскаго правительства противъ различныхъ, такъ называемыхъ, сектантовъ, т. е. людей, въ вопросахъ вѣры отдающихъ предпочтеніе голосу совѣсти передъ требованіями государственной церкви. Разглашеніемъ истины о неимовѣрныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ этими мучениками за совѣсть, я надѣялся заинтересовать общественное мнѣніе и обратить вниманіе высшихъ правительственныхъ лицъ на тѣ ужасы, которые совершаются отъ ихъ имени, но часто безъ ихъ вѣдома, надъ сотнями тысячъ ни въ чемъ не повинныхъ людей.

Благодаря стекавшейся ко мнѣ весьма обширной перепискѣ по этому предмету, я предвидѣлъ, что наиболѣе отвѣтственные въ этомъ дѣлѣ представители власти должны были рано или поздно узнать о скопленіи въ моихъ рукахъ столь компрометирующаго ихъ матерьяла, и что они естественно постараются отнять его у меня.

И дѣйствительно, нѣсколько обысковъ были за эти два года произведены какъ у меня на квартирѣ во время моего отсутствія, такъ и у друзей, помо-

гавшихъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ; но къ счастью самыя цѣнныя бумаги не были захвачены.

Послѣ распространенія нами въ обществѣ и высшей правительственной средѣ сообщенія объ особенно вопіющихъ по своимъ размѣрамъ и дикой жестокости гоненіяхъ противъ кавказскихъ духовоборовъ, правительство рѣшилось путемъ ссылки отдѣлаться отъ насъ. Тогда лица, наиболѣе причастныя къ совершаемому надъ сектантами беззаконіямъ, очевидно спохватились, что для нихъ слишкомъ рискованно отпустить меня за границу со всѣми собранными мною свѣдѣніями, разоблачающими истинное положеніе дѣла. Иначе, по крайней мѣрѣ, невозможно объяснить рѣшенія правительства похитить всѣ бумаги у человѣка уже приговореннаго къ изгнанію за предѣлы государства.

И вотъ, послѣ того, какъ вопросъ о моей высылкѣ былъ уже рѣшенъ, утромъ того дня, когда мнѣ должны были о ней объявить, я подвергся нападенію со стороны подосланной русскимъ правительствомъ шайки жандармовъ, полицейскихъ и сыщиковъ. Оставивъ карету, въ которой они подъѣхали, за угломъ ближайшей улицы, они изподтишка подкрались къ моей квартирѣ и, внезапно ворвавшись въ нее, совершили порученный имъ грабежъ.

Въ числѣ захваченныхъ бумагъ находился весь матерьялъ для составлявшейся мною и почти уже оконченной книги о похищеніи дѣтей друзей моихъ, Дмитрія Александровича Хилкова и его жены, Цецилии Владиміровны, — совершенномъ Императоромъ Александромъ III.

Къ счастью, за нѣкоторое время передъ тѣмъ, я для большей безопасности отослалъ для сохраненія въ Англію копію съ нѣкоторой части этого матерьяла, благодаря чему имѣю теперь возможность возстановить кое-какіе уцѣлѣвшіе осколки моей

и книги; а именно: мое предисловіе къ ней, записки Д. А. Хилкова о своей жизни, составленныя имъ по моей просьбѣ, и нѣкоторыя письма, описывающія самое похищеніе дѣтей и отношеніе къ нимъ ихъ матери.

Въ виду вышеизложеннаго, позволяю себѣ рассчитывать на снисходительность читателя къ неизбежной, въ настоящемъ случаѣ, отрывочности изложенія. Надѣясь когда нибудь въ будущемъ возобновить, на сколько возможно, все содержаніе книги, я однако не чувствую себя въ правѣ держать долѣе подъ спудомъ тѣ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, которыми сейчасъ располагаю. И потому я рѣшился теперь же предать ихъ гласности въ томъ неполномъ видѣ, въ которомъ они здѣсь предлагаются читателю.

Персей, 4 Апрѣля 1898 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НЕИЗДАННОЙ КНИГЪ. *)

Въ прошлое царствованіе Императора Александра III, въ числѣ многихъ лицъ, подвергаемыхъ жестокимъ гоненіямъ за то, что ихъ религіозныя убѣжденія не совпадали съ ученіемъ православной церкви, жилъ въ ссылке на Кавказѣ Дмитрій Александровичъ Хилковъ съ женою своею, Цецилією Владиміровною, и двумя горячо любимыми дѣтьми: Борисомъ, пяти, и Ольгою, трехъ лѣтъ.

21 октября 1893 года, семья эта стала жертвою неслыханнаго злодѣянія. На нее неожиданно напали нѣсколько человѣкъ, насильно вырвали дѣтей изъ рукъ родителей и увезли съ собою.

Преступленіе это было такъ ловко подготовлено и обставлено такими исключительными условіями, что родители не имѣли ни малѣйшей возможности ни воспрепятствовать его совершенію, ни выручить своихъ дѣтей, вотъ уже пять лѣтъ, изъ рукъ похитителей.

Дѣло это было совершено среди бѣла дня, на глазахъ всего мѣстнаго населенія, и вызвало во всѣхъ свидѣтеляхъ самое глубокое возмущеніе. Всѣ

*) Предисловіе это я здѣсь привожу потому, что оно объясняетъ мотивы, побудившіе меня огласить свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, равно какъ и вообще — принимать участіе въ подобныхъ изданіяхъ.—В. Ч.

чувствовали живѣйшее состраданіе въ жертвамъ преступленія; и, не смотря на это, никто не рѣшился заступиться и помѣшать тому, что совершалось.

Причиною этому было то, что злодѣяніе совершалось мѣстными полицейскими властями, и — по приказанію русскаго царя.

Не менѣе замѣчательно и то, что ближайшею руководительницею и участницею этого преступленія была родная мать отца похищенныхъ дѣтей, княгиня Юлія Петровна Хилкова.

Предлагаемая читателю книга послѣдовательно и подробно излагаетъ всѣ обстоятельства, связанныя съ этимъ дѣломъ.

Жизнь дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и главное событіе здѣсь описанное, сами по себѣ такъ своеобразны и трогательны, что, уже по одному своему драматизму, несомнѣнно представляютъ большой интересъ для читателей. вмѣстѣ съ тѣмъ люди, слѣдящіе за современнымъ состояніемъ общественной и административной жизни Россіи, найдутъ на этихъ страницахъ много цѣннаго, въ этомъ отношеніи, матерьяла. Наконецъ, противники существующаго въ Россіи государственнаго строя будутъ рады здѣсь привѣтствовать новое подтвержденіе его несостоятельности.

Тѣмъ не менѣе ни одно изъ этихъ соображеній, — ни снабженіе читателя занимательнымъ чтеніемъ, ни описаніе современныхъ русскихъ нравовъ, ни доставленіе пищи для антиправительственнаго злорадства, — не служили для меня цѣлью при составленіи и изданіи этой книги.

Задача моя совсѣмъ иная. Желая познакомить возможно большее число людей съ истиннымъ характеромъ этого вопіющаго по своей несправедливости и неимоверной жестокости событія, я надѣюсь,

что, при Божьей помощи, разоблаченіе это можетъ принести нѣкоторую практическую пользу: во первыхъ, тѣмъ братьямъ моимъ, которые подобно Хилковымъ, подвергаются въ Россіи преслѣдованіямъ за совѣсть и становятся жертвами самаго слѣпаго, ничѣмъ не обузданнаго произвола; во вторыхъ, самимъ представителямъ этого произвола, показывая имъ, въ какія гнусныя дѣла они, на этомъ пути, могутъ быть вовлечены, часто даже сами не вѣдая, что творять; въ третьихъ, тому несчастному обществу, которое не только безъ сопротивленія, но даже безъ протеста допускаетъ совершеніе подобныхъ звѣрствъ въ своей средѣ, иногда также не сознавая ихъ дѣйствительнаго значенія; и, наконецъ, всѣмъ ищущимъ и жаждущимъ правды, знакомя ихъ съ тѣмъ радостнымъ движеніемъ къ свѣту, которое въ настоящее время совершается въ Россіи, съ тѣмъ большимъ напряженіемъ, чѣмъ жесточе становится безумное его преслѣдованіе со стороны церкви и государства. *)

*) Разглашеніе правды особенно желательно въ настоящемъ случаѣ еще и потому, что дѣло это могло быть приведено въ исполненіе единственно вслѣдствіе предварительнаго введенія въ заблужденіе того лица, отъ имени котораго оно было совершено; и что и до сихъ поръ относительно матери отнятыхъ дѣтей ея недоброжелатели продолжаютъ распространять самую злую клевету. Быть можетъ изложенная здѣсь правда какимъ-нибудь путемъ дойдетъ до свѣдѣнія нынѣшняго Государя, и, кто знаетъ, быть можетъ, Богъ тронетъ его сердце и раскроетъ ему его святую обязанность, не смотря на всѣ воздвигнутыя передъ нимъ затрудненія и препятствія, исправить, наконецъ, совершенную ошибку, и, — лучше поздно, чѣмъ никогда, — вернуть безутѣшно тоскующей матери то, что для нея дороже самой жизни, и что по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ принадлежитъ ей, и ей одной. Такимъ распоряженіемъ Государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ бы истинную услугу памяти своего оца, которую онъ очистилъ бы отъ одного изъ злѣйшихъ востушковъ, когда либо совершенныхъ.

Желательно, чтобы возможно большее число людей узнало правду об этом дѣлѣ. Если мы не обладаемъ средствами для непосредственнаго предупрежденія и пресѣченія преступленій, постоянно совершаемыхъ вокругъ насъ представителями дикаго самодержавнаго произвола, — мы, во всякомъ случаѣ, можемъ не оставаться равнодушными къ совершаемому злу. Наша первая и вполнѣ осуществимая обязанность — смотрѣть правдѣ въ глаза и называть вещи ихъ именами. Если возмутительныя дѣла уже непременно должны совершаться среди насъ, то пусть они, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно возмущаютъ насъ; и пусть общественное мнѣніе клеймить ихъ своимъ негодованіемъ и презрѣніемъ. Въ этомъ — единственный залогъ для улучшенія въ будущемъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ, скажемъ прямо и просто, что похищеніе дѣтей у ихъ родной матери, есть грѣхъ, есть преступленіе, и притомъ — одно изъ жесточайшихъ, которое человѣкъ можетъ совершить надъ человѣкомъ. Все равно, кѣмъ и для какой цѣли оно совершается, — разбойникомъ ли для своей личной выгоды, фанатикомъ ли для торжества своей идеи, или царемъ для предполагаемой государственной пользы, — злодѣяніе всегда останется злодѣяніемъ, и такъ и слѣдуетъ его называть.

Русское правительство, постоянно совершающее подобныя дѣла, хорошо понимаетъ значеніе общественнаго негодованія, и потому больше всего на свѣтѣ боится огласки этихъ поступковъ. Тѣмъ болѣе намъ, представителямъ общества, слѣдуетъ держать глаза открытыми и во всеуслышаніе высказывать свое мнѣніе. Если не посредствомъ подцензурной печати, то другими путями, мы всегда имѣемъ возможность узнавать и передавать другъ

другу истину о томъ, что такъ тщательно скрывается или сообщается въ извращенномъ видѣ тѣмъ, кто боятся свѣта, потому что дѣла ихъ злы.

Еще одно побужденіе руководило мною при составленіи этой книги. Если дѣтямъ, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь, въ настоящее время воспитываемымъ у похитившей ихъ женщины, суждено дожить до зрѣлаго возраста, я хотѣлъ бы, чтобы они могли здѣсь найти правдивыя и точныя свѣдѣнія о прошлой жизни своихъ родителей, которыя воспитателями этихъ дѣтей конечно будутъ или совершенно отъ нихъ скрыты, или сообщены въ самомъ извращенномъ видѣ.

Вамъ, Боря и Оля Хилковы, посвящаетъ эту книгу другъ вашихъ родителей, въ надеждѣ, что проникнутые тѣмъ же чуткимъ сознаниемъ добра и тою же преданностью къ правдѣ и справедливости, которыя отличали вашу мать и вашего отца, вы въ свое время, при Божьей помощи, сможете отвѣтить на неизбѣжно предстоящій вамъ вопросъ, и сами для себя рѣшить, въ чемъ добро и правда, въ чемъ истинная любовь: въ томъ ли, ради чего совершалось надъ вашими родителями все это безчеловѣчное и гнусное насиліе, или же въ томъ, ради чего ваши родители жертвовали собою съ такимъ мужествомъ и самоотверженіемъ?

Ржевскъ, Декабрь 1896 г.

ЗАПИСКИ Д. А. ХИЛКОВА.

Военную службу я выбралъ добровольно. Въ 1875 году, 17-ти лѣтъ, я былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ. Въ 1877 году, по объявленіи войны, полкъ, въ которомъ я служилъ, не былъ назначенъ въ дѣйствующую армію. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось быть переведеннымъ на Кавказъ, гдѣ, по моей просьбѣ, меня назначили въ линейный казачій полкъ. Вскорѣ стали формировать охотничьи команды, и я сдѣлался начальникомъ одной изъ нихъ.

Уѣхалъ я на войну по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что считалъ войну цѣлью всей предыдущей своей работы, своего ученія; а во вторыхъ, потому что чувствовалъ, что пустая и безалаберная жизнь офицера внѣ службы начинаетъ меня втягивать въ себя. Хотя я ревностно занимался службой и считался хорошимъ офицеромъ, но надо же было наполнять чѣмъ нибудь свободное отъ службы время. И наполнялъ я его тѣмъ, чѣмъ способенъ былъ наполнить, и къ ужасу своему сталъ замѣчать, что эта жизнь хочетъ „завладѣть“ мною. Надо было высвободиться, и я уѣхалъ на Кавказъ.

Первое время на войнѣ я видѣлъ только показную, красивую сторону. Но скоро сталъ замѣчать

и обратную. Находясь въ распоряженіи начальника отряда, я могъ видѣть все дѣло, познакомиться съ главными начальниками. И тутъ меня поразило нѣчто, чего я никакъ не ожидалъ. Большинство этихъ начальниковъ думали лишь о себѣ и не задумывались губить все дѣло или тысячи народа, если надѣялись этимъ повредить другому начальнику или получить награду.

Я скоро увидѣлъ, что на дѣлѣ происходитъ совершенно обратное тому, что я ожидалъ. Я разочаровался, и мнѣ стало жаль безответныхъ, обманутыхъ солдатъ, съ которыми, дѣйствительно, обращались, какъ съ пушечнымъ мясомъ. Главной моей заботой стало сбересть тѣхъ казаковъ, которые были подъ моимъ начальствомъ.

Вечеромъ 8-го Августа, начальникъ кавалерійскаго отряда, князь Чавчавадзе, позвалъ меня и приказалъ ночью напасть на кавалерійскій лагерь впереди главныхъ силъ Мухтара паши. Зная, что на обратномъ пути мы должны наткнуться на турецкій баталіонъ, который обыкновенно ночевалъ впереди отряда, и что поэтому никто изъ насъ, по всей вѣроятности, не вернется живымъ, я просилъ насъ туда не посылать, ибо понималъ, что нападеніе на маленькій кавалерійскій отрядъ не можетъ повліять на ходъ войны. Князь Чавчавадзе отвѣтилъ, что знаетъ о баталіонѣ, и все таки приказываетъ идти.

Мы отправились, дошли до палатокъ и застали турокъ спящими. Тутъ начались вещи, о которыхъ мнѣ непріятно вспоминать теперь, но о которыхъ я тогда не думалъ. Отдѣлившись отъ казаковъ, я наѣхалъ на двухъ турокъ, изъ которыхъ одинъ сунулъ въ меня ружьемъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ выстрѣлить, и выстрѣлилъ изъ револьвера, бывшаго у меня въ рукѣ, въ упоръ ему въ голову. Онъ

упалъ. Падая, онъ выпустилъ изъ рукъ гнѣдую лошадь, которую держалъ за поводъ. Другой убѣжалъ. Я поѣхалъ за нимъ, крикнувъ: „гнѣдая лошадь моя!“ Убѣгающій турокъ держалъ въ поводу сѣрую лошадь. Мнѣ хотѣлось отнять эту лошадь. Я его догналъ. Онъ упалъ на колѣни. Только что я хотѣлъ взять лошадь, слышу за собою топотъ. Я крикнулъ: „мой турокъ!“ но въ это время кто-то толкнулъ меня и шашкой ударилъ стоящаго на колѣняхъ турка. Онъ пустилъ лошадь, и она убѣжала. Въ ударившемъ турка я узналъ одного знакомаго офицера, не нашего отряда, добровольно присоединившагося къ намъ. Я сказалъ ему нѣсколько неприятныхъ для него вещей и поѣхалъ отыскивать свою гнѣдую лошадь. Стало разсвѣтать. Изъ главнаго турецкаго лагеря бѣжала пѣхота, намъ на помощь выступилъ нашъ отрядъ, но все таки мы насилу ушли,

Всѣ говорили мнѣ лестныя вещи; но мнѣ было какъ то не весело, и, какъ это ни странно, но главной причиной была неудача съ сѣрой лошадью. Трофеями были 11 лошадей и два турецкихъ офицера. Цѣлый день мнѣ было какъ то не по себѣ; но я не могъ отдать себѣ отчета о причинѣ. Все мнѣ вспоминалась сѣрая лошадь. Вечеромъ я легъ спать. Ночью проснулся и въ первый разъ подумалъ объ убитомъ мною туркѣ и ясно созналъ, что все дѣло въ немъ. Я не могъ уже заснуть, и турокъ стоялъ у меня передъ глазами. Лица его я къ счастью не видѣлъ, но фигуру его, — онъ былъ въ башлыкѣ, и башлыкъ торчалъ конусомъ, — помню до сего дня.

Утромъ не только не стало легче, но все становилось тяжелѣе. Я почувствовалъ, что не могу больше оставаться въ отрядѣ, — что долженъ снять съ себя грѣхъ убійства; долженъ ѣхать въ Алек-

сандрополь и тамъ говѣть. Такъ какъ я былъ присланъ въ распоряженіе Великаго Князя, то сталъ обдумывать, какъ къ нему пойти и попросить отпустить меня изъ отряда.

Когда я рассказалъ о своихъ мученіяхъ и о своей рѣшимости своему товарищу, Князю Г. Орбеліани, жившему со мною въ палаткѣ, онъ принялъ это за шутку; а потомъ сталъ меня отговаривать. Но видя, что ничего не помогаетъ, и желая помѣшать мнѣ покрыть себя позоромъ, онъ пошелъ посовѣтоваться съ однимъ полковникомъ, котораго мы уважали за то, что онъ держался вдали отъ главной квартиры. Вечеромъ этого же дня, этотъ полковникъ, (Валуевъ, старшій сынъ бывшаго министра), прислалъ казака за мной чай пить. Я пошелъ. Онъ прямо сказалъ мнѣ, что Орбеліани все ему рассказалъ, и что онъ не одобряетъ моего намѣренія и считаетъ его бессмысленнымъ. Я возразилъ, что житья мнѣ нѣтъ отъ убитаго мною турка, и что я долженъ снять съ себя этотъ грѣхъ.

„Да, можетъ быть, вы боитесь“, сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтилъ, что, конечно, въ сраженіи довольно страшно, но что не это есть причина, по которой я хочу просить отпустить меня изъ отряда, а что все дѣло въ туркѣ, — что я не могу убивать и долженъ снять съ себя грѣхъ, и для этого говѣть.

„Все это глупости“, сказалъ Валуевъ, „изъ отряда васъ не пустятъ, а говѣнье не поможетъ. Если вы говорите правду и уѣхать хотите не оттого, что боитесь, а оттого, что не хотите убивать, и хотите снять съ себя грѣхъ, то я могу вамъ сказать, что сдѣлать: оставайтесь здѣсь, идите куда пошлють, только никого не убивайте; вѣдь вамъ же не приказываютъ убивать. Забудьте, что у васъ есть оружіе, и когда опять турокъ въ упоръ нацѣлится въ васъ, стойте смирно, не защищайтесь. Если вы

будете убиты, то этимъ и искупите свой грѣхъ убійства; а, главное, навѣрное узнаете, на сколько вы въ самомъ дѣлѣ не можете убивать“.

Слова эти мнѣ показались чрезвычайно справедливыми. Я остался въ отрядѣ и впоследствии имѣлъ случай провѣрить какъ ихъ справедливость, такъ и себя на дѣлѣ.

Послѣ 8-го Августа, я заболѣлъ дисентеріей, но въ госпиталь не ложился, и мнѣ все дѣлалось хуже. Наконецъ, около 10 Сентября, пріѣхавъ съ ночной поѣздки, упалъ въ обморокъ и очнулся въ госпиталь, въ Александрополѣ. Тамъ сталъ поправляться, но, услышавъ 26 числа пальбу, потихоньку ушелъ и поѣхалъ въ отрядъ. Мнѣ очень еще не здоровилось.

3-го Октября, когда было большое сраженіе съ Мухтаромъ, конница нашего отряда была въ резервѣ. Было очень скучно. Турки зажгли степь, такъ что ничего не было намъ видно. Намъ такъ надоѣло, что мы, не спросясь, поѣхали впередъ. Отъѣхавъ верстѣ десять, мы пріѣхали къ Малымъ Ягнамъ. Это — гора, на которой былъ турецкій отрядъ. Командовалъ, какъ мнѣ говорили, пруссакъ Кафтагъ Паша. Сколько эту гору ни брали, ни разу взять не могли. Вдругъ, мы видимъ, турки уходятъ. Насъ было человѣкъ 40, и мы близко подъѣхали. Турки не удостоили насъ вниманія. Наконецъ турки сошли съ горы, а наша конница, (два или три полка, не помню), показалась вдали. Видя, что никого на горѣ уже нѣтъ, мы туда поскакали. У меня была хорошая лошадь, и я съ однимъ казакомъ далеко опередили другихъ. Когда подскакивали къ горѣ, то вдругъ изъ за камня встаетъ турокъ и цѣлитъ въ насъ изъ ружья. Было до него шаговъ 50, а мы на него скачемъ. Я дернулъ

лошадь въ сторону, онъ выстрѣдилъ, козаку черкеску пробилъ, и лошадь у одного казака, что сзади ѣхалъ, убилъ. Я выхватилъ револьверъ, да въ него выстрѣдилъ.

Мы остановились. Смотрю — онъ ружье заряжаетъ. Я очень испугался и закричалъ казаку, что со мной скакалъ: „къ нему скорѣй!“ И самъ къ нему понукаю лошадь. Зарядить онъ не успѣлъ, но не струсиль, а взялъ ружье за стволъ и замахнулся. Казакъ раньше подѣхалъ, турокъ его ударилъ прикладомъ, да попалъ по передней лукѣ и сѣдло раздробилъ. Казакъ ружье ухватилъ, а турокъ тянетъ.

Онъ мнѣ очень понравился. Нисколько то онъ насъ не испугался. Подѣхали казаки, и братъ того, у кого турокъ лошадь убилъ, хотѣлъ его убить, но я не далъ.

Потомъ поѣхали на гору въ оставленный лагерь. Казаки мои разбрелись. Я сталъ ихъ собирать и поѣхалъ съ горы. Уже солнце садилось. Со мною было человекъ 6—7. Стало уже почти совсѣмъ темно. Мои казаки просились ѣхать за турками, и мы отправились. Скоро наткнулись на брошенную арбу съ поклажей. Это очень подзадорило казаковъ, и они просили ѣхать дальше. Я было не хотѣлъ, но потомъ согласился. Мы поѣхали впятеромъ: три моихъ казака и одинъ оренбуржецъ, неизвѣстно откуда явившійся.

Мы ѣхали скоро и въ темнотѣ наткнулись на турокъ. Они шли кучей и, держа ружья на плечѣ, стрѣляли назадъ, не оборачиваясь и не останавливаясь. Сбоку ихъ шли нагруженные арбы. Я чрезвычайно испугался и остановился; но одинъ казакъ поскакалъ вдоль обоза и остановилъ 6 арбъ и кучу турокъ. Пришлось ѣхать за нимъ. Арбычки сейчасъ же убѣжали, а быки стали. Положение наше

было северное. Турокъ было много, (потомъ оказалось больше 30 человекъ). Я думалъ, что насъ въ Карсъ отведутъ. Я дѣлалъ видъ, что за нами войска, и говорилъ туркамъ по турецки слова, которыя зналъ: „не бойся“ и „бросай ружье“.

Почуда я говорилъ это одному турку, другой, стоявшій съ другой стороны, приставилъ въ меня ружье, да и выстрѣлилъ въ упоръ. Пуля прошла подъ лѣвой рукой и череску обожгла. Когда меня освѣтило, я и самъ подумалъ, что убить. Турокъ былъ такъ удивленъ, что я не падаю, что ружье выронилъ. Помню, меня больше всего возмутила „низость“ его поступка, и я подумалъ: непременно его надо наказать, т. е. убить.

Тутъ я узналъ настоящую цѣну моего желанія говѣть и увѣзжать изъ отряда.

Въ рукѣ у меня не было оружія. Пашку вообще я не вынималъ. Мнѣ показалось, что именно этого турка надо пашкой ударить. Феска съ него упала, и середина головы была пробита. Онъ имѣлъ совершенно растерянный видъ. Я его и теперь помню. Я сталъ вынимать пашку; но она туго вынималась.

И тутъ я въ первый разъ за этотъ день вспомнилъ убитаго турка и слова Валуева. Еще я подумалъ о томъ, что вѣроятно насъ всѣхъ сейчасъ застрѣлятъ; и что незачѣмъ брать на себя лишній грѣхъ. Еще подумалъ о матери этого турка, (онъ былъ очень молодежавъ). Я сталъ торопить казаковъ поворачивать арбы; а турокъ, — чтобы шли въ нашу сторону. Мы отправились.

На полъ пути встрѣтили Орбеліани съ десяткомъ казаковъ. Всѣ стали просить опять ѣхать за турками. Пришлось ѣхать, хотя мнѣ и не хотѣлось. Произошло опять то же самое. Опять человекъ 30 остановили. Когда мы ихъ гнали къ себѣ, одинъ

турокъ выстрѣлили мнѣ въ затылокъ. Пуля прошла близко отъ уха. Я не успѣлъ оборонить этого турка, потому что Орбеліани, ѣхавшій сзади, хватилъ его сейчасъ же пашкой по головѣ.

Вечеромъ другого дня стали формировать отрядъ казаковъ подъ начальствомъ князя Фердинанда Витгенштейна, чтобы идти въ Эрзерумъ къ Гейману. Я съ своей командой туда попросился, и мы вечеромъ поздно выступили. Меня стали опять дожимать приступы дисентеріи.

Мы шли всю ночь. Было двѣ дороги: одна прямая въ виду Карса, другая лѣвѣе — въ горахъ. Мы пошли по прямой. Турки насъ увидѣли и напали. Насъ было 800 человекъ, ихъ вдвое или втрое больше. У нихъ были пушки. Кончилось тѣмъ, что казаки всѣ патроны разстрѣляли. Насъ погнали въ горы. Лошади такъ уморились, что казаки шли пѣшкомъ и тянули лошадей.

У меня было два вьюка патроновъ и потому достаточно. Мы залегли за камни и удерживали турокъ. Потомъ сѣли на лошадей и пустились скакать за отрядомъ, который подымался на горы по ущелью. Мы скакали внизу, а наверху были турки. Они хотѣли насъ отрѣзать, да не успѣли. Я ѣхалъ послѣднимъ.

Вдругъ вижу пѣхотнаго солдатика съ ружьемъ. Казаки проѣхали мимо него. Когда я съ нимъ поровнялся, то сообразилъ, что его сейчасъ турки поймаютъ. Я ему говорю: „берись за стремя“; но онъ ужъ ничего не понималъ. Казаки были недалеко. Я имъ закричалъ, но они не останавливались; а звать по имени на такое дѣло я не могъ. Я проѣхалъ мимо солдатика. Тогда вспомнилъ я и турка, и Валуева, и подумалъ, что если меня теперь убьютъ, то какъ разъ будетъ хорошо. Я крикнулъ казакамъ: „кто со мной“ и вернулся. Когда я

подвѣзжалъ къ солдатику, меня нагнали три казака. Казакъ одинъ закричалъ солдатику : „садись сзади!“ . Но солдатикъ былъ какъ полотно и не шевелился. Тогда казакъ слѣзъ и говоритъ : „садись!“ Но солдатикъ не могъ. Тогда еще одинъ слѣзъ и посадили. Турки были шагахъ въ ста и палили сколько могли. Но никто изъ нихъ не догадался слѣзть, и вѣрно потому не попали.

Все это продолжалось минуты двѣ, три. Никогда, ни раньше, ни послѣ, не было такъ спокойно на душѣ. Когда мы поскакали къ своимъ, это состояние спокойствія и ясности прошло. Опять сталъ думать, какъ бы уйти отъ смерти, и потому опять почувствовалъ безпокойство. Мы потомъ дали этому солдатику лошадь, и онъ съ нами пробылъ больше мѣсяца. Онъ ходилъ руками рвать траву для своей лошади, чѣмъ всегда забавлялъ казаковъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодой парень — послѣдняго набора.

Мы кое какъ ушли отъ турокъ и нечаянно наѣхали на мѣсто, гдѣ драгуны сдѣлали неудачную атаку на траншею. Поле было устлано мертвыми. Многие, вѣроятно еще живые, когда ихъ взяли, были положены на большіе камни, такъ что голова выступала за камни, и видно было, что подъ головой былъ разведенъ огонь, и головы сжарены.

Казаки стали копать могилы кинжалами. Мы тутъ и заночевали.

Было холодно и пошелъ дождь. У меня сдѣлалась лихорадка и бредъ. Кромѣ бурки ничего не было. Промокъ совсѣмъ, даже стонать сталъ. Одинъ казакъ все съ себя снялъ и меня укуталъ, а самъ всю ночь подъ дождемъ ходилъ. Холодно было сидѣть. Я былъ такъ не здоровъ, что не воспротивился. Мнѣ все представлялся убитый турокъ, и пробитая голова, и солдатикъ, и жаренныя головы драгунъ. Никогда не забуду этой ночи.

Мнѣ припоминается еще одинъ случай, который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Это было послѣ взятія Карса. На 8 ноября, въ день именинъ Великаго Князя, былъ назначенъ парадъ. Я поѣхалъ посмотреть. Собрались войска, собрались начальники; пріѣхалъ Лорисъ-Меликовъ, пріѣхалъ и Великій Князь.

Великій Князь обратился въ Лорису съ благодарственной рѣчью, крикнулъ въ его честь „ура!“ и сталъ его обнимать. Всѣ кричали и, повидимому, были очень рады. Вдругъ, откуда ни возмись, появился въ пространствѣ между войсками и начальствомъ духоборскій фургонъ. Всѣ такъ ликовали, что раньше его не замѣтили. Стали кричать на духобора и гнать лошадей. Изъ середины фургона слышались стоны. Онъ былъ нагруженъ ранеными. Около Карса много камней. Фургонъ прыгалъ по камнямъ. Раненые жалобно стонали. Духоборецъ гналъ лошадей, а изъ фургона на землю тоненькой струйкой бѣжала кровь. Всѣ это видѣли, и для всѣхъ этотъ случай немного испортилъ торжество. Я уѣхалъ на мѣсто своей стоянки, не дожидаясь его окончанія.

По окончаніи войны я не захотѣлъ возвращаться въ Петербургъ къ той жизни, отъ которой бѣжалъ, и перевелся въ линейный казачій полкъ.

На зиму насъ расквартировали по Ахалкалакскому уѣзду. Въ этомъ уѣздѣ живутъ духоборы, сосланные сюда изъ Россіи. Когда мы проходили черезъ духоборческое село, Троицкое, и ночевали тамъ, мнѣ въ первый разъ случилось видѣть, какъ живутъ духоборцы, и я былъ пораженъ ихъ зажиточностью, ростомъ, красотой и отсутствіемъ заби-

тости и подобострастія въ выраженіи ихъ лицъ. Случилось, что въ то время, когда я сидѣлъ въ хатѣ вмѣстѣ съ духоборцемъ хозяиномъ, на улицѣ, казакъ упустилъ лошадь, а урядникъ за это его ударилъ. Мы съ хозяиномъ духоборцемъ видѣли это въ окно. Духоборецъ, хозяинъ хаты, обратился ко мнѣ и спросилъ, вѣрю ли я въ иконы? Я отвѣтилъ, что вѣрю.

— Почему?

— Потому что на нихъ образъ Божій, — сказалъ я.

— А можно ли икону бить? — спросилъ духоборецъ.

Я сказалъ, что нельзя.

— А какъ сотворенъ человѣкъ? — продолжалъ спрашивать духоборецъ.

Я сказалъ, что по образу Божію.

Тогда онъ сказалъ: „Какъ же такъ, живой образъ Божій бить можно, — вотъ урядникъ ударилъ казака, — а доску съ ликомъ нельзя? Почему?“

Не имѣя, чѣмъ отвѣтить, я сталъ доказывать, что онъ ничего не понимаетъ. Духоборецъ молчалъ. Когда я остановился, онъ не сталъ отвѣчать на мои доводы, а спросилъ: „А Евангеліе читали?“

Я отвѣтилъ, что читалъ и читаю.

Тогда онъ сказалъ: „Читать то вы можете и читаете, да вижу не понимаете, — прочтите еще“.

Больше онъ не сталъ со мною говорить, хотя я и старался съ нимъ заговаривать.

Зимой я читалъ Евангеліе и очень заинтересовался ученіями духоборъ и молоканъ. Въ журналахъ искалъ статей о нихъ и покупалъ книги о ихъ ученіяхъ.

Зная Евангеліе, я видѣлъ, что они ближе къ нему, чѣмъ православные.

Весной мы пошли въ Эрзерумъ, а осенью заняли новую границу. Я командовалъ сотней и охранялъ 70 верстъ границы. Лѣтомъ жили въ горахъ по границѣ, а зимой спускались въ мѣстечко Кагызманъ на Араксъ. Хозяинъ моей квартиры былъ турокъ. Я скоро выучился по турецки и подружился съ семействомъ хозяина. Черезъ нихъ я зналъ, что дѣлается въ области. А дѣлались невѣроятныя вещи. О всемъ рассказывать длинно.

Упомяну только объ одномъ сосѣднемъ уѣздномъ начальникѣ, Карагезовѣ, который выгонялъ турокъ, туземныхъ жителей, изъ ихъ домовъ, дома ломалъ, а дерево съ домовъ продавалъ въ казну по 80 рублей за сажень. А то сгонить помощью казаковъ всѣхъ болѣе богатыхъ турокъ своего уѣзда къ своей квартирѣ, окружить казаками, а самъ уѣхать. Турки спрашиваютъ, для чего ихъ сюда пригнали? Никто ничего не отвѣчаетъ, а домой не пускаютъ. Наконецъ турки догадываются, что надо заплатить; платятъ, кто 5, кто 10, кто 20 рублей, и уѣзжаютъ домой.

Кагызманскій уѣздный начальникъ, Драчевъ, также часто требовалъ казаковъ для сопровожденія своихъ чиновниковъ по селамъ и Куртинскимъ кочевкамъ. Разъ онъ потребовалъ полъ сотни для сопровожденія чиновника на Куртинскую зимовку. Они уѣхали. Меня стали беспокоить мысли о томъ, какъ бы тамъ не случилось смертоубійства. Чиновники очень дорожатъ охраной казаковъ и позволяютъ имъ всякія безчинства. Я зналъ, что курды народъ горячій, и боялся смертоубійства и побоища, — зналъ, куда поѣхали казаки, и поѣхалъ за ними. Когда я пріѣхалъ на зимовикъ, то велѣлъ казакамъ не говорить чиновнику о моемъ пріѣздѣ, и пошелъ въ саклю къ Куртинамъ, чтобы распросить въ чемъ дѣло. Мнѣ

разсказали, что подати за этотъ годъ они уже заплатили два раза: разъ туркамъ, другой разъ русскимъ, и что теперь требуетъ уѣздный начальникъ опять ту же подать. Тогда я пошелъ къ чиновнику сказать, что ѣду къ уѣздному чиновнику, дабы разъяснить дѣло, а казакамъ приказалъ до моего пріѣзда никакихъ насилій не дѣлать. Я уѣхалъ. Не успѣлъ пріѣхать въ Кагызманъ, какъ пришли и казаки. Оказалось, что послѣ моего отъѣзда чиновникъ сталъ приказывать казакамъ ловить и рѣзать барановъ. Они не послушались. Тогда онъ сталъ меня ругать. Казаки сѣли на лошадей и уѣхали. Куртины приступили къ чиновнику и напугали его до смерти. Онъ еле живой прискакалъ въ Кагызманъ.

Я ожидалъ, что попаду подъ судъ. Но оказалось, что Куртины говорили правду, и уѣздный начальникъ побоялся на меня жаловаться.

Этотъ случай послужилъ къ тому, что я въ первый разъ понялъ, для чего главнымъ образомъ держать войска.

Кромѣ того этотъ случай очень возвысилъ меня и моихъ казаковъ въ глазахъ жителей, и они всегда помогали намъ чѣмъ могли. За эту первую зиму стоянки на границѣ въ прочихъ сотняхъ полка (Кубанскаго) было убито жителями изъ за угла 17 человекъ казаковъ и подполковникъ Табанцевъ. На насъ же никто ни разу не нападалъ.

Кагызманъ славится фруктами. Сады тянутся на нѣсколько верстъ, и каждый садъ обнесенъ высокой глиняной стѣной. Въ этихъ проулкахъ часто находили убитыми солдатъ Дербентскаго пѣхотнаго полка, который стоялъ въ Кагызманѣ. Я часто тамъ катался верхомъ, и бывало мнѣ жители надаютъ столько фруктовъ, что не знаешь, куда дѣть. Когда жителямъ туркамъ не въ терпежъ стали русскіе

порядки, они собрались уходить въ Алашкетскую долину и серьезно предлагали мнѣ уйти съ ними. Надо сказать, что они никогда не хотѣли вѣрить, что я христіанинъ, а говорили, что я осетинъ и тайный мусульманинъ.

Одно время я серьезно думалъ о ихъ продолженіи, но какъ вспоминалъ свое село, его бѣдность и убожество, то не могъ рѣшиться уйти отъ него.

У начальства я былъ на отличномъ счету, и сотня моя считалась одной изъ лучшихъ сотенъ на Кавказѣ. Ученій я почти не дѣлалъ, но казаки меня любили и думали, что мнѣ будутъ пріятны похвалы начальства, и изъ кожи лѣзли, чтобы мнѣ ихъ доставить.

Не смотря на это, мнѣ съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣй, а военная служба представлялась бессмысленной и грѣховной. Времени свободнаго было много, и я въ первый разъ сталъ много читать. Я выписывалъ различныя книги, нѣсколько газетъ и журналовъ. Взгляды мои стали понемногу мѣняться. Наконецъ, въ 1880 году, стало не въ моду, и я вышелъ въ отставку.

Пріѣхавъ домой, т. е. въ Сумскій уѣздъ, въ имѣніе моей матери, я захотѣлъ заняться хозяйствомъ, и для этого нашелъ нужнымъ сперва поучиться. Я съѣздилъ въ Москву, чтобы узнать условія поступленія въ Петровско-Разумовскую Академію. Пріѣхавъ домой, я засѣлъ за учебники, потому что успѣлъ перезабыть все, чему учился въ корпусѣ.

Но вмѣсто того, чтобы поступить въ Академію, я опять попалъ на службу. Это произошло слѣдующимъ образомъ: товарищъ мой по гусарскому полку, мой бывшій эскадронный командиръ, Принцъ Константинъ Петровичъ Ольденбургскій, получилъ

линейный казачій полкъ и сталъ меня просить поступить къ нему въ полкъ. Я отказался. Моя мать очень этого желала, но я не соглашался. Я отговаривался тѣмъ, что по закону и не могу поступить, такъ какъ со времени моей отставки прошло только 7 мѣсяцевъ, а требуется одинъ годъ. 26-го февраля, въ день рожденія Наслѣдника, Принца Ольденбургскій попросилъ Государя приказать принять меня на службу, и онъ приказалъ.

3-го Марта 1881 года, я, въ деревнѣ, получилъ телеграмму отъ начальника штаба Кавказской арміи, генерала Гурчина, что, по приказанію Государя, я опредѣленъ на службу въ Хоперскій казачій полкъ. Мнѣ показалось чрезвычайно труднымъ освободиться, и я опять поѣхалъ на Кавказъ.

Пробылъ я на службѣ три года и опять вышелъ въ отставку. На службѣ я испытывалъ все то же, что и въ Кагызманѣ, только сильнѣй: тѣ же похвалы начальства, та же внутренняя неудовлетворенность, то же усмиреніе жителей и совершеніе надъ ними всякихъ несправедливостей и насилій, въ то время, когда я имъ и ихъ дѣлу вполне сочувствовалъ и находилъ справедливымъ. Я продолжалъ интересоваться сектами и даже написалъ краткое изложеніе ученія духовныхъ христіанъ. Но оно меня не удовлетворяло, т. е. не удовлетворяло, главнымъ образомъ, рѣшеніе вопроса о насиліи. Мнѣ было извѣстно тогда только одно рѣшеніе этого вопроса, состоящее въ томъ, что „добрые“ имѣютъ право бить „злыхъ“. Мнѣ казалось, что здѣсь что-то не такъ, а что именно, я не умѣлъ себѣ уяснить.

Въ Хоперскомъ казачьемъ полку я командовалъ сотней; потомъ былъ завѣдывающимъ хозяйствомъ. У меня осталось въ памяти назначеніе меня завѣ-

дывающимъ хозяйствомъ, такъ какъ въ то время оно чрезвычайно меня поразило.

Веденіе дѣлъ въ полку, въ особенности денежныхъ, было чрезвычайно безалаберно. Начальство боялось командира полка, Принца Ольденбургскаго, и смотрѣло сквозь пальцы. Наконецъ стало извѣстно, что въ денежномъ ящикѣ не хватаетъ около 25 тысячъ. Въ виду того, что командоваль полкомъ Принцъ Ольденбургскій, подѣ судъ никого отдавать нельзя было. Завѣдующаго хозяйствомъ удалили и назначили меня. Но я предъявилъ начальству условіе, безъ согласія на которое не хотѣлъ занять этой должности. Дѣло въ томъ, что каждый казачій полкъ обязанъ дѣлать расходы, на которые казна не отпускаетъ денегъ, или отпускаетъ въ смѣшномъ размѣрѣ, (насколько помню, на пріемный покой для полка въ 1000 чел., отпущено было 13 рублей). Деньги на такіе расходы командиры полковъ берутъ изъ той экономіи, какая остается отъ покупки фуража. Напримѣръ, казна за пудъ сѣна отпускаетъ 50 копѣекъ, а пудъ сѣна покупается за 20 копѣекъ. Вотъ 30 копѣекъ съ пуда и идутъ на подобные расходы. Но дѣло въ томъ, что никому не извѣстенъ ни приходъ, ни расходъ подобныхъ денегъ, ибо покупка по книгамъ всегда показывается или по казенной цѣнѣ, или на 2—5 копѣекъ меньше. Это имѣетъ слѣдствіемъ то, что положеніе завѣдующаго хозяйствомъ чрезвычайно двусмысленно. Въ виду этого, я просилъ у начальства права показывать въ книгахъ дѣйствительную покупную цѣну, а также и расходъ остающихся отъ покупки денегъ. Ближайшее начальство не согласилось. Не согласился и я.

Тогда корпусный командиръ, генералъ Джемарджидзе, потребовалъ меня въ Тифлисъ и спросилъ о причинѣ отказа. Я объяснилъ.

„Дѣлайте, какъ всѣ“, сказалъ онъ.

Я сказалъ, что не желаю.

„Вы на службѣ и должны повиноваться“.

Я сказалъ, что подамъ въ отставку.

Онъ разсердился и сказалъ: „Вамъ же хуже: назначать другого, а въ ваши лѣта лестно быть завѣдующимъ хозяйствомъ“.

И дѣйствительно назначили другого. Но черезъ три мѣсяца еще нѣсколько тысячъ ушло изъ депежнаго ящика неизвѣстно куда. Тогда меня опять позвали. Я повторилъ свое требованіе. Начальство махнуло рукой и сказала: „Дѣлайте, какъ хотите“.

Къ концу года, за вычетомъ всѣхъ расходовъ и пополненіемъ недостающихъ денегъ, оказалось эконومی около 58 тысячъ, и я настоялъ, чтобы изъ этихъ денегъ около 20 тысячъ было роздано чинамъ полка. Эта раздача была произведена гласно, въ видѣ награды. А я имѣлъ возможность смотрѣть каждому въ глаза.

Много еще крови мнѣ испортилъ провіантъ, т. е. мука и крупа. Казаки пріемщики были такъ увѣрены, что я за нихъ заступлюсь, что положительно отказывались принимать тотъ провіантъ, который не отвѣчалъ законнымъ условіямъ. Такъ какъ другіе полки принимали, то выходили пререканія и непріятности. Хотя я всегда настаивалъ на своемъ, но было чрезвычайно тяжело, ибо ни въ комъ, кромѣ простыхъ казаковъ и младшихъ офицеровъ, не находилъ поддержки. Старшіе офицеры и общество смотрѣли на меня, какъ на чудака: охота, молъ, возиться, исторіи затѣвать. Стали называть социалистомъ и выдумывать разныя небылицы на мой счетъ.

Я былъ знакомъ съ нѣсколькими политическими ссыльными и, не смотря на намеки начальства, не соглашался прекратить эти знакомства. Хотя идеи

ихъ и не были мнѣ по душѣ, тѣмъ не менѣе жандармскій полковникъ счелъ своимъ долгомъ учредить надо мною надзоръ. По смыслу выходило такъ, что я приобрѣлъ кличку „соціалистъ“ и попалъ подъ тайный надзоръ за то, что ни самъ не нарушалъ закона, ни другимъ по мѣрѣ своихъ силъ не позволялъ его нарушать. Все это, вмѣстѣ съ все болѣе и болѣе выяснявшимся для меня истиннымъ назначеніемъ войска, заставило меня вторично выйти въ отставку.

Я пріѣхалъ въ деревню въ Сумскій уѣздъ и уговорился съ моею матерью, что буду заниматься хозяйствомъ, и доходы ея не уменьшатся. Но скоро это соглашеніе разстроилось, такъ какъ мы оба убѣдились въ томъ, что слишкомъ различно смотримъ на вещи.

Поводомъ послужилъ фруктовый садъ. Во время моего дѣтства никому бы не пришло бы голову продавать яблоки,—они съѣдались,—но теперь продавали, т. е. сдавали садъ въ аренду пріѣзжимъ садовникамъ. Я было не хотѣлъ сдавать, но моя мать настояла сдать, потому что если не сдать, то мужики будутъ красть и поломають деревья. Я сдалъ зимой за 600 руб. и получилъ задатку 75 руб. Но весной ударилъ морозъ, побилъ цвѣтъ, и садовникъ, взявшій садъ, убавилъ цѣну на 150 руб. и лучше соглашался потерять задатокъ, чѣмъ прибавить. Я очень обрадовался, отдалъ ему задатокъ и сказалъ, что дѣло наше разстроилось.

Когда стали поспѣвать яблоки, моя мать начала меня шилить: и денегъ нѣтъ, и садъ поломають. Она настояла, чтобы нанять сторожей, но ихъ я выбралъ.

Надо сказать, что крестьянскій выгонъ подходитъ какъ разъ къ саду, и на немъ въ особенности въ

праздникъ масса ребятъ и мужиковъ, пасущихъ лошадей. Прежде, когда я приѣзжалъ въ отпускъ, мнѣ было всегда чрезвычайно неприятно ходить въ фруктовый садъ и видѣть эту массу ребятъ, стоящихъ вдоль сада, ибо не имѣлъ права ихъ позвать. Но теперь я ихъ позвалъ и сказалъ, что они могутъ всегда ходить и ѣсть сколько хотятъ и домой понести, но не много. Они сперва не вѣрили, но потомъ стали ходить. Я имъ объяснилъ, что ночью лазить въ садъ незачѣмъ (прежде всю ночь шла въ саду пальба), потому что могутъ ходить днемъ. Когда собрали яблоки, я отдалъ половину тѣмъ старикамъ или ихъ семьямъ, которые при дѣдушкѣ садили этотъ садъ.

И еще продалъ на 200 руб.

Моя мать не могла ничего сказать, но была очень недовольна и главнымъ образомъ на то, что „мужики“ ходятъ въ садъ. Но кромѣ нея всѣ были довольны. Въ особенности сторожа, которые могли ночью спокойно спать.

Исторія съ садомъ и еще другія въ томъ же родѣ показали, что дѣло у насъ съ матерью не пойдетъ.

Тогда моя мать предложила отдать мнѣ часть земли съ тѣмъ, чтобы я не вмѣшивался въ ея часть. Я согласился. Она подарила мнѣ 430 десятинъ, изъ нихъ 100 десятинъ лѣса и луга.

Велось трехпольное хозяйство, и земля отдавалась въ аренду крестьянамъ по 20 рублей за десятину. Паръ отдавался около 2-хъ рублей подъ пастьбу, т. е. 42 рубля за кругъ, за три казенныхъ десятины. Цѣна эта очень велика (теперь она еще больше), и арендующій крестьянинъ получаетъ только ту выгоду, что есть гдѣ работать. На своей землѣ я сбавилъ цѣну и бралъ, вмѣсто 42 рублей,

7*

30 рублей за кругъ, и, кромѣ того, позволялъ бесплатно пасти на лугу послѣ уборки сѣна.

Въ то же время я сталъ строить себѣ хуторъ на своей землѣ.

Но тутъ начались непріятности. Я приобрѣлъ репутацію „добраго барина“ и начались просьбы. Я зналъ, что изъ моихъ подачекъ добра выйти не можетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ отказывать.

Со мной начиналось то, что было разъ со мной, когда я былъ еще на службѣ:

Меня безъ моего вѣдома назначили председателемъ полковаго суда, и я объ этомъ узналъ, когда было уже поздно назначить другого. Судили урядника за кражу у товарища сѣдла. Этого урядника (Несмашновъ) я зналъ. Онъ былъ чрезвычайно способный и самолюбивый человѣкъ. Его сотенный командиръ былъ человѣкъ чрезвычайно недалекій и обидѣлъ его. Онъ пустился во всѣ нелегкія и кончилъ проступкомъ самымъ постыднымъ въ глазахъ казаковъ. Но я зналъ, что все это онъ сдѣлалъ какъ говорятъ „нарочно“ — въ „пику“ начальству и себѣ. И вотъ мнѣ приходилось его судить, тогда какъ я зналъ, что истинный виновникъ не онъ, а его сотенный командиръ.

Во всю бытность мою на службѣ я никого подъ судъ не отдавалъ и чрезвычайно рѣдко наказывалъ урядниковъ, а казаковъ почти никогда. Если они плохо учились, я отсылалъ ихъ домой, говоря, что они, вѣроятно, сегодня не расположены учиться, и самъ уходилъ. Это было для нихъ самое тяжелое наказаніе. Урядники и казаки этимъ стращали невнимательныхъ.

Ну такъ вотъ пришлось судить.

Сѣли мы, т. е. я и члены за столъ, поставили зеркало, и я приказалъ привести подсудимаго.

Два казака съ обнаженными пашками его ввели. Онъ долго сидѣлъ подъ арестомъ и былъ блѣденъ; но глаза блестящи. Я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ. Потомъ члены стали спрашивать, а я задумался о томъ, на какомъ основаніи, — на основаніи какого права мы судимъ Несмашнаго, а не онъ насъ. Сколько я не думалъ, ничего не могъ придумать другого, какъ только то, что все дѣло въ казакахъ съ пашками, которые ввели Несмашнаго. — въ томъ, что они слушаютъ не его, а насъ. Оправдать я его не могъ, потому что онъ сознался. Я приказалъ вывести подсудимаго и спросилъ у членовъ, почему мы судимъ Несмашнаго, а не онъ насъ? Они удивились моему вопросу, но не могли мнѣ дать отвѣта. „Ну и я не знаю, сказалъ я, а пока не узнаю, судить не буду.“

Такъ и пошелъ домой. Потомъ этотъ же вопросъ задавалъ командиру полка и другимъ; но никто не отвѣтилъ. Меня ужъ больше не назначали председателемъ полковаго суда.

Ну такъ вотъ съ землей повторилось то же самое. Но дѣло съ землей было труднѣй, потому что мнѣ нужны были деньги, а другого источника, кромѣ земли не было.

Я сталъ смотрѣть на землю, не какъ на свою, а какъ на довѣренную мнѣ на время. Такъ какъ я зналъ, что рано или поздно, она должна перейти къ тому, кто по ней „съ сохой ходитъ“ я сталъ строить хуторъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ не мѣшалъ будущимъ владѣльцамъ. По этой же причинѣ большую часть дохода я вкладывалъ въ землю. Началъ лугъ засѣвать травой и, такимъ образомъ, засѣялъ 50 десятинъ тимофѣвкой со шведскимъ клеверомъ.

Когда хуторъ былъ готовъ, я туда переселился, нанялъ рабочихъ и сталъ хозяйничать. Я удѣлилъ

себѣ 20 десятинъ и надѣялся, что со временемъ ихъ будетъ мнѣ хватать, и что остальную землю буду отдавать дешевле. Завелъ пасѣку и научился ходить за пчелами. Также учился косить и пахать. Съ рабочими жилъ, обѣдалъ и работалъ вмѣстѣ.

Тутъ я въ первый разъ узналъ про Льва Николаевича Толстого; но никакъ не могъ достать его сочиненій. Наконецъ досталъ его соч. „Въ чемъ моя вѣра“, по французски и прочелъ его. Читалъ я эту книгу при особенной обстановкѣ. Я присутствовалъ при медленной и мучительной смерти своего дѣдушки (отца моей матери), котораго очень любилъ и уважалъ. Смерти я не боялся, и видъ умирающаго, кромѣ хорошихъ мыслей, ничего не вселялъ. Этому я обязанъ этому же дѣдушкѣ, который, когда я былъ малъ, водилъ меня съ собою къ умирающимъ старикамъ на селѣ, и я рано привыкъ видѣть, какъ надо умирать.

Когда онъ очень мучился (у него была астма, и онъ то задохнется, то опять прійдетъ въ себя), и ему давали лѣкарства, я зналъ, да и докторъ зналъ, что они не помогутъ, — что надо лѣкарство не такое, которое его бы поправило — такого не было, — а надо такое, которое помогло бы ему умереть. Это видно, и всякій крестьянинъ и всякая баба это знаютъ. Ну вотъ я читалъ ему Евангеліе, и читалъ для того, чтобы ему облегчить смерть.

Вотъ въ такое то время я читалъ „Въ чемъ моя вѣра“. Это было цѣлое откровеніе. Единственный темный для меня пунктъ въ Евангеліи сталъ ясенъ. Я говорю о противленіи насиліемъ злему.“ Все Евангеліе стало стройнымъ ученіемъ, и я принялъ его.

Мнѣ трудно было достать „Въ чемъ моя вѣра“

по русски, и я самъ сталъ переводить ее на русскій языкъ и скоро перевелъ.

Надо сказать, что я устроилъ библиотечку, небольшую, томовъ въ 500 для всѣхъ желающихъ. Для дѣтей, школьниковъ и крестьянъ также устроилъ библиотечку изъ народныхъ изданій „Посредника“, Комитета Грамотности и Маракуева. По праздникамъ школьники приходили за книгами цѣлыми толпами, пока священникъ имъ этого не запретилъ.

Вопросъ о землѣ, — о томъ, что она „моя“, меня сталъ сильно мучить. Часто въ разговорахъ съ крестьянами я замѣчалъ неискренность и подлаживанье, и зналъ, что причиной этого есть ихъ матерьяльная зависимость отъ меня. Когда мнѣ удавалось убѣдить ихъ сдѣлать что либо полезное, то всегда радость отравлялась вопросомъ: *почему* они согласились? Потому ли, что увидѣли истину, или потому, что арендуютъ у меня землю? Становилось все тяжелѣй, и мнѣ стало положительно противно говорить своимъ арендаторамъ о чемънибудь хорошемъ.

Какъ это ни странно мнѣ теперь, но въ то время меня удерживали отъ отдачи земли не столько заботы о своемъ матерьяльномъ благосостояніи, сколько, — даже неловко сказать, — опасеніе, что они испортятъ землю, вырубятъ лѣсъ и т. д. И насколько я помню, это была не ширма, а дѣйствительное опасеніе. Кромѣ того, я дѣлалъ такого рода разсужденіе: можно, не отдавая землю, тратить арендную плату на самихъ же арендаторовъ. Но меня всегда останавливалъ вопросъ: если арендные деньги не мои, а ихъ, то кто поставилъ меня

распоряжаться ими? Почему я сужу Несмашнова, а не онъ меня?

Но долго бы, вѣроятно, я качался на этой качели, если бы не два случая, которые не разсужденіями, а какъ обухомъ по головѣ, меня хватили и заставили съ качели слѣзть.

Я почти каждый день ѣздилъ верхомъ. Разъ поѣхалъ я въ нашу дубовую рощу. Роща небольшая, но представляла ту особенность, что часть ея посѣяна была моимъ дѣдомъ, матерью и мною. Дубки разной величины. Я очень любилъ эту рощу и очень берегъ дубки. Подъѣзжая къ рощѣ, я замѣтилъ мужика, который пахалъ подъ самой рощей. Двѣ лошади паслись въ дубкахъ и скусывали верхушки. Меня злость взяла на мужика, который такъ мало заботится о посаженныхъ дубкахъ. Я поскакалъ къ нему. Онъ шелъ отъ меня. Я догналъ его при самомъ концѣ передъ поворотомъ и сталъ сердито на него кричать: „Развѣ ты не понимаешь, что пропадутъ дубки?“

Въ это время онъ повернулъ лошадь, и я увидѣлъ его лицо. Такого лица я никогда не видѣлъ ни раньше, ни послѣ: худое, зеленое, съ ввалившимися глазами. Я остолбенѣлъ и смотрѣлъ на него.

Онъ спокойно сказалъ: „Я самъ три дня не ѣлъ.“

У меня перехватило горло. Я просто испугался, ужасъ на меня напалъ. Я повернулъ лошадь и ускакалъ. Я опомнился за версту или болѣе.

Дубки мнѣ опротивѣли, и я пересталъ ѣздить въ рощу. Я не могъ больше туда ѣздить.

Въ моемъ лѣсу было много валежника, и я объявилъ на селѣ, что тѣ, кому нужно, пусть берутъ. Разъ, проѣзжая по лѣсу, я услышалъ шумъ въ

чащѣ. Я подумалъ, что скотина, и поѣхалъ посмотреть. Ѣхать было трудно: лѣсъ росъ на болотѣ; были кочки. Наконецъ я замѣтилъ, что отъ меня убѣгаетъ баба: падаетъ, подымается и опять бѣжитъ, и падаетъ. Я сталъ кричать, чтобы остановилась, — чтобы не боялась; а она бѣжитъ, и падаетъ, и стонетъ. Ничего не понимая, я за ней поѣхалъ; но не догналъ: она перелѣзла черезъ канаву, составляющую границу, и чрезъ которую я не могъ перебраться на лошади, и легла. Она оказалась беременной. Наконецъ я понялъ, что она собирала валежникъ и меня испугалась.

Я поѣхалъ домой не веселый, и больше не сталъ ѣздить въ этотъ лѣсъ.

Оказывалось, что земля „моя“, а бродить по ней я не смѣю изъ опасенія повторенія подобныхъ встрѣчъ. Я не выдержалъ. Захотѣлось мнѣ свободы ходить куда хочу, и такъ, чтобы беременныхъ женщинъ не пугать. Я рѣшилъ продать землю крестьянамъ. Отдѣлаться отъ обузы, которая управляетъ мнѣ существованіе.

Такъ какъ я боялся, что моя мать помѣшаетъ мнѣ въ этомъ намѣреніи, то я раньше никому объ этихъ своихъ мысляхъ не говорилъ.

Для постройки хутора я долженъ былъ заложить землю по 27 рублей на десятину. Такъ какъ у меня не было денегъ для выкупа, то этотъ долгъ крестьяне покупщики должны были согласиться взять на себя. Я рѣшилъ продать землю бывшимъ крѣпостнымъ, — тѣмъ, кои работали эту землю.

Я поѣхалъ къ старостѣ, попросилъ собрать сходъ, выбрать 10 человекъ и прислать ко мнѣ для переговоровъ объ арендѣ.

Я нарочно не сказалъ ничего о покупкѣ, чтобы не возбуждать лишнихъ при всякомъ серьезномъ дѣлѣ толковъ.

На другой день была суббота, пришли выборные. Потребовалось такъ много, потому что крестьяне арендаторы жили тремя поселками. Я имъ сказалъ, что хочу продать имъ землю, цѣна та же, что и залогъ, т. е. 27 рублей за десятину — они должны будутъ этотъ долгъ взять на себя. Расходы по купчей заплачу я (я думалъ, что они велики).

Они подумали, какъ потомъ мнѣ говорили, что я смѣюсь надъ ними, и не рѣшались ничего отвѣчать. Но я это предвидѣлъ и сказалъ имъ, что я ихъ позвалъ для того лишь, чтобы они выслушали мои слова и передали ихъ односельчанамъ, что я прошу ихъ это дѣло держать въ тайнѣ и завтра всѣмъ обществамъ пріѣхать ко мнѣ. А теперь они могутъ идти — я все сказалъ.

На другой день собралось все общество и я опять повторилъ свое предложеніе. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Человѣкъ 10 самыхъ зажиточныхъ и вліятельныхъ домохозяевъ стали говорить противъ покупки. Пошла безтолковщина, стали говорить вещи, совсѣмъ до дѣла не относящіяся. Я былъ пораженъ и ничего не понималъ. Нѣсколько лѣтъ спустя я бы сразу понялъ, въ чемъ дѣло, ибо безъ этой безтолковщины, на посторонній взглядъ, не обходится ни одинъ сходъ — такая ужъ манера вести дѣла. Но тутъ я ничего не понималъ. Такъ прошло нѣсколько времени. Я слушалъ и смотрѣлъ и, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло. Тѣ, кои не соглашались купить землю, хотѣли на этихъ условіяхъ купить ее себѣ.

Я подошелъ, попросилъ помолчать и сказалъ: „такъ какъ такіе то не хотятъ покупать, то и не надо. Купить общество, а земли имъ можно и не давать, если они не хотятъ.“ Тогда все измѣнилось и несогласные не только забыли свое несогласіе, но

стали меня просить, чтобы я научил ихъ, какъ подѣлить землю.

Все это было мнѣ очень знакомо и чрезвычайно противно, я сказалъ : „вы теперь такъ боитесь, чтобы я не отказался отъ своихъ словъ, что какую бы я глупость не сказалъ, вы будете поддакивать.“ — Всѣ засмѣялись, и дѣло пошло на ладъ. Выбрали довѣренныхъ, составили приговоръ и скоро кончили все дѣло. Крестьяне умѣютъ держать языкъ за зубами — умѣютъ и дѣло дѣлать.

Когда исправникъ Алферовъ узналъ о покупкѣ, онъ посадилъ старшину подъ арестъ на двѣ недѣли за то, что тотъ засвидѣтельствовалъ приговоръ.

Когда крестьяне купили землю, то не могли согласиться о дѣлежѣ и пришли цѣлымъ обществомъ ко мнѣ. Я зналъ, въ чемъ было разногласіе. Со времени освобожденія ихъ надѣльная земля не передѣлялась (замѣчательно то, что священники, въ угоду помѣщикамъ, всегда толкуютъ имъ, что они по закону не могутъ ее передѣлать), а переходила по наслѣдству; и вышло то, что въ малыхъ семьяхъ много земли, а въ большихъ мало. Вотъ богачи и хотѣли ее передѣлить пропорціонально количеству уже имѣющейся у cadaго земли. Безземельнымъ, родившимся послѣ освобожденія, это, конечно, не нравилось.

Когда они пришли, я имъ сказалъ такъ: „Самое лучшее и справедливое было бы то, если бы всѣ свою надѣльную землю и купленную свалили бы въ кучу и всю кучу подѣлили бы подушно. Но я знаю, что вы этого сдѣлать не можете, — это сдѣлаютъ ваши дѣти. Вы же можете сдѣлать двояко: или дать больше земли тѣмъ, у кого ея больше теперь, или тѣмъ, у кого ея меньше. Я думаю, что второе — лучше, и вы всѣ такъ думаете, но не можете себѣ

представить, какъ выйдетъ при первомъ способѣ, и какъ при второмъ.“ Я составилъ на бумагѣ раздѣлъ по двумъ способамъ. — „Выслушайте, какъ выходить, и тогда, я думаю, придете къ соглашенію. Мнѣ все равно, сами смотрите, какъ лучше.“ Я имъ прочелъ по списку то количество, которое по каждому способу упадетъ каждому, и они согласились дать землю обратно пропорціально имѣющейся у каждаго надѣльной. Подѣлили по душамъ. Землемѣръ былъ тутъ же и по моему списку наръзалъ землю.

Когда они согласились о дѣлежѣ, то я сказалъ: „Вы знаете, что купили и ту землю, на которой стоитъ мой хуторъ. Она теперь ваша, но и я человекъ, и мнѣ нужно мѣсто на землѣ. Какъ скажете, уходить мнѣ или можно оставаться?“ Они сказали, что можно оставаться, и изъ остатковъ прирѣзали къ хутору, всего съ хуторомъ 7 десятинъ. Хотѣли дать приговоръ, но я не взялъ, потому что все равно въ судъ бы не пошелъ.

Рабочихъ я распустилъ. Коровъ и лошадей распродалъ, оставивъ двѣ коровы и одну лошадь-кобылу. Жить одному мнѣ нельзя было, держать рабочихъ не хотѣлось, и я сдѣлалъ такъ: на селѣ жилъ одинъ бѣдный мужикъ, — честный и непьющій совсѣмъ. Онъ былъ бѣденъ, а семейство большое, и все дѣвочки. Одинъ былъ только сынъ лѣтъ 16-ти. Вотъ я и предложилъ ему поселиться на хуторѣ. Онъ согласился и переѣхалъ на хуторъ и прожилъ со мной, пока это было подходяще для обоихъ. Разстались мы друзьями. Жили вмѣстѣ больше двухъ лѣтъ. Онъ женилъ сына, выстроилъ хату на купленной землѣ и перешелъ туда.

Хуторъ мой оказался на хорошемъ мѣстѣ. Какъ я и предполагалъ, на купленной землѣ крестьяне

выстроили село, — 63 двора. и мой хуторъ пришелся какъ разъ въ концѣ.

Все было хорошо. Я учился работать, занимался пчелами и думалъ, что заживу мирно и спокойно; но не тутъ то было.

Въ деревнѣ нужда въ грамотномъ человѣкѣ чрезвычайно сильна. Начиная со сборщика податей и кончая губернаторомъ, всякій нарываетъ содрать съ крестьянина то, чего по закону сдирать не слѣдуетъ.

Ближе всѣхъ къ крестьянамъ — попы. Безъ попа крестьянинъ не можетъ ни родиться, ни жениться, ни умереть. Пользуясь этимъ, многіе священники немилосердно эксплуатируютъ крестьянъ.

Я давно уже пересталъ ходить въ церковь главнымъ образомъ потому, что мнѣ противно было видѣть циничное отношеніе такъ называемаго духовенства къ тому, во что, по ихъ словамъ, они вѣрятъ. Когда меня спрашивали крестьяне о причинѣ, по которой я не хожу въ церковь, я обыкновенно давалъ ту же причину. Причина, т. е. цинизмъ поповъ, имъ былъ виденъ самимъ, ибо рѣдко кто изъ нихъ не присутствовалъ при дракѣ въ алтарѣ двухъ павловскихъ священниковъ, которые ненавидѣли другъ друга.

Крестьяне стали обращаться ко мнѣ съ просьбами объ избавленіи ихъ отъ алчности ихъ духовныхъ пастырей. Я обыкновенно писалъ попу письмо и просилъ сбавить цѣну за нужное таинство. Такія письма часто достигали цѣли. Въ противномъ случаѣ я писалъ письмо или прошеніе архіерею. Такія прошенія всегда достигали цѣли, но какъ архіерей, такъ и попы стали на меня страшно злобствовать. Я задѣвалъ самое чувствительное для попа мѣсто, — его карманъ. Они отвѣтили доносами, которыми буквально забрасывали начальство. Сумское жандармское начальство стало подсылать ко мнѣ пере-

одѣтыхъ агентовъ. Такія посѣщенія долгое время доставляли мнѣ своего рода развлеченіе. Опасаться мнѣ было нечего, такъ какъ слова мои, взгляды и мысли не заключали въ себѣ ничего такого, что бы могло интересовать жандарма. И дѣйствительно, Сумское жандармское начальство скоро перестало разыгрывать глупую роль подъ руководствомъ поповъ Сумскаго уѣзда.

Но такъ какъ поповскій доходъ все уменьшался, то злоба ихъ пропорціально все увеличивалась.

Нѣсколько человекъ крестьянъ перестали ходить въ церковь и говѣть, и многіе стали ходить къ попамъ и просить объясненія темныхъ для нихъ мѣстъ Евангелія. Попы чрезвычайно не любили подобныя посѣщенія, ибо Слово Божіе ихъ же обличало, а потому всячески старались отдѣлываться отъ непрошенныхъ гостей. Это чрезвычайно повредило имъ въ глазахъ крестьянъ, и къ нимъ перестали ходить.

Доносы поповъ имѣли слѣдствіемъ то, что въ наше село пріѣхалъ слѣдователь, и я получилъ повѣстку, изъ которой узналъ, что обвиняюсь въ „отпаденіи отъ православія“. вмѣстѣ со мной позвали человекъ 20 крестьянъ. Начальство надѣялось во время слѣдствія установить фактъ распространенія мною какой нибудь секты; но оно ошибалось въ расчетѣ; выяснились только вымогательство поповъ и ложность ихъ доносовъ.

Одинъ изъ поповъ, желая придать дѣлу политическую окраску, въ показаніи своемъ написалъ: „Князь говорилъ про Государя слова, которыя страшно повторить.“ Когда же слѣдователь просилъ его подавить страхъ и слова повторить, или указать, отъ кого онъ ихъ слышалъ, — оказалось, что онъ забылъ какъ то, такъ и другое.

Я конечно заявилъ, что обвиненіе меня въ от-

падениі совершенно справедливо, — что дѣйстви-
тельно я оставилъ Греко-Россійскую церковь.

Меня слѣдователь скоро отпустилъ, и съ тѣхъ
поръ я уже ничего про это обвиненіе не слышалъ
отъ начальства. Со стороны слышалъ, что дѣло
прекратили, ибо съ одной стороны „распростране-
ніе“ доказать было нельзя, съ другой же стороны
всплыли наружу поповскія беззаконія.

Работы по хозяйству шли своимъ чередомъ. Не
имѣя другихъ средствъ къ существованію, кромѣ
тѣхъ 7 десятинъ, которыя крестьяне уступили въ
мое пользованіе, я старался увеличить ихъ доход-
ность. Насадилъ фруктовый садъ, завелъ питомникъ
для воспитыванія деревьевъ на продажу и завелъ
многопольное хозяйство, которое давало возмож-
ность получать больше дохода, не истощая почву.

Въ это же время само собой какъ то вышло, что
я сталъ вести всѣ письменныя дѣла крестьянъ по
раскладкѣ повинностей и по повѣркѣ ихъ сборщи-
ковъ и старость.

Крестьяне стали совѣтываться со мной о своихъ
дѣлахъ и приглашать на общественныя собранія.
Зная, что не всѣмъ пріятно мое присутствіе, я
ѣхалъ на сходы только тогда, когда все собрав-
шееся общество присылало за мной повозку.

Работая въ полѣ вмѣстѣ съ крестьянами, я учился
у нихъ хозяйству и имъ сообщалъ то, что вычиталъ
въ книгахъ. Вычитанное я примѣнялъ на своей
землѣ, и хорошее перенималось крестьянами. Въ
нашей мѣстности, очень дороги корма для скотины.
Я сталъ сѣять кормовые бураки, что стали дѣлать
и крестьяне. Сѣмена покупали у меня.

Однимъ словомъ, я настолько сблизился съ кре-
стьянами, что сталъ для нихъ своимъ человѣкомъ.
Это произошло, я думаю, главнымъ образомъ, по-

тому, что интересы у насъ были общіе, мы любили и интересовались однимъ и тѣмъ же. Не всѣ, конечно, раздѣляли мои религіозныя убѣжденія; но со всякимъ у меня былъ общій интересъ — любовь къ землѣ и хозяйству. Мы могли цѣлыми часами говорить о жеребятахъ, телятахъ, о ихъ физическихъ и нравственныхъ качествахъ и недостаткахъ. Проведя дѣтство въ деревнѣ, среди крестьянъ, я научился понимать ихъ слова и мысли и умѣлъ выражаться понятно. Въ средѣ крестьянъ я всегда чувствовалъ себя дома, — легко и свободно.

Я чувствовалъ, что та жизнь, которую я велъ, была самая для меня подходящая.

Черезъ два года послѣ поселенія на хуторѣ я женился. Моя мать, которая все надѣялась, что я брошу „свои глупости“ и стану жить, „какъ всѣ“, какъ она говорила, познакомилась съ моей женой въ надеждѣ найти въ ней союзницу. Но она ошиблась. Кажется Гоголь въ одномъ своемъ письмѣ говорить, что „жена должна быть хранительницей души своего мужа“. Моя жена дѣйствительно была такой „хранительницей“ по отношенію ко мнѣ. Это повело къ тому, что мать моя ее возненавидѣла. Такъ какъ мы съ женой не были вѣнчаны въ православной церкви, то мать моя возмущалась тѣмъ, что мы лишаемъ дѣтей своихъ состоянія и титула. Она не могла понять, какъ это женщина не старается захватить для своихъ дѣтей наибольшее количество того, что она называла „благами земными“.

Это непониманіе и все больше и больше возрастающая ненависть привели, наконецъ, мою мать къ совершенію ужасной жестокости по отношенію къ намъ — я говорю объ отнятіи у насъ дѣтей. Но объ этомъ послѣ.

До сихъ поръ я возстановилъ противъ себя поповъ; но затѣмъ, силой обстоятельствъ, я былъ приведенъ къ тому, что вооружилъ противъ себя помѣщиковъ и полицію. Расскажу подробно первое мое столкновение съ ними.

Большая часть нашего села Павловокъ принадлежала графинѣ А. Д. Строгановой. Бывшіе ея крестьяне составляютъ первое общество, тѣ же, коимъ я продалъ землю, бывшіе крестьяне моей матери, — второе общество.

Графиня Строганова выстроила винокуренный заводъ. Отапливался заводъ торфомъ. Во время мокраго лѣта болото, гдѣ вырѣзывался торфъ, заливалось водой, и добыча торфа прекращалась. Отвести воду можно было только черезъ землю крестьянъ перваго общества. 14 или 16 лѣтъ тому назадъ, управляющій графини Штейнъ просилъ крестьянъ дать приговоръ на прорытіе канавы черезъ ихъ землю, обѣщая имъ за это подарить нѣсколько десятинъ болота, смежнаго съ ихъ землей. Крестьяне дали приговоръ, канаву прокопали, воду спустили; но управляющій ихъ обманулъ и не далъ имъ обѣщанной земли. Вотъ прошло 14 лѣтъ, канава осунулась, и вода стала. Добыча торфа стала затруднительна. Управляющій пожелалъ почистить канаву; крестьяне этому воспротивились. Онъ опять обѣщалъ подарить земли. Крестьяне, помня, какъ онъ держитъ свои обѣщанія, отказались и отъ земли, тѣмъ болѣе что канава причиняла имъ много убытковъ. Вода заливала огороды, а въ канаву ночью попадали коровы и лошади. Управляющій обратился къ исправнику, и тотъ приказалъ становому оказать полное содѣйствіе экономіи въ насильственномъ прорытіи канавы.

Управляющій распорядился такимъ образомъ: онъ прислалъ приказъ, чтобы всѣ мужики ѣхали въ даль-

нюю экономію пахать половинскую землю. Когда же они всё уѣхали, то прислалъ 40 человекъ Смоленскихъ грабарей подъ предводительствомъ старшины и полицейскаго урядника копать канаву. Оставшіеся дома старики и бабы замѣтили ихъ только вечеромъ. Нѣсколько стариковъ пошли посмотрѣть, какіе это люди возьмется на ихъ землѣ. Понявъ въ чемъ дѣло, они стали требовать, чтобы урядникъ прекратилъ работу и увелъ грабарей. Урядникъ отослалъ протестовавшихъ подъ арестъ. Оставшіеся дома послали за уѣхавшими на пахоту и ночью пришли ко мнѣ за совѣтомъ.

Зная, что по закону полиція не имѣетъ права вмѣшиваться въ земельныя отношенія, — что это дѣло суда, — я посовѣтывалъ имъ составить приговоръ и обратиться къ исправнику. На это они возразили, что до исправника 40 верстъ, и что, куда они будутъ ѣздить, канаву прокопаютъ. Они стали меня просить прійти утромъ на канаву и усовѣтить полицію.

Я рѣшился пойти, ибо зналъ, что для полиціи и поповъ чрезвычайно выгодно устроить „русскій бунтъ“ и имъ, какъ ширмой, прикрыть свои беззаконія. Канаву, которую хотѣли чистить, служила границей между землей перваго и втораго общества, такъ что, оставаясь, такъ сказать, дома, я могъ видѣть все, что произойдетъ. На канавѣ я засталъ все общество и старшину и Смоленскихъ грабарей. Старшина исполнялъ обязанности приказчики граф. Строгановой. Я поздоровался и спросилъ, что они здѣсь дѣлаютъ. Мнѣ все рассказали при старшинѣ. Тогда я спросилъ у старшины, знаетъ ли онъ что дѣйствія его незаконны? Онъ показалъ мнѣ приказаніе исправника прорыть канаву. Крестьяне волновались и подступали съ угрозами къ грабарямъ. Я сказалъ старшинѣ: „Вы людей на драку наводите.“ Но она

сказаль, что ему приказано. Въ это время пріѣхаль урядникъ и сейчасъ же арестоваль нѣсколько чело-вѣкъ и сталь кричать на мужиковъ.

Грабары взялись за заступы, но крестьяне стали прыгать въ канаву и хвататься за заступы. Я былъ знакомъ со всѣми крестьянами и старался успокоить самыхъ горячихъ. Обратившись къ уряднику, я сказалъ, что знаю о его желаніи устроить бунтъ, но что это ему не удастся, что никто ни его, ни грабарей бить не будетъ и что я прошу его это дѣло прекратить, такъ какъ оно незаконно. Долго онъ не поддавался и нѣсколько разъ кидался на мужиковъ и кричалъ на грабарей, чтобы копали. Мужики прыгали въ канаву, и я принимался ихъ успокаивать, уговаривая ихъ не терять головы и не дѣлать того, на что хочеть ихъ навести урядникъ. Такъ прошло время отъ 7 часовъ утра до 3 часовъ пополудни. Наконецъ урядникъ послаль за управляющимъ. Пріѣхаль помощникъ управляющаго Зубаревъ и сталь ругать мужиковъ, что они своей пользы не знаютъ, глупы и ничего не понимаютъ, не допуская осушить болото. Крестьяне чрезвычайно остроумно ему отвѣчали. Страсти улеглись; канаву перестали рыть, и дѣло обошлось безъ драки.

Мы дождались на канавѣ отъѣзда полиціи и представителя графини Строгановой. Потерпѣвъ неудачу, управляющій старался было подкупить второе общество и получить разрѣшеніе „почистить“ нашъ бокъ канавы. Но я посовѣтоваль крестьянамъ не поддаваться на эту хитрость и не давать позволенія. Полиція и помѣщица стали говорить, что я подстрекаю крестьянъ.

Вскорѣ подоспѣль другой случай. Наше село, Павловки, находится около станціи Новоселки

(Курско-Кіевской желѣзной дороги). Въ двухъ верстахъ отъ станціи стоитъ усадьба П. Н. Терещенки — Александровскій паркъ. Дорога отъ Александровскаго парка до станціи идетъ не прямо, а дѣлаетъ поворотъ. Владѣльцу усадьбы захотѣлось проложить дорогу по прямой линіи; но крестьяне, владѣльцы земли, по которой ее предполагалось провести, не соглашались, ибо она отнимала около двухъ десятинъ земли.

Вдругъ Сумской исправникъ потребовалъ отъ крестьянъ (села Искрисковщины), планъ ихъ земли. Они отвезли. Прошло нѣсколько дней, и на мѣсто, гдѣ хотѣлъ купецъ провести дорогу, выѣхалъ урядникъ съ двумя плугами отъ экономіи и провалилъ по хлѣбу дорогу въ три сажени шириной.

Крестьяне кинулись къ исправнику, который ихъ выругалъ и прогналъ. Обратились къ Сумскому адвокату, и тотъ потребовалъ планъ земли. Но плана исправникъ имъ не отдавалъ. Они пришли ко мнѣ. Я посовѣтовалъ имъ обратиться къ губернатору. Это стало извѣстно, и опять заговорили, что я бунтую крестьянъ.

Предъ этимъ Харьковскій губернаторъ, Петровъ, пріѣзжалъ въ Сумы и позвалъ меня къ себѣ. Я поѣхалъ. Онъ мнѣ объявилъ, что ни онъ, ни Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не могутъ терпѣть моего пребыванія въ деревнѣ, и требовалъ, чтобы я ѣхалъ въ городъ, гдѣ, по его мнѣнію, мнѣ гораздо пріятнѣе жить. Тамъ, молъ, живутъ люди образованные, съ которыми можно и побесѣдовать.

Я сказалъ, что чувствую себя хорошо и въ деревнѣ, и что въ городъ не поѣду добровольно.

— Въ такомъ случаѣ мы васъ вышлемъ, вы смущаете мужиковъ; они на то и созданы, чтобы работать. — И умирать съ голоду? замѣтилъ я.

— И умирать съ голоду; а вы имъ вбиваете въ голову разныя идеи.

Я сказалъ, что ничего не вбиваю, а только стараюсь защитить отъ нарушителей закона: поповъ, помѣщиковъ и полиціи.

— Почему не обращаетесь ко мнѣ? Я бы этого не допустилъ.

Я ему напомнилъ дѣло Павловскаго крестьянина, Ѳедорченко, который, имѣя льготу перваго разряда, попалъ на службу и вотъ уже второй годъ никакъ не можетъ добиться правды. „А между тѣмъ, сказалъ я ему, вамъ писали не одинъ разъ. Почему же вы ничего не сдѣлали?“

— Вы хотите устроить революцію, но не достигнете цѣли. За 20 лѣтъ я ручаюсь.

Я сказалъ, что революціи устроить не хочу, а что вотъ начальство дѣйствительно систематически воспитываетъ въ крестьянахъ тѣ качества и чувства, которыя ведутъ къ рѣзнѣ; — что онъ, вѣроятно, и самъ это понимаетъ, ибо ручается только за 20 лѣтъ спокойствія.

— Поѣзжайте за границу.

Я сказалъ, что никуда не собираюсь ѣхать въ настоящее время.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы васъ вышлемъ. Если бы вы окружили себя китайской стѣной, то и тогда мы не могли бы васъ терпѣть въ деревнѣ.

Это онъ сказалъ на мое замѣчаніе, что я не зову къ себѣ крестьянъ, что, какъ ему должно быть извѣстно, я никому не навязываю своихъ мыслей, а что гоңять ко мнѣ крестьянъ беззаконія поповъ, начальства и помѣщиковъ.

— Поступайте по закону, и никто ко мнѣ не пойдетъ. сказалъ я.

На этомъ мы разстались.

До сихъ поръ ко мнѣ приходили только крестьяне Харьковской губерніи; но скоро беззаконіе начальства дало мнѣ случай познакомиться съ тѣмъ, что творится въ сосѣдней Курской губерніи.

Изъ Курской губерніи стали приходять крестьяне, умоляя защитить отъ грабежа поповъ. Пришлось писать письма этимъ попамъ, напоминая имъ о Богѣ, а также и Курскому архіерею съ просьбами объ обузданіи алчности его подручныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пришлось познакомиться съ двумя случаями угнетенія крестьянъ Курской губерніи начальствомъ и помѣщиками.

Въ Рыльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, находится Глушковская суконная фабрика. Къ фабрикѣ приписано было 22 села, крестьяне которыхъ находились на правахъ „поссесіонныхъ“. Фабрика принадлежала Потемкину и, раньше еще освобожденія крестьянъ, по наслѣдству досталась графу Рибопьеру. У графа Рибопьера было много долговъ. Онъ выхлопоталъ приказаніе считать поссесіонныхъ крестьянъ крѣпостными; получилъ выкупъ; а такъ какъ крестьяне не соглашались добровольно стать крѣпостными и лишиться своей земли, то 16 человекъ заповорожили до смерти, а многихъ сослали. Съ тѣхъ поръ крестьяне платятъ за свою землю, которую имъ дали въ надѣлъ, а бѣольшая часть ея отошла Рибопьеру, который продалъ ее нынѣшнему ея владѣльцу, Ѡ. Терещенко.

Со времени освобожденія крестьянъ, Глушковскіе крестьяне не переставали просить вернуть имъ ихъ землю и не брать съ нихъ выкупа. Имъ отвѣчаютъ экзекуціями. Жизнь лучшихъ и честнѣйшихъ крестьянъ стала невыносима, всѣхъ ихъ преслѣдуютъ и помѣщикъ, и исправникъ со становыми, и старшины. Всѣ старшины на жалованьи у Терещенко,

а дѣти исправниковъ и становыхъ воспитываются на его счетъ.

Трудно себѣ представить всѣ мученія и придирки, которымъ подвергаются тѣ крестьянскіе довѣренныя, которые не согласились на предложенія Терещенко и не продались ему. У нихъ постоянно дѣлаютъ обыски, не позволяють отлучаться изъ дому и въ самую жаркую рабочую пору гоняють по этапу къ начальству и обратно, единственно чтобы ихъ раззорить. Но такія дѣйствія подкупленнаго начальства и желаніе помѣщика ихъ купить только утверждаетъ крестьянъ въ мнѣніи, что дѣло ихъ — правое дѣло. Пользуясь такимъ положеніемъ вещей, разные проходимцы пристали къ этому дѣлу стали брать съ крестьянъ деньги для веденія дѣла и, конечно, ничего не дѣлали путнаго. Но вреда дѣлали много, ибо присылали крестьянамъ фальшивыя бумаги, якобы отъ разныхъ министровъ. Какъ ни странно это можетъ показаться, но начальство ничего не дѣлало, чтобы прекратить подобную присылку, хотя и знало, кто присылаетъ бумаги, а только искало присланныя бумаги, что, конечно, въ глазахъ крестьянъ, придавало имъ печать подлинности.

Я радъ, что имѣть возможность разьяснить и доказать крестьянамъ подложность этихъ бумагъ. Они оставили тѣхъ, кто ихъ явно обманывалъ, и обратились по моему совѣту къ честному и хорошему челоувѣку и, къ ужасу начальства, дѣло повелось явно.

Другое не менѣ возмутительное дѣло случилось въ селѣ Гапоновѣ, Курской же губерніи. Около этого села на рѣкѣ Сеймѣ стоитъ мельница кушца Рыловникова. Купецъ задумалъ выстроить желѣзную дорогу отъ мельницы до станціи Курско-Кіевской желѣзной дороги. Дорога должна была проходить по

землѣ крестьянъ. Крестьяне не согласились, во первыхъ потому, что желѣзная дорога, огибая ихъ село, отдѣляла ихъ отъ ихъ земли и выгона, а, во вторыхъ, потому, что единственнымъ средствомъ ихъ существованія была перевозка муки съ мельницы на станцію.

Губернаторъ, Фонъ-Валь, предлагалъ имъ отъ имени Рыловникова, своего большого друга, нѣсколько тысячъ за землю; но они не согласились и написали министру прошеніе черезъ губернатора. Это прошеніе до министра и не дошло. Между тѣмъ губернаторъ устроилъ отчужденіе земли. Когда же ему донесъ исправникъ, что крестьяне будто бы хотятъ сопротивляться, онъ во главѣ войскъ явился въ Гапоново. Крестьяне вышли къ солдатамъ съ хлѣбомъ-солью; но баталіонный командиръ назвалъ ихъ бунтовщиками и хлѣба не принялъ. Тогда начались невообразимыя вещи. Всѣхъ мужиковъ согнали въ кучу на полѣ, окружили солдатами и тамъ продержали всю ночь. Пятнадцать же человекъ по списку, составленному Рыловниковымъ, заперли отдѣльно въ пустой клунѣ. Женщины подняли вой и кинулись къ отцамъ, мужьямъ и братьямъ; но солдаты, по приказанію своихъ начальниковъ, стали ихъ бить и гнать домой. Въ это время съ поля пришла скотина и, чувствуя, что что то не ладно, стала метаться и ревъть. Ревъ коровъ, плачь женщинъ и ругательства и крикъ солдатъ слились въ одинъ гулъ. Говорятъ очевидцы. — картина была потрясающая. На другой день пріѣхалъ отъ Рыловникова, гдѣ онъ остановился, губернаторъ Валь и началъ съчъ тѣхъ, на кого ему указалъ заранѣе Рыловниковъ. Онъ считалъ удары и стоялъ такъ близко, что его обрызгали кровью. Въ числѣ указанныхъ Рыловниковымъ былъ солдатъ-кавалеръ, по закону избавленный отъ тѣлеснаго наказанія. Онъ заявилъ объ этомъ гу-

бернатору. Фонъ-Валь за заявленіе прибавилъ ему нѣсколько десятковъ ударовъ. Тутъ же на колѣняхъ должны были стоять довѣренные Глушковскихъ крестьянъ, которыхъ для острастки губернаторъ велѣлъ привести на это зрѣлище.

Послѣ этого солдатъ увели, а губернаторъ Валь отправился обѣдать къ Рыловникову, откуда его, пьянаго, отвезли въ Курскъ, что скандализировало даже поѣздныхъ кондукторовъ.

Что было дѣлать крестьянамъ? Гдѣ искать защиты и правды? Они меня спросили. Я посоветовалъ имъ описать подробно все дѣло и подать это описаніе Начальнику Курскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія. Они это и сдѣлали. Начальникъ Жандармскаго Управленія нашелъ ихъ прошеніе уважительнымъ и на столько серьезнымъ, что отправилъ его въ Петербургъ, предупредивъ Фонъ-Валя. Фонъ-Валь написалъ въ Петербургъ Шебеко, и прошеніе крестьянъ кануло въ воду. Тогда крестьяне написали прошеніе на Высочайшее имя, но и это прошеніе постигла та же участь.

Въ это же время и дѣла въ Павловкахъ стали обостряться. По случаю отказа отъ присяги двухъ крестьянъ, попъ въ церкви и въ облаченіи сталъ насмѣхаться надъ заповѣдью Спасителя: не клянитесь вовсе. Это чрезвычайно возмутило крестьянъ. Кромѣ того попы стали распространять слухъ, что тѣ крестьяне, кои не ходятъ въ церковь, бьютъ и колятъ иконы. Тогда двое крестьянъ, чтобы не подвергаться напраснымъ нареканіямъ, собрали свои иконы и отвезли ихъ попу, говоря, что онѣ имъ не нужны, а слышали, что онѣ ему требуются. Попъ разсердился, позвалъ старшину и велѣлъ посадить привезшихъ въ холодную. Когда это стало из-

вѣстно, то еще многіе крестьяне стали отвозить свои иконы. Крестьянъ, отвезшихъ иконы, стали называть штундистами, и Харьковскій архіерей разослалъ по епархіи во всѣ волости и школы брошюру: „Проклятый штундистъ“, написанную для возбужденія ненависти населенія противъ, такъ называемыхъ, штундистовъ.

Эта брошюра, написанная стихами, слѣдующаго содержанія :

Проклятый штундистъ.

Гремите церковные громы,
Возстаньте соборныя клятвы,
Разите анаѳемой вѣчной
Штундистовъ отверженный родъ.

Штундистъ разрушаетъ догматы,
Штундистъ отвергаетъ преданье,
Штундистъ порицаетъ обряды;
Еретикъ онъ — проклятый штундистъ.

Господь нашу русскую церковь
Великою славой почтилъ;
Ее, нашу мать дорогую,
Злословить проклятый штундистъ.

Какъ звѣзды на тверди небесной,
На нашей родимой землѣ
Сіяютъ священные храмы:
Бѣжить ихъ проклятый штундистъ.

Возносятся въ храмахъ молитвы,
Поются церковныя пѣсни,
Совершаются Тайны Святыя:
Хулить ихъ проклятый штундистъ.

Святителей нашихъ великихъ,
Заступниковъ русской земли,
И пастырей нашихъ духовныхъ
Позорить проклятый штундистъ.

Поемъ-ли молебны на пашняхъ,
Источники-ль водъ освящаемъ,
Господень-ли крестъ лобызаемъ,
Глумится проклятый штундистъ.

Суровый и мрачный, какъ демонъ,
Чуждаясь людей православныхъ,
Скрывается въ темныхъ притонахъ
Врагъ Божій — проклятый штундистъ..

Но чуть простодушный заглянетъ
Въ берлогу коварнаго звѣря,
Хулой, клеветою и лестью
Изловить проклятый штундистъ.

Когда эта постыдная брошюра попала мнѣ въ руки, я написалъ подъ каждымъ куплетомъ опроверженіе подлинными словами Спасителя или апостола, поставилъ главу и стихъ и послалъ архіерею черезъ Павловскаго священника. На всѣхъ брошюрахъ, попадавшихъ мнѣ въ руки, я дѣлалъ такіа надписи изъ Евангелія. Вотъ нѣкоторыя изъ выписокъ изъ Священнаго Писанія, вставленныхъ мною противъ соотвѣтствующихъ мѣстъ стихотворенія :

Изъ тѣхъ же устъ исходятъ благословеніе и проклятіе : не должно, братья мои, сему такъ быть.

(Посланіе Іакова, гл. III, ст. 10).

Какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста.

(Еванг. отъ Матѣ., гл. XII, ст. 34)..

Какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы.
(Еванг. отъ Матѣ., гл. VII, ст. 2).

Всякій, гнѣвающійся на брата своего,—подлежитъ суду.

(Еванг. отъ Матѣ., гл. V, ст. 22).

Какъ воробей вспорхнетъ, какъ ласточка улетитъ, такъ незаслуженное проклятіе не сбудется.

(Притчи Солом., гл. XXVI, ст. 2).

Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что меня прежде возненавидѣлъ.

(Еванг. отъ Іоанна, гл. XV, ст. 18).

Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ и когда отлучатъ васъ и будутъ поносить, и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына человѣческаго.

(Еванг. отъ Луки, гл. VI, ст. 22).

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.

(Еванг. отъ Іоанна, гл. XIII, ст. 34).

Благословляйте проклинающихъ васъ.

(Еванг. отъ Матѣ., гл. V, ст. 44).

Наконецъ Харьковскій архіерей прислалъ въ Павловки двухъ ученыхъ поповъ, чтобы опредѣлить, какая тамъ завелась секта, какъ они говорили. Эти попы велѣли мѣстнымъ попамъ устроить „бесѣды“ и разъяснить прихожанамъ правильность православнаго ученія. Но дѣло у нихъ не пошло, ибо на бесѣдахъ крестьяне заставляли поповъ читать Библію и Евангеліе, и Слово Божіе изобличало самихъ поповъ (напр. 13 и 14 главу „Премудрости Соломоновой“ 23 гл. отъ Матѣея).

На одной бесѣдѣ мѣстные священники рѣшили напоить своихъ сторонниковъ и возбудить драку. Бесѣды велись въ школь. И вотъ въ комнату учителя принесли водку; и до бесѣды, и во время ея поили мужиковъ и возбуждали ихъ ненависть про-

тивъ „штундистовъ“. Объ этомъ особенно хлопоталъ попь, Викторъ Флоринскій, который на подмогу себѣ пригласилъ сосѣдняго помѣщика, Жернового, извѣстнаго пьяницу. Но Жерновой напился раньше времени и сталъ вести себя такъ неприлично, что православные мужики, бывшіе на бесѣдѣ, потребовали его удаленія. Симпатія большинства перешла на сторону тѣхъ, кого называли „штундистами“; драка не состоялась, и планы поповъ не осуществились.

Когда я узналъ объ этихъ неудавшихся планахъ, то написалъ попу Флоринскому, ставя ему на видъ все безобразіе его затѣи. На слѣдующей бесѣдѣ, на которой присутствовали служащіе И. Н. Терещенко, попь Флоринскій заговорилъ о моемъ письмѣ и, не отвѣчая на мое обвиненіе о намѣреніи напоить мужиковъ и устроить драку, сталъ приписывать мнѣ то, чего я въ письмѣ не писалъ. Я сказалъ, что онъ говоритъ неправду, и потребовалъ, чтобы онъ прочелъ письмо. Онъ отвѣтилъ, что письма у него нѣтъ, и продолжалъ клеветать. Къ счастью, предвидя подобныя увертки, я оставилъ у себя копию письма. Я всталъ и сказалъ, что прочту свое письмо, чтобы всякій могъ разсудить между нами. Я прочелъ письмо, и всѣ удивились безсовѣстности и наглости попа Флоринскаго.

Попы въ своей ярости совсѣмъ потеряли головы. Собирали сходы и уговаривали крестьянъ сослать „штундистовъ“, намекая при этомъ, что и побить и разорить ихъ можно. „По прочимъ мѣстамъ Россіи „штундистовъ“ рвутъ на куски“, говорили они. Но, къ счастью, крестьяне оказались лучше своихъ духовныхъ пастырей.

По просьбѣ поповъ „штундистамъ“ не давали земли въ экономіяхъ и не принимали на работу. Отцы стали отбирать Евангелія у своихъ сыновей

и рвать ихъ. Одинъ парень, начавшій читать Евангеліе и бросившій пьянство и гульбу, послѣ того, какъ его отецъ, по наущенію попа, разорвалъ его Евангеліе и пригрозилъ его выгнать, если онъ будетъ ходить ко мнѣ, пустился во всѣ тяжкія и, наконецъ, ограбилъ экономическаго кассира. Сидя въ холодной вмѣстѣ съ посаженными туда за отказъ отъ присяги „штундистами“, онъ клялся и говорилъ, что до преступленія его довели попъ и его отецъ. Наконецъ попы узнали, что меня высылаютъ, и возликовали.

Я получилъ бумагу явиться къ исправнику, чтобы выслушать постановленіе министра.

Догадываясь, что это за постановленіе, я не поѣхалъ, а просилъ собрать сходъ и простился съ крестьянами. Я имъ объяснилъ, за что меня высылаютъ и почему не предають суду.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ исправникъ, становой и человекъ десять солдатъ, и исправникъ прочелъ мнѣ бумагу, изъ которой я узналъ, что высылаюсь въ Закавказье на пять лѣтъ.

Когда я спросилъ, какъ я туда попаду, то онъ отвѣтилъ, что дастъ мнѣ проходное свидѣтельство, и что я долженъ ѣхать на свой счетъ. Я отказался взять проходное свидѣтельство и сказалъ, что на такія поѣздки не намѣренъ тратить свои деньги.

Они уѣхали, обѣщаясь пріѣхать за мной черезъ двѣ недѣли.

Я уложилъ вещи и приготовился къ отъѣзду. Черезъ двѣ недѣли опять пріѣхали становой, полицейскій офицеръ и солдаты (они думали, что крестьяне не дадутъ меня взять). Мы поѣхали. Село наше длинное, — около 10 верстъ. Пришлось ѣхать селомъ. Крестьяне всѣ вышли на улицу и прощались со мною. Многіе плакали.

Въ Сумахъ мнѣ назначили двухъ солдатъ про-
вожатыхъ, которые и доставили меня въ Тифлисъ.
Въ Тифлисъ начальство назначило мнѣ мѣстомъ
ссылки духоборческое село Башкичетъ.

Я скоро освоился съ духоборцами. Этому помогла
холера. Я лѣчилъ, какъ умѣлъ, и духоборцы при
болѣзняхъ счали обращаться ко мнѣ. Они собрали
денегъ и поручили мнѣ купить и продавать лѣкар-
ства и опять пополнять аптеку.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ моего приѣзда въ Баш-
кичетъ приѣхала моя жена съ двумя дѣтьми, —
Борей и Олей. Мы нанимали хатку за 3 рубля въ
мѣсяць. Хатка была плохо выстроена, и всю зиму
дѣти и жена простуживались. Хотя климатъ въ
Башкичетѣ не суровъ (не больше 10 град. мороза
зимой), но грязь страшная, и женѣ, и въ особен-
ности дѣтямъ было чрезвычайно тягостно то, что
приходилось всю зиму сидѣть въ заперти. Мы
рѣшили съ женой, что на слѣдующую зиму она съ
дѣтьми поѣдетъ въ нѣмецкую колонію, Екатеринен-
фельдъ, отстоящую отъ Башкичета въ 35 верстахъ.
Тамъ и теплѣй, и суше, и квартиры лучше. Въ
Сентябрѣ жена съ дѣтьми переѣхала въ колонію,
а я заручился разрѣшеніемъ губернатора ихъ на-
вѣщать.

Но не долго пришлось имъ тамъ пробыть. Въ
Октябрѣ изъ Тифлиса приѣхалъ приставъ и по при-
казанію царя силою отобралъ у насъ нашихъ дѣтей.

Оказалось, что уже больше года моя мать хлопотала
объ этомъ, распространяя про насъ съ женой
разную ложь.

Царь не потрудился узнать правду, не догадался
навести вѣрныя справки, а позволилъ себя обмануть
еще лишній разъ, и приказалъ отнять у матери
дѣтей.

III.

ПИСЬМА О ПОХИЩЕНІИ.

Изъ письма Д. А. Хилкова къ А. К. Чертковой. (записаннаго нѣсколько дней спустя послѣ похищенія дѣтей).

Въ Сентябрѣ Цецилія уѣхала на зиму въ нѣмецкую колонію, Екатериненфельдъ, такъ какъ здѣсь зимой очень трудно для дѣтей. Хата мала, а на дворѣ непролазная грязь. Въ первыхъ числахъ Октября пріѣзжала сюда моя мать и между прочимъ спросила меня, отдасть-ли бы я крестьянамъ имѣніе, если бы оно ко мнѣ попало. Я сказалъ, что объ такихъ вещахъ не хочу ни думать, ни говорить. Тогда она сказала: „Я теперь рада, что сдѣлала одно дѣло. Ты попомнишь мнѣ это, да поздно будетъ“. Я только теперь догадываюсь, что она намекала на отнятіе дѣтей, о которыхъ хлопотала еще въ Маѣ и для чего ѣздила изъ деревни въ Петербургъ. Я проводилъ мою мать въ Тифлисъ, оставался тамъ нѣсколько дней и вернулся въ колонію. Женѣ и дѣтямъ жилось тамъ очень хорошо.

На третій или четвертый день моего пребыванія въ колоніи, вдругъ вечеромъ, вижу, подъѣхалъ фаэтонъ. Я вышелъ и вижу мѣстнаго пристава съ полицейскимъ офицеромъ. Я спросилъ, что надо. Полицейскій офицеръ говоритъ мнѣ, что по Высочайшему повелѣнію (я подумалъ, что меня хотятъ увозить, и съ любопытствомъ слушаю — куда) присланъ отобрать у меня дѣтей. Я подумалъ и ска-

заль, что по русскимъ законамъ у меня нѣтъ дѣтей, за кѣмъ же онъ пріѣхаль? Тогда онъ сказалъ: „не у васъ, а у Цециліи Винеръ, — вотъ бумага“. Въ бумагѣ написано: „По приказанію Государя Императора, отобрать у Цециліи Винеръ дѣтей, Бориса и Ольгу, и передать княгинѣ Хилковой“.

Я только тогда замѣтилъ, что и моя мать пріѣхала и сидитъ въ садикѣ съ дѣтьми. Я пошелъ и сказалъ Цециліи. Потомъ пошелъ къ своей матери и спросилъ, зачѣмъ она пріѣхала. Она стала что-то говорить о бумагѣ и о Государѣ.

Я взялъ Ольгу на руки, позвалъ Борю и пошелъ къ Цециліи. Моя мать начала говорить пріѣхавшему съ ней приставу, чтобы не пускать, но я пошелъ.

Въ комнатѣ на всѣ вопросы мои и Цециліи отвѣтъ одинъ: „мы ничего не знаемъ. Государь приказалъ“. Мы просили, чтобы оставить дѣтей переночевать. Моя мать воспротивилась и стала дѣтей изъ рукъ тащить. Дѣти плачутъ, Цецилія плачетъ, а они — мать и приставъ — тащатъ. Просто изъ рукъ тащатъ. Очень трудно было. Цецилія сказала, что съ ними пойдетъ. Отвели ихъ на квартиру мѣстнаго пристава. Уже совсѣмъ стемнѣло. Я предложилъ было Цециліи ѣхать въ Башкичетъ; но это было ей сверхъ силъ. Она сказала, что поѣдетъ до Тифлиса.

Сталъ искать фургонъ. Нѣмцы говорятъ: „нельзя ѣхать, завтра воскресенье“. Я пошелъ къ старшинѣ нѣмцу и рассказалъ ему все. Онъ насъ пожалѣлъ и позволилъ фургону ѣхать. Нашелся тамъ же и фургонъ. Я спросилъ у пристава: „когда ѣдете?“ — „Въ 10 часовъ“. А потомъ узналъ, что они насъ обманули и заказали фэатонъ къ 6-ти часамъ. Я сказалъ нѣмцу, что въ 6 часовъ поѣдемъ.

Всю ночь бѣгали съ квартиры къ приставу. Дѣти плачутъ въ новомъ мѣстѣ.

Моя мать стала мнѣ говорить, что не она это устроила, что я самъ виноватъ, и такъ далѣе. Я сказалъ, что никогда не ожидалъ этого отъ нея. во-первыхъ, какъ отъ своей матери, а во-вторыхъ, просто какъ отъ женщины. Если не она это устроила, то почему же принимаетъ участіе въ подобномъ дѣлѣ?

Утромъ мы поѣхали раньше фаэтона, но на второй верстѣ (до Тифлиса 60 верстѣ) фаэтонъ съ приставомъ, моей матерью, съ горничной и дѣтьми, подъ конвоемъ полиціи, насъ обогналъ. Дѣтей закутали, чтобы насъ не видали.

Я уже отчаялся больше видѣть дѣтей. Ихъ могли сейчасъ же увезти изъ Тифлиса, а мы, ѣдучи шагомъ, могли доѣхать только ночью. И я подумалъ: впереди на четверкѣ злоба скачетъ, а сзади на тройкѣ (да еще одна хромая была) любовь. Злоба одолѣетъ. Ничего не подѣлаешь.

Вдругъ нѣмецъ фургонщикъ погналъ лошадей во весь духъ, и мы догнали фаэтонъ и ѣхали сзади. Проѣхавъ 15 верстѣ, фаэтонъ остановился. Мы сзади. Дѣти увидѣли насъ и стали плакать и лѣзть на фургонъ къ матери. Ихъ оттащили. И моя мать стала просить пристава, чтобы не пускать насъ слѣдомъ; но онъ не согласился.

Опять поскакали. Не доѣзжая двухъ верстѣ до станціи, фаэтонщикъ остановился, чтобы напоить лошадей. Нѣмецъ нашъ спрашиваетъ: „Развѣ не будешь кормить?“ Фаэтонщикъ отвѣтилъ уклончиво, и мы поняли, что онъ хочетъ прямо ѣхать въ Тифлисъ. Нашъ нѣмецъ соскочилъ и тоже сталъ поить. Видя, что и онъ думаетъ ѣхать безостановочно, я говорю: „Очень вамъ благодарны за то, что вы для насъ дѣлаете. За это нельзя заплатить, — Богъ

вась наградить; но нельзя вамъ ѣхать за фаэтономъ: загоните лошадей, онѣ сроду такъ не скакали“. А онъ отвѣчаетъ: „развѣ лошади дороже дѣтей? пусть пропадаютъ. Надо ѣхать за дѣтьми. Развѣ можно дѣтей у матери отбирать. Богъ даетъ дѣтей. Онъ знаетъ, кому даетъ, — и не могутъ люди у матери дѣтей отбирать“.

И мы поскакали. На станціи, смотримъ, фаэтонъ распряженъ. Моя мать просила пристава не пускать насъ; но онъ не согласится. Оказалось, фаэтонщикъ насъ пожалѣлъ и не поѣхалъ прямо. Мы ему все рассказали. Онъ заплакалъ, подковалъ нашему нѣмцу хромую лошадь и сказалъ, что послѣ насъ пріѣдетъ въ Тифлисъ. „Пусть денегъ и не платятъ, а я не поѣду скоро“. А онъ бѣдный человекъ и самъ служить работникомъ.

И дѣйствительно, мы въ Тифлисъ раньше пріѣхали. И такимъ образомъ любовь перегнала злобу.

Въ Тифлисъ поѣхали къ губернатору. Говорить, что ему приказано „отобрать“ и ничего больше не знаетъ. Думаетъ, что просить или хлопотать бесполезно.

Это было въ воскресенье вечеромъ. Въ понедѣльникъ мы взяли номеръ въ той же гостинницѣ, гдѣ были дѣти, и видѣли ихъ. Узнали стороной, что на другой день моя мать утромъ уѣзжаетъ. Я пошелъ и взялъ для Цециліи мѣсто въ той же каретѣ и, ожидая всякихъ пакостей, пошелъ къ полицеймейстеру и показалъ ему документы Цециліи.

На другой день, когда мать моя увидѣла, что и Цецилія ѣдетъ, то потребовала у полицеймейстера, чтобы ее не пускали, потому что у нея документовъ нѣтъ (Одинъ документъ передъ этимъ пропалъ; но полицеймейстеръ сказалъ, что онъ не нужный.) Полицеймейстеръ отвѣтилъ, что самъ ихъ видѣлъ.

„А я всетаки прошу не пускать“. — „Ну, нѣтъ-съ, княгиня, извините-съ, этого ужъ я не сдѣлаю-съ“, сказалъ полицеймейстеръ.

Они поѣхали. Вотъ чтò пишетъ Цецилія объ этой дорогѣ:

„Мы миновали уже переваль, самое холодное мѣсто на Кавказскихъ горахъ. Княгиня съ дѣтьми и я ѣхали въ одной почтовой каретѣ, она занимала внутрення мѣста, а я — верхнее, открытое.

„Дорога была чудно хороша. Солнце было уже высоко и, несмотря на позднюю осень, было еще замѣчательно тепло. Я смотрѣла кругомъ и невольно думала о томъ, какъ хорошъ и прекрасенъ Божій міръ, и какъ всякая маленькая тварь, здѣсь, въ этихъ дикихъ горахъ, свободно живетъ и выводитъ своихъ дѣтенышей, и никто ихъ не отнимаетъ у нихъ, а въ этой маленькой почтовой каретѣ, — сколько зла и страданій. И вѣдь это ѣдутъ не воры и не разбойники, а всѣми уважаемые люди, которые только что среди бѣлаго дня и на глазахъ у всѣхъ, по законамъ страны, и гордясь своимъ поступкомъ, вырвали дѣтей изъ рукъ родной матери и не дадутъ ей даже близко подойти или взглянуть на своихъ дѣтей. Эти мысли, хотя и безсвязныя и безпорядочныя, мучили меня всю дорогу. И все опять я возвращалась къ тому: какое право имѣютъ они? Не мнѣ нужно бояться и таяться, а — имъ, какъ преступникамъ.

„Когда мы подъѣхали къ какой-то станціи, я соскочила съ своего мѣста и подошла къ открытому окну кареты. „Иди, Оля“, сказала я, „мама тебя подержитъ на рукахъ“. — „Нѣтъ, нѣтъ, Цецилія Владиміровна, ужъ это я не позволяю“, вскричала княгиня и поспѣшно стала закрывать окно. Но Оля уже тянулась ко мнѣ и кричала, и я просунула свои руки въ карету на встрѣчу Олѣ. „Это насиліе“,

продолжала кричать княгиня, „я сейчас позову станціоннаго смотрителя“. — „Какъ вы можете говорить о насиліи, послѣ того, что вы сдѣлали?“ И я взяла Олю и пошла съ ней.

„Бывшіе тутъ люди слышали этотъ разговоръ и стали съ удивленіемъ спрашивать: „Что это значитъ? Чѣмъ же это дѣти?“ Когда я рассказала, въ чемъ дѣло, кондукторъ въ негодованіи закричалъ: „Какъ это возможно? Какъ могли взять дѣтей у родной матери? Посмотрѣль-бы я, какъ бы у меня взяли моихъ дѣтей“.

„На другой станціи я вернула Олю и взяла Борю, и тогда княгиня сказала мнѣ: „Ну, хорошо, пусть будетъ ваша воля до вечера, а тамъ посмотримъ“.

„И пріѣхавши во Владикавказъ, она немедленно обратилась къ полицеймейстеру и просила его задержать меня. Это ей не удалось; но за то она въ Ростовѣ всетаки обманула меня и избавилась отъ меня“.

Изъ Владикавказа Цецилія писала, что нашла дѣтей въ гостинницѣ и взяла тамъ номеръ. Она пишетъ:

„Дѣти сейчасъ прибѣжали ко мнѣ. Не прошло и получаса, какъ стучать въ дверь, и влетаетъ въ комнату полицеймейстеръ съ разъяреннымъ лицомъ. „Ваши бумаги“. Я дала. Потомъ, указывая на дѣтей и Дуню (горничная моей матери, которая очень насъ жалѣла и чѣмъ могла помогала), „а это кто у васъ?“ — „Это мои родныя дѣти“. — „Теперь это не ваши дѣти, по Царскому повелѣнію они переданы княгинѣ“, и хотѣлъ сейчасъ же вывести, но почему-то остановился и сталъ спрашивать. Когда я его попросила не принимать жестокихъ мѣръ и выслушать меня, онъ смягчился, взялъ бумаги и сказалъ, что спросить у Начальника Области.

„Сегодня утромъ я была у него и просила вернуть бумаги. Полицеймейстеръ былъ гораздо вѣжливѣе и сказалъ, что, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ самъ Государь отдалъ приказъ, то оно очень серьезно, и Начальникъ Области не беретъ рѣшить его, а отправилъ телеграмму Тифлисскому губернатору, такъ что раньше его отвѣта нельзя вернуть бумаги. Я вернулась въ гостинницу, и мы съ дѣтьми проплакали до самаго отъѣзда, 10 часовъ.

Вдругъ, при самомъ выѣздѣ, появляется полицеймейстеръ и передаетъ мнѣ бумаги. „Отвѣта отъ Тифлисскаго губернатора нѣтъ, но Начальникъ Области не считаетъ себя въ правѣ задержать васъ“. Я поблагодарила его искренно отъ всей души; все-таки, значить, пожалѣлъ человѣкъ, даже самъ поспѣшилъ до отхода поѣзда передать бумаги. „Можете ѣхать“. Господи, какъ я была рада. Дѣти успокоились, когда увидѣли, что и я ѣду съ ними.

„Когда я сѣла въ вагонъ, явился какой-то чело-вѣкъ и сказалъ, что въ гостинницѣ нужно знать, куда я выѣзжаю. Я сказала: „Въ Харьковъ“. Черезъ нѣсколько времени онъ опять прошелъ съ жандармомъ и указалъ ему на меня. Я находилась подъ надзоромъ, какъ воровка или убійца.

„До самаго Ростова я не видала дѣтей, потому что твоя мать закупила ихъ въ вагонъ и не позволяла подходить къ окну. Въ Ростовѣ я ихъ нашла въ „дамской“ и посидѣла съ ними немножко. Когда прозвонили уже два звонка, твоя мать мнѣ говорить: „Предупреждаю васъ, что вы опоздаете, мы ѣдемъ па директорскомъ“. Я пошла къ швейцару спросить. Онъ сказалъ, что другой идетъ вечеромъ. Тогда я пошла къ Куколь-Яснопольской (она ѣхала съ княгиней), но онѣ переглядывались и старались сбить меня съ толку. Вещи мои были на поѣздѣ, и прозвонилъ третій звонокъ. „Скажите

мнѣ, по крайней мѣрѣ, куда вы ихъ повезете теперь?“
— „Въ Павловки“. Я обняла дѣтей, они плакали и цѣплялись за меня, я побѣжала...“.

Потомъ оказалось, что мать моя сказала Цециліи, что ѣдетъ на директорскомъ, только для того, чтобы избавиться отъ нея.

Письма Цециліи Владиміровны изъ С.-Петербурга.

Послѣ отнятія у нея дѣтей, Цецилія Владиміровна поѣхала въ Петербургъ для того, чтобы подать Государю Императору прошеніе о возвращеніи ихъ ей. Но въ то время она еще не знала, что распоряженіе объ отнятіи у нея дѣтей воспослѣдовало на основаніи доставленныхъ Государю ложныхъ свѣдѣній о будто бы дурномъ отношеніи родителей къ дѣтямъ; и, не зная этого, она не запаслась никакими доказательствами для обнаруженія ложности этихъ свѣдѣній. Поэтому самому ея прошенію, не прибавивъ ничего къ тому, что было уже извѣстно государю по этому дѣлу, было оставлено безъ послѣдствій. Если-бы ей своевременно стало извѣстно то, въ чемъ она обвинялась, то она имѣла бы возможность предварительно собрать доказательства ложности этого обвиненія и предъявить эти доказательства вмѣстѣ съ своимъ прошеніемъ, которое въ такомъ случаѣ послужило бы разоблаченіемъ передъ Государемъ Императоромъ происшедшаго недоразумѣнія и, безъ сомнѣнія, получило бы въ Его глазахъ совсѣмъ иное значеніе.

Нижеслѣдующія отрывки заимствованы изъ писемъ Цециліи Владиміровны изъ С.-Петербурга:

I.

Генераль Рихтеръ для свиданія назначилъ мнѣ быть въ Коммисіи прошеній въ 2 часа. Я долго ждала его. Когда я вошла, онъ всталъ, взялъ у меня прошеніе и сталъ читать.

— Да, вы не крестили дѣтей?

— Нѣтъ, не крестили.

— А скажите, пожалуйста, дѣти всегда были при васъ, или они жили въ отдѣльной деревнѣ?

Когда я рассказала, какъ было дѣло, т. е., что дѣти всегда находились при мнѣ, — онъ сталъ говорить какимъ то возмущеннымъ тономъ, точно въ обидѣ за дѣтей, и въ этомъ тонѣ продолжалъ говорить все время.

— Ихъ нашли въ ужасномъ состояніи. Они были какъ звѣрки. При томъ больны, у дѣвочки было выпаденіе кишки, грязныя, нечесанныя. У насъ собрано на этотъ счетъ масса показаній. Дѣти были совершенно заброшены.

— Это неправда, — вамъ даны ложныя показанія. У дѣвочки дѣйствительно было выпаденіе кишки, но это было послѣдствіемъ катарра желудка, который она нажила въ Башкичетѣ; но именно потому, что дѣти не переносили того климата, я и переѣхала съ ними въ колонію, и тамъ они стали поправляться. Наконецъ, какъ можно ставить болѣзни дѣтей въ вину родителямъ? Развѣ у той же княгини Хилковой не умерла дѣвочка отъ какой то болѣзни?

— Вы ихъ держали въ большой нечистотѣ, а чистота, какъ внутренняя, такъ и наружная — вещь необходимая.

— Я ихъ держала такъ, какъ было въ моихъ

силахъ, я не могла сдѣлать бѣльшаго въ той обстановкѣ, въ которой мы жили.

— Да, но зачѣмъ вы себя и ихъ поставили въ необходимость такой обстановки ?

— Мы прежде жили хорошо ; но когда мужа сослали, мы не имѣли возможности жить иначе.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ любите своихъ дѣтей, то какъ можете вы ихъ лишать всего : имени, положенія, состоянія ?

— Мы не можемъ лишить ихъ этого : по закону они должны носить имя своей матери, а для того, чтобы они могли сдѣлать себѣ положеніе въ свѣтѣ, мы старались дать имъ тотъ внутренній капиталъ, благодаря которому они заслужили бы именно того, чего стоятъ.

— Какой это внутренній капиталъ ? Вѣдь вы лишили ихъ всѣхъ правъ ; значить не могли бы даже дать образованіе ни въ какомъ учебномъ заведеніи.

— Мы дали бы лучшее образованіе, чѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ. . . и наконецъ, если не въ Россіи и не въ Европѣ, то въ Соединенныхъ Штатахъ имъ всегда можно будетъ поступить въ учебное заведеніе и безъ всякихъ правъ и бумагъ.

— Но вы лишаете ихъ даже куска хлѣба, они нигдѣ не могутъ быть записаны и будутъ точно между небомъ и землей безъ всякой связи съ людьми, среди которыхъ живутъ.

— Мы старались дать имъ именно ту внутреннюю связь, которая прочнѣе и вѣрнѣе всякой внѣшней, — хорошее братское отношеніе ко всѣмъ людямъ.

— Любовью одной не заработаешь хлѣба.

— Для этого у нихъ будутъ здоровыя руки и ноги, развитой умъ, образованіе.

— Но это невозможно безъ имени, положенія.

Не имѣя внѣшней опоры, они неизбежно сдѣлаются анархистами, подобно ихъ отцу, который проповѣдывалъ коммунизмъ.

— Онъ не проповѣдывалъ коммунизма, его со-слали за его религіозныя убѣжденія.

— Но почему же онъ отдалъ свою землю крестьянамъ? Онъ не имѣлъ права этого сдѣлать.

— Развѣ человѣкъ не имѣетъ права отдать то, что ему принадлежитъ, тѣмъ, кого онъ пожалѣеть?

— Нѣтъ, это родовое имѣніе, которое онъ обязанъ передать своему потомству, которое пускаетъ теперь по свѣту съ сумою. Если бы вы въ самомъ дѣлѣ любили своихъ дѣтей, вы бы не лишили ихъ всего. Вы не вѣрите въ крещеніе, ну и никто не можетъ измѣнить вашихъ внутреннихъ убѣждений, но почему не посмотрѣть на это, какъ на простую формальность, чтобы дать положеніе дѣтямъ?

— Но вѣдь крещеніе таинство....

— Оставимъ религіозные вопросы въ сторонѣ, живя въ государствѣ, вы должны подчиняться его законамъ.

— Если крещеніе нужно, чтобы получить права, то вѣдь мы не просимъ ихъ. Если бы мы просили что нибудь у государства, то исполняли бы и его требованія....

II.

Я не могла уѣхать изъ Петербурга, не повидавшись съ дѣтьми. Мнѣ ужасна была мысль, что, проживши около мѣсяца въ Петербургѣ почти рядомъ съ ними, я такъ и уѣду, не повидавъ ихъ. Я знала, гдѣ они живутъ, и слышала, что они были больны и не выходили изъ комнатъ.

Иногда по вечерамъ, чтобы не быть замѣченной,

почти какъ воровка или преступница, я отправлялась въ Саперный переулокъ и ходила взадъ и впередъ передъ тѣмъ домою, въ которомъ были заточены мои малютки. Этотъ домъ большой, четырехъ-этажный, каменный, мнѣ казался настоящей тюрьмой, и я, какъ-бы старалась проникнуть за стѣны его. Но могла ли я замѣтить что нибудь изъ того, что дѣлалось въ третьемъ этажѣ за густыми шторами и занавѣсками? Я только съ особенной живостью мысленно могла воображать себѣ своихъ крошекъ во всякихъ видахъ, и сознание ихъ близости придавало этимъ мыслямъ невыразимую мучительность и вмѣстѣ что-то удовлетворяющее. Походивъ такъ нѣкоторое время, я возвращалась домой съ пустымъ и разбитымъ сердцемъ.

У меня не было ни малѣйшей надежды увидѣть дѣтей, но я все таки не могла рѣшиться уѣхать. Я знала, что княгиня Хилкова не впустилъ меня къ себѣ въ домъ. Вѣдь и въ Павловкахъ она позволила мнѣ видѣть дѣтей, только благодаря просьбамъ и настояніямъ ея брата, пріѣхавшаго вмѣстѣ со мной. Теперь она просто велѣла бы прогнать меня. Я стала думать и думать, какъ бы мнѣ все-таки добиться свиданія съ дѣтьми, и мнѣ пришло въ голову обратиться къ генералу Рихтеру. Онъ совершенно неожиданно для меня охотно согласился написать нѣсколько строкъ княгинѣ Хилковой, благодаря которымъ я могла проникнуть къ моимъ дѣтямъ. Тотчасъ же я взяла извозчика и поѣхала.

Княгини не было дома. Я почти часъ просидѣла на лѣстницѣ въ верхнемъ этажѣ, дожидаясь ея возвращенія. Когда она пріѣхала, и лакей ей подаль письмо, она вышла въ сѣни и сказала мнѣ:

— Зачѣмъ вы хотите видѣть дѣтей?

— Какъ вы можете спрашивать объ этомъ? не-респросила я ее.

— Изъ этого все равно ничего не выйдетъ.

— Я не сказала, что чтонибудь выйдетъ, я хочу видѣть дѣтей.

Она повела меня въ гостинную и сказала: „но больше четверти часа я вамъ не позволю ихъ видѣть“. Затѣмъ пошла въ дѣтскую и вывела оттуда дѣтей.

Они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на меня. Я взяла маленькую Олю на руки и повела Борю съ собой къ дивану. Княгиня взяла стулъ и сѣла прямо противъ насъ. Я стала спрашивать дѣтей, помнятъ ли они меня и папу?

Боря сказалъ: „папу мы помнимъ, тутъ много его портретовъ, и онъ намъ телеграммы присылаетъ“. Княгиня встала: „про папу всѣ имъ напоминаютъ, папа очень хорошій человекъ“.

— А напоминаютъ ли вамъ про маму? спросила я.

Боря потушилъ голову: „нѣтъ, не напоминаютъ, но мы помнимъ“.

Между тѣмъ Оля смотрѣла на меня большими глазами и спрашивала: „ты чужая мама? Вѣдь у насъ нѣтъ мамы“.

Боря прибавилъ: „намъ лакей сказалъ, что наша мама умерла“.

Княгиня какъ бы разсердилась и сказала: „не правда, Боря, никто вамъ этого не говорилъ,“ и они заспорили.

Я сказала имъ: „если вамъ будутъ говорить, что ваша мама умерла, не вѣрьте, она жива и любитъ васъ и, если уйдетъ, опять прійдетъ и никогда не забудетъ васъ, лишь бы вы ее не забыли“. Я еще спросила Борю: „хотѣли бы вы опять жить съ папой и мамой въ Башкичетѣ или колоніи?“

Боря опять понурилъ голову и сказалъ: „Да,

только тамъ было такъ грязно. Помнишь, какъ мы прямо руками копались въ грязи“.

— Это неправда, мой мальчикъ, кто это тебѣ наговорилъ? Вѣдь мама вамъ не позволяла копать руками въ грязи; вамъ, вѣрно, тоже и про маму рассказали, что она дурная, нехорошая.

Княгиня опять вмѣшалась: „никто имъ не говорилъ этого, и они давно забыли, что такое „злой“ и „дурной“, это они у васъ называли людей злыми, а теперь они милыя дѣти и не говорятъ больше такихъ словъ“.

На это я ей ничего не отвѣтила, она была отчасти права; но я сейчасъ объясню, откуда у нихъ взялось такое раздѣленіе людей на добрыхъ и злыхъ. Два года тому назадъ, когда пріѣхала къ намъ полиція и увезла его отца, Боря былъ уже достаточно великъ, чтобы понять, что его папу взяли силой. Онъ видѣлъ горе мое и окружающихъ мужиковъ, и не могъ не понять негодующихъ восклицаній противъ виновниковъ этого горя. Тутъ онъ получилъ первое, хотя можетъ быть еще смутное понятіе о „злыхъ людяхъ“. Вообще о полиціи онъ не былъ хорошаго мнѣнія, потому что эти господа насъ часто навѣщали и докучали своими придирками. Помню, какъ Боря на шутивный вопросъ моей сестры, хочеть ли онъ быть урядникомъ, отвѣтилъ: „нѣтъ, урядники бѣшки, они увезли папу и все спрашиваютъ бумаги и записываютъ“. Четыре мѣсяца тому назадъ, когда опять къ намъ явилась полиція, имѣя во главѣ своей княгиню Хилкову, и вырвала дѣтей изъ нашихъ рукъ, Дмитрій Александровичъ въ порывѣ негодованія сказалъ Борѣ: „вотъ помни, Боря, что это твоя grand-maman, отбираетъ васъ у папы и мамы, она злая женщина и обманывала насъ, не вѣрь ей. она будетъ обманывать и васъ“.

Естественно, что съ тѣхъ поръ, въ особенности,

всѣ люди для нихъ раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, и они, увидя новаго человѣка, прежде всего спрашивали, добрый ли онъ или злой, — вопросъ, который такъ изумлялъ людей, незнакомыхъ съ ихъ жизнью.

Мнѣ хотѣлось еще разспросить ихъ, что они дѣлаютъ, какъ играютъ, но княгиня Хилкова вынула часы и сказала: „уже половина шестаго“. Это былъ знакъ, что мнѣ уходить. Я встала и спросила ее: „неужели вы можете имѣть что нибудь противъ того, если я еще разъ прійду проститься съ дѣтьми?“

— Когда же вы уѣзжаете ?

— Я не знаю.

— Такъ напишите мнѣ и приходите, только когда я буду дома.

Я обняла дѣтей, они все какъ будто въ недоумѣннн смотрѣли на меня. Я ушла.

Какое свиданіе, Господи, какой жалкій и унылый былъ видъ у нихъ. И почему они были такъ печальны? Можетъ быть слишкомъ трудные для нихъ вопросы зашевелились въ ихъ дѣтскихъ головкахъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ вернулась я домой и рѣшила по крайней мѣрѣ оставить дѣтямъ на память отъ себя карточку, чтобы они вспоминали обо мнѣ хоть такъ, какъ вспоминали отца по портретамъ. На другой день я пошла къ фотографу, а когда черезъ недѣлю была готова карточка, я написала княгинѣ, что желала бы видѣть дѣтей.

Она прислала мнѣ своего человѣка и назначила 11 часовъ утра. Когда я пришла, княгиня опять было взяла стулъ, чтобы сѣсть противъ меня, — меня взорвало и я сказала ей: „неужели вы опять будете смотрѣть мнѣ въ глаза? Развѣ вы не можете себѣ представить, какое вы впечатлѣніе на меня

производите?“ Тогда она какъ бы спохватилась, встала и сѣла въ сторонкѣ.

Въ этотъ разъ дѣти были веселѣе и какъ бы обрадовались моему приходу. Боря оживленно азсказываль, чтò они дѣлають, какъ играютъ, гуляютъ, чтò ѣдятъ, приносиль показывать свои игрушки, а когда княгиня сказала: „а Оля поломала всѣ свои игрушки, у нея. кажется, уже нѣтъ“, я съ грустью замѣтила, что Боря уже измѣнился по отношенію къ своей маленькой сестрѣ, за которую онъ прежде всегда заступался, и тоже поддакивая бабушкѣ, сказалъ: „Олѣ не стоить дарить игрушки, она не умѣеть играть“. Я посмотрѣла на Олю, она сдѣлала такое испуганное личико и чуть ме заплакала. Боря тоже рассказалъ мнѣ, что Оля много капризничаетъ. Когда я спросила вошедшую няню, правда ли это, княгиня за нее отвѣтила: „она кричитъ по цѣлымъ часамъ и бьется головой объ полъ. Ну, да теперь она стала всетаки лучше, чѣмъ была прежде“. Странно. Оля дома, напротивъ, меньше капризничала, чѣмъ Боря. Не потому ли здѣсь ея крикъ и капризы больше замѣчаются, что Борины прихоти и желанія всѣ исполняются, между тѣмъ какъ Олѣ малѣйшее ставится въ вину. Она больше все молчала и слушала. Боря съ особеннымъ выкрикиваніемъ началъ говорить какіе-то стихи безъ малѣйшаго пониманія, какъ выдрессированный полугай, но всетаки съ очевиднымъ сознаниемъ, что то, чтò онъ теперь знаетъ, и чему его учать, гораздо лучше, чѣмъ все прежнее. Я его прервала: „будеть этихъ, можетъ быть ты знаешь другіе — получше?“ Онъ началъ стихи о пойманной птичкѣ; и при этомъ обое вспомнили тѣ пѣсни, которыя я имъ напѣвала, укладывая ихъ спать, и попросили меня спѣть ихъ. Пѣть я не могла, но повторила имъ слова этихъ пѣсенекъ и, по просьбѣ Оли, рассказала ей сказку...

III.

(Къ Генералу Рихтеру.)

Ваше Высокопревосходительство! Вы пожелали узнать, какое впечатлѣніе произвели на меня мои дѣти послѣ ихъ разлуки со мною. Такъ какъ я легче выражаюсь письменно, то пишу Вамъ объ этомъ.

Прежде всего они произвели на меня впечатлѣніе пойманныхъ птичекъ, заключенныхъ въ золотой разукрашенной клеткѣ, — они въ полномъ довольствіи и безопасности, ихъ кормятъ конфетами и пирожными, ими интересуются: но они лишены солнечнаго свѣта, его тепла и свободы; и видъ ихъ унылый, раздражающій сердце. Я была увѣрена, что увижу ихъ цвѣтушими, здоровыми, какъ Вы говорили мнѣ, а они показались мнѣ чахлыми, поблекшими растеніями, потерявшими всю жизненную прелесть свою. Когда они жили подъ родительскимъ кровомъ, они выглядѣли, можетъ быть, мужиковато, грубовато; за-то были сильны, румяны, крѣпки. Теперь же тѣло у нихъ дряблое, пухлое, а цвѣтъ кожи совершенно безкровный...

Вы скажете: за то она обезпечиваетъ ихъ будущность. она даетъ имъ имя, положеніе, состояніе... Но, Боже мой, дайте намъ возможность доказать Вамъ, что и мы не лишимъ ихъ этого. Дайте намъ воспитать ихъ умными, сильными, образованными, здоровыми и добрыми людьми. и Вы увидите, что у нихъ тогда будетъ имя, положеніе, состояніе. Но Вы опять скажете: хорошо, только мы не позволяемъ Вамъ это дѣлать по-свѣдому, вы должны подчиниться нашимъ указаніямъ и т. д. — Чтò же намъ дѣлать теперь? Мы не можемъ жить чужимъ

умомъ, а на Вашей сторонѣ сила, — и это ужасно, ужасно...

У меня сердце разрывается, когда я думаю о дѣтяхъ, и я не нахожу больше словъ, которыми могла бы умолить Васъ...

IV.

Письма матери о своихъ дѣтяхъ.

Въ виду того, что главнымъ основаніемъ для отнятія дѣтей Хилковыхъ у ихъ родителей послужили сообщенія о дурномъ обращеніи съ ними ихъ матери, я собралъ много отзывовъ по этому предмету у лицъ, близко знакомыхъ съ ихъ семейною жизнью; и всѣ эти отзывы, которыхъ слишкомъ много для приведенія ихъ здѣсь, въ одинъ голосъ указываютъ на самое любовное, внимательное и разумное обращеніе матери съ своими дѣтьми.

Я обратился также и къ Цециліи Владиміровнѣ съ просьбою самой сообщить мнѣ, какъ она вообще понимала задачи воспитанія, и каковы были ея взаимныя отношенія съ дѣтьми. Она мнѣ отвѣтила слѣдующими письмами. Достаточно прочесть эти откровенныя и безхитростныя сообщенія, каждая строчка которыхъ дышетъ неподдѣльною искренностью, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что кромѣ безпредѣльной любви и самыхъ неутомимыхъ попеченій о ихъ благосостояніи эта мать ничего не могла проявить по отношенію къ своимъ дѣтямъ.

1.

Должна вамъ признаться, что выработанной системы у меня нѣтъ никакой, нѣтъ даже и правилъ, которыхъ я считала бы необходимымъ придержи-

ваться по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Съ одной стороны потому, что приходится приравниваться къ ихъ характерамъ, которые еще не совсѣмъ выяснились мнѣ самой, а съ другой — потому, что постоянно является столько затрудненій и противорѣчій, что нѣтъ возможности установить опредѣленные приемы обращенія.

Основные черты ребенка обнаруживаются очень рано, съ самыхъ первыхъ дней его жизни, и мнѣ кажется, что основа моихъ двухъ дѣтей, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, одна — это твердость и упорство характера. Еще въ колыбели они до того настойчиво и упрямо выражали свои желанія, что я иногда приходила въ ужасъ, въ особенности, когда находила ихъ требованія неисполнимыми. У меня установленъ былъ такой порядокъ въ ихъ жизни, что кормила и укладывала ихъ спать всегда въ извѣстные часы, но случалось иногда, что они сопротивлялись этому порядку, и тогда ничто, никакія развлеченія, ни уговоры не помогали. Эти крошки всегда въ годъ, и даже еще меньше, способны были кричать по цѣлымъ часамъ и не отставали отъ своихъ требованій. Часто я приходила въ отчаяніе отъ такого упрямства, и если только бывала малѣйшая возможность, старалась предупредить его, дѣлая всевозможныя уступки (конечно, незамѣтныя для нихъ самихъ). Иногда мнѣ это и удавалось.

Но что было дѣлать тогда, когда доходило все-таки до столкновеній? Я долго колебалась, мучилась, прибѣгала то къ одному, то къ другому приему, избѣгая насильственныхъ мѣръ, но все безуспѣшно. Главное, что въ такихъ случаяхъ я сама теряла терпѣніе и равновѣсіе, что было уже хуже всего; — и вотъ у меня мало по малу выработался такой исходъ. Когда Боря или Оля начинали капризничать, кричать или требовать, я выводила ихъ въ

сосѣдную комнату и не впускала ихъ къ себѣ до тѣхъ поръ, пока они не успокоятся. Конечно, эта мѣра была вполнѣ насильственная, и мнѣ больно вспоминать теперь, когда ихъ уже у меня нѣтъ, что приходилось прибѣгать къ ней. Но что же мнѣ было дѣлать другого? Я часто совѣтывалась и говорила объ этомъ съ другими женщинами матерями, читала разныя педагогическія книги, но нигдѣ не находила указаній и помощи.

Я собственно не могу сказать о своихъ дѣтяхъ, что они капризны. Капризы — что-то переменчивое, шаткое, это — недовольство всѣмъ. Между тѣмъ у моихъ дѣтей желанія и требованія всегда были замѣчательно опредѣленны, и разъ они чтонибудь задумаютъ, ихъ никакъ нельзя было отвлечь отъ этого предмета и подставить имъ какойнибудь другой. Говорятъ обыкновенно, что какъ капризы, такъ и упрямство дѣтей происходятъ вслѣдствіе баловства и слабости родителей, не выдерживающихъ характера по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Мнѣ этого упрека нельзя было дѣлать: разъ сказавши свое слово, я уже не отступала отъ него. Въ другихъ же семействахъ я наблюдала напротивъ, что родители были вовсе не такъ послѣдовательны, — легко уступали дѣтямъ, измѣняли свое слово; и дѣти все-таки не были капризны. Такъ что я думаю, что своеволие и упрямство въ моихъ дѣтяхъ врожденныя качества, унаслѣдованныя ими отъ отца, а, быть можетъ, и отъ матери отчасти.

Нѣкоторые говорили мнѣ, что я именно своей настойчивостью и твердостью развиваю упрямство въ дѣтяхъ, что дѣтямъ слѣдуетъ предоставлять полную свободу, и что естественныя послѣдствія ихъ поступковъ сами научатъ ихъ всему, чему слѣдуетъ. Но это были люди, сами никогда не имѣвшіе дѣла

съ дѣтьми и знакомые съ воспитаніемъ только по „Эмилю“ Руссо или подобнымъ ему сочиненіямъ. Вѣдь всякій знаетъ, что есть безчисленное множество такихъ поступковъ, естественныхъ послѣдствій которыхъ нельзя дожидаться, а нужно предупредить самые поступки, и если это не удастся убѣжденіемъ, то приходится прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ.

Это очень печальная необходимость и, можетъ быть, даже вовсе не необходимость, но что же дѣлать, когда негдѣ и не-у-кого научиться. Остается только мучиться, ошибаться и наконецъ выходить хоть какимъ нибудь способомъ изъ затрудненій. Это самое больное мое мѣсто, и я рада, что кончила о немъ говорить.

2.

Темпераменты моихъ дѣтей различны. Боря живой, вспыльчивый, горячій и болѣе поверхностный мальчикъ; Оля спокойна, сдержана и серьезнѣе. Какъ дѣвочка, она, конечно, понятливѣе и воспримчивѣе, хотя и моложе своего брата, натура ея тоньше и совершеннѣе. Вотъ что мнѣ о нихъ пишетъ мужъ въ въ своемъ послѣднемъ письмѣ.

„Обрати вниманіе на то, что мое предсказаніе о Борѣ и Олѣ сбылось. Оля не забываетъ, а ей 3 года, а Борѣ 5-й. Я этимъ Борю не осуждаю, а радуюсь, что наши дѣтки такъ славно дополняютъ другъ друга. Оля будетъ сердце, а Боря голова и рука. Дай Господи, чтобы ихъ только не разлучали. „Воля“ направить, укажетъ цѣль „борьбы“. „Борьба“ же будетъ во имя „воли“. Такъ будутъ связаны братъ съ сестрой. Голова забываетъ, рука устааетъ и останавливается; одно сердце никогда не забываетъ и не останавливается, — хотя и устааетъ“.

Особенности ихъ ярче всего выступали въ ихъ играхъ. Боря рѣдко игралъ одинъ, у него не хватало терпѣнія довести игру до конца, и онъ больше искалъ шумнаго общества своихъ товарищей, надъ которыми командовалъ, хотя и былъ меньше ихъ всѣхъ. Оля же по цѣлымъ часамъ могла сидѣть одна, строя домики изъ кирпичиковъ или нянча своихъ куколъ. Всѣ ея игры отличались замѣчательной осмысленностью и выдержанностью.

Я старалась приучить Бору къ менѣе грубымъ забавамъ; давала ему куклы, картинки вмѣсто принятыхъ кнутовъ, палокъ и вообще смертоносныхъ оружій, и меня радовало, когда я видѣла, что, несмотря на свою болѣе жесткую мужскую природу, онъ перенималъ мягкіе и нѣжные приемы своей маленькой сестры. Помню, какъ однажды онъ приходитъ и говоритъ мнѣ въ недоумѣніи: „Мама, Ванька сказалъ, что мальчику нельзя играть въ куклы; развѣ это правда?“ Я отвѣтила ему: „глупымъ мальчикамъ нельзя, они и не умѣютъ играть въ куклы, это только умные могутъ“. И онъ остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ. Вообще я не дѣлала никакого различія между обоими дѣтьми и старалась противодѣйствовать вліянію постороннихъ людей, говорившихъ имъ, что дѣвчкѣ то-то стыдно, а мальчику того-то нельзя. Я учила ихъ, что все, что стыдно дѣвчкѣ, то стыдно и мальчику, и что можетъ мальчикъ, то можетъ и дѣвочка.

Особенно живо въ дѣтяхъ моихъ было чувство справедливости и правдивости. Помню, что они часто съ негодованіемъ рассказывали мнѣ, что кто нибудь солгалъ или обманулъ, и сами всегда говорили мнѣ правду и сознавались въ своихъ проступкахъ.

Особенную жалость они чувствовали къ больнымъ

и выражали ее тѣмъ, что приносили больному цвѣты и рассказывали ему сказки. (У Бори была особенная любовь къ цвѣтамъ, которая придавала его характеру нѣкоторую нѣжность и женственность).

Привязанность Бори къ родителямъ, и вообще къ кому бы то ни было, выражалась очень своеобразно: онъ любилъ мучить тѣхъ, кого любилъ, — щипать, кусать и приставать. При свиданіи въ Павловкахъ онъ не ласкался ко мнѣ, но вотъ что мнѣ рассказывали послѣ. Когда я уѣхала, и всѣ вечеромъ сѣли за чайный столъ, былъ у княгини и приставъ. Боря всталъ со стола и спросилъ пристава: „Кто ты такой?“ На отвѣтъ его: становой приставъ — онъ сказалъ: „такъ это ты маму не пускаешь сюда, и это тоже ты папу не выпускаешь изъ Башкичета“ (онъ помнилъ, что такіе же дяди увозили его папу и такіе же схватили и его съ сестрой), и началъ пихать его ногами со стула и кричать: „ты злой, и ты, grand'maman, злая“ и сталъ бить и ее.

Въ Олѣ эта любовь къ родителямъ выражалась нѣжнѣе. Она чаще ласкалась. Ей было два года, когда она въ первый разъ была недѣлю въ разлуку со мною, но эта разлука произвела на нее такое впечатлѣніе, что долго послѣ того мнѣ стоило только сказать, что мама опять уѣдетъ въ Тифлисъ, чтобы она, какъ бы передъ тѣмъ ни капризничала, сдѣлалась кроткой и послушной.

Одѣвала я обоихъ дѣтей мальчиками, потому что костюмъ этотъ находила практичнѣе, какъ болѣе простой и лучше предохраняющій отъ простуды.

Что касается физическаго ухода за ними, то главная моя забота была направлена на то, чтобы они какъ можно больше находились на открытомъ воздухѣ. Я всегда больше боялась изнѣжить, чѣмъ

простудить ихъ, и это многіе объясняли недостаткомъ заботливости о дѣтяхъ. Но такъ какъ я совершенно убѣждена, что большинство недуговъ и болѣзней происходятъ именно вслѣдствіе чрезмѣрной заботливости и опасливости, то на такіе упреки не обращала вниманія.

Не могла я также обращать вниманіе на то, что нѣкоторые упрекали меня въ нечистотѣ, потому что чувствовала, что, напротивъ, дѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы поддерживать чистоту и порядокъ въ домѣ, и что если не достигаю высшей степени ея, (да и кто можетъ опредѣлить ее?), то только по невозможности. Хорошо говорить о чистотѣ тѣмъ, у кого полонъ домъ прислуги; — но мнѣ, которой самой приходилось выносить ее на плечахъ, особенно со времени ссылки мужа, въ этомъ отношеніи нельзя было дѣлать большаго. Дѣтей я купала каждую недѣлю въ ванночкѣ, а по вечерамъ, передъ тѣмъ, какъ укладывала спать, обмывала имъ руки, ноги и лицо. Такъ какъ они большую часть времени проводили на дворѣ, на землѣ или въ пескѣ, то, конечно, очень скоро пачкались; но стѣснять ихъ свободу и игры только ради одной чистоты я не могла, и потому старалась только какъ можно чаще мѣнять имъ платья.

Пища ихъ состояла главнымъ образомъ изъ молока, хлѣба, фруктовъ, яицъ, овощей и разныхъ кашъ. Мяса мы имъ совсѣмъ не давали, и они были очень крѣпки и здоровы.

Только когда мы жили въ Башкичетѣ, у Оли сдѣлался родъ лихорадочнаго поноса, (тамъ лихорадки принимаютъ всевозможные виды и формы), и послѣдствіемъ этого довольно продолжительнаго поноса сдѣлалось у нея выпаденіе кишки. Вначалѣ мы пробовали всякія средства, но такъ какъ

ничего не помогало, я бросила всякое лѣченіе и старалась дѣйствовать одной діетой.

Удивлялись также многіе, (конечно, только изъ „господь“), что я позволяю своимъ дѣтямъ бѣгать съ крестьянскими ребятишками и безъ присмотра. Но разъ мы жили въ средѣ крестьянъ, я не находила возможнымъ отдѣлить своихъ отъ чужихъ, во-первыхъ, потому что такое отдѣленіе непременно бы развило въ нашихъ дѣтяхъ чувство обособленности и даже превосходства надъ крестьянскими дѣтьми, а во вторыхъ, потому что просто не имѣла физической возможности присматривать за ними больше, чѣмъ я это дѣлала.

Правда, я сама мучилась, что дѣтямъ приходится проводить столько времени въ обществѣ духоборскихъ ребятишекъ*): я видѣла, какъ они грубѣли и портились подъ его вліяніемъ, но пока мы жили въ Башкичетѣ, я ничего не могла сдѣлать противъ этого. Только когда я съ ними переѣхала въ колонію, въ болѣе благоприятныя условія, какъ относительно помѣщенія, такъ и климата, и мы оказались среди болѣе нравственнаго и благовоспитаннаго населенія, я немного успокоилась и отдохнула отъ заботъ и тревогъ.

Прелестный мѣсяцъ я провела съ дѣтьми въ этой колоніи, время, полное мира, тишины и радости. Вокругъ пустого пасторскаго дома, часть котораго мы занимали, былъ садикъ; въ немъ дѣти играли и бѣгали весь день, въ то время, какъ я съ работой или книгой въ рукахъ сидѣла тутъ же и слѣдила за ними. Прибѣгали къ намъ отъ сосѣдей нѣмцевъ

*) Духоборы, среди которыхъ тогда жили Хилковы, принадлежатъ къ такъ называемой „малой партіи“, т. е. исполняющихъ всѣ требованія правительства, поступающихъ на военную службу и въ нравственномъ отношеніи распушенныхъ. В. Ч.

ихъ дѣти. и тогда между ними завязывались общія игры.

Единственные близкіе знакомые наши въ колоніи было семейство жившаго тамъ адвоката (у нихъ одинъ мальчикъ Олинаго возраста, Костикъ). Мы часто посѣщали ихъ, и они насъ также, а иногда мы предпринимали вмѣстѣ далекія прогулки въ горы, что было настоящимъ праздникомъ для дѣтей.

Какъ радостно мы съ этими друзьями нашими строили планы на приближающуюся зиму, какъ мы вмѣстѣ будемъ коротать ее въ своихъ уютныхъ комнатахъ, — какъ дѣти наши вмѣстѣ будутъ играть, — вѣдь и у нихъ, и у меня единственной заботой и радостью были наши дѣти.

Могла-ли я тогда думать, что такъ внезапно, такъ жестоко они будутъ у меня вырваны. — что наше тихое, теплое гнѣздышко будетъ такъ беспощадно раззорено.

3.

Разскажу вамъ, какую роль играла въ нашей семейной жизни княгиня Хилкова, и каковы были наши обоюдныя отношенія, такъ какъ это неразрывно связано съ воспитаніемъ нашихъ дѣтей.

Въ 1889 году, въ Январѣ, я вышла замужъ за Дмитрія Александровича, и онъ написалъ объ этомъ своей матери въ Петербургъ. Затѣмъ мы поѣхали вмѣстѣ на хуторъ его въ Павловки, а весной приѣхала въ свое имѣніе и его мать.

Имѣніе ея отстоитъ въ 5-ти верстахъ отъ хутора. Такъ какъ въ то время между сыномъ и матерью были очень дурныя отношенія, то ни онъ не бывалъ у нея, ни она у него, хотя и выражала свое желаніе опять сблизиться съ сыномъ двоюродному своему

брату Николаю Федоровичу Джунковскому, жившему въ то время у насъ.

Только осенью она всетаки сама прїѣхала къ намъ и, помню, произвела на меня довольно прїятное впечатлѣніе своимъ простымъ и ласковымъ обращеніемъ. Очень можетъ быть, что меня подкупило то, что, хотя я и не была, по ея понятіямъ, законной женой ея сына, она всетаки признала меня таковой. Прїѣзжала она и еще нѣсколько разъ послѣ того, и очень принимала къ сердцу то, что мы живемъ, какъ она считала, такъ неудобно и бѣдно.

Она стала присылать намъ разныя вещи и съѣстные припасы, а когда на зиму уѣхала въ Петербургъ, прислала цѣлое приданое для ожидаемаго нами ребенка. Мнѣ непрїятны были ея подарки, во первыхъ потому, что не хотѣлось встать, по отношенію къ ней, въ положеніе облагодѣтельствуемыхъ ею, а, во-вторыхъ, и потому, что подарки эти вовсе не были подходящіе къ нашей жизни и вообще намъ совѣмъ были не нужны. Я отказывалась отъ нихъ, возвращая ей вещи, но она съ такой настойчивостью продолжала привозить и присылать намъ всякую всячину и такъ обижалась нашими отказами, что поневолѣ приходилось принимать. Вотъ эта наша уступчивость и деликатность были причиной того, что она стала смотрѣть на насъ, какъ на нуждающихся въ ея помощи, и все больше и больше вмѣшиваться въ наши дѣла, оказывая постоянно разныя нужныя и ненужныя услуги, такъ что подъ конецъ совершенно овладѣла всей матеріальной стороной нашей жизни такимъ образомъ, какъ будто прїобрѣла нѣкоторую власть надъ нами.

Когда она весною опять вернулась въ Павловки и прїѣхала къ намъ, я показала ей нашего маленькаго Борю, которому тогда было три мѣсяца. „Не-

правда-ли, какъ онъ похожъ на Диму?“ сказала я ей радостно. Она отвѣтила въ негодованіи: „вотъ ужъ нисколько. Дима былъ красавецъ ребенкомъ, у него были чудные глаза и золотые локоны. Когда онъ былъ въ Италіи, его на улицѣ замѣтила греческая королева и взяла его къ себѣ въ карету. А этотъ чтò? Такъ себѣ, ничего особеннаго“. Меня тогда очень озадачили и огорчили такой отвѣтъ. А какъ я жалѣла потомъ, что она со временемъ измѣнила свой взглядъ на нашего мальчика. Съ каждымъ днемъ она находила его милѣе и красивѣе, почти каждый день привозила ему какую нибудь новую игрушку, новую кофточку, шапочку и т. д. Когда же черезъ годъ она опять пріѣхала изъ Петербурга, то совсѣмъ пришла въ восторгъ отъ него и уже не знала, чѣмъ только выразить свою любовь.

Я должна сказать еще, что ея отношенія къ намъ не ограничивались одними подарками и услугами. Такъ какъ она была гораздо старше и, какъ я думала, опытнѣе меня въ дѣлѣ воспитанія, то я часто принимала и слѣдовала ея совѣтамъ, вѣря въ ея хорошее расположеніе къ намъ. Но эта моя податливость опять-таки послужила только къ тому, что она стала смотрѣть на меня, какъ на дурочку, и мало по малу начала командовать и понукать мною. Я не сразу рѣшилась противодѣйствовать такому обращенію, мнѣ все казалось (конечно по моей глупости), что это, можетъ быть, у нея только материнская строгость и требовательность по отношенію ко мнѣ. Когда же я наконецъ разобрала, что у нея ко мнѣ нѣтъ ровно никакого материнскаго чувства, а для нея просто я нянька его обожаемаго внука, то не захотѣла больше переносить такого обращенія и начала оказывать ей отпоръ, тѣмъ болѣе, что, благодаря собственному опыту,

сама скоро поняла, какъ неразумны бывали нѣкоторые ея совѣты, и какъ мало она смыслить въ дѣлѣ воспитанія.

Я уже писала вамъ, въ какомъ духѣ я старалась воспитывать дѣтей, и вамъ также хорошо знакома система воспитанія или вѣрнѣе дрессировка дѣтей въ высшемъ классѣ, — поэтому вы можете себѣ представить, какого рода столкновенія должны были происходить между мною и ею съ того времени, когда я начала дѣйствовать самостоятельно и по собственному соображенію. По ея понятіямъ, я не такъ кормила, не такъ лѣчила своихъ дѣтей, и за все это она меня постоянно упрекала и пилила.

Въ 1891-мъ году у насъ родилась дѣвочка, Оля; Борѣ шелъ уже 3-й годъ, и въ это же время случилось, что мужу сдѣлали предложеніе добровольно покинуть Павловки, или вѣрнѣе, что его стало преслѣдовать правительство. Княгиня Хилкова это обстоятельство приняла очень близко къ сердцу, — начала ѣздить, хлопотать и просить за сына безъ всякой просьбы съ нашей стороны. Тѣмъ не менѣе она себѣ вообразила, что спасаетъ насъ, а такъ какъ ей дѣйствительно удалось на время предотвратить ссылку сына, она себѣ это поставила въ большую заслугу и въ своемъ поведеніи съ нами сдѣлалась еще назойливѣе.

Отношеніе ея къ Олѣ было уже совершенно иное, чѣмъ къ Борѣ. Въ Олѣ она не находила ничего прелестнаго, напротивъ, говорила про нее, что она противная дѣвочка, и что она вылитая мать. Борю она баловала до невозможности и старалась какъ можно чаще заманивать къ себѣ въ домъ. А такъ какъ я не позволяла ему одному бывать у нея, то онъ ѣздилъ только вмѣстѣ съ отцемъ. Игрушки, конфекты, конечно, соблазняли мальчика. Но я не могла не видѣть дурного вліянія такого баловства

и всѣми силами старалась противодѣйствовать ему. Такъ прошелъ еще годъ. Въ 1892 году, въ Февралѣ, Дмитрія Александровича сослали въ Закавказье, а я съ дѣтьми осталась въ Павловкахъ. Княгиня Хилкова проводила зиму въ Петербургѣ, а со своимъ возвращеніемъ въ деревню опять возобновила свои посѣщенія на нашъ хуторъ.

Въ Іюнѣ я поѣхала съ дѣтьми въ Богодуховскій уѣздъ погостить у сестры передъ тѣмъ, какъ перебраться совсѣмъ на Кавказъ. Княгиня Хилкова писала мнѣ письмо за письмомъ, торопя меня выѣздомъ. Она ужасно не любила, когда я гостила у своей сестры Джунковской, и рассказывала всѣмъ, что я съ ней вмѣстѣ чуть не истязаю своихъ дѣтей. Я же, напротивъ, находила, что любовная атмосфера въ домѣ сестры благотворно дѣйствовала какъ на дѣтей, такъ и на меня самое, и потому ѣздила къ ней каждый разъ, когда это позволяли обстоятельства.

Въ концѣ Іюля я получаю письмо отъ мужа, что онъ заболѣлъ, и несмотря на то, или именно вслѣдствіе того, что въ то время на Кавказѣ и вездѣ въ южной Россіи свирѣпствовала холера, я рѣшила ѣхать, не откладывая. Собиралась я ѣхать съ дѣтьми одна; но какъ мнѣ ни тяжело было, уступила просьбамъ сестры и мужа, уговаривавшихъ меня ѣхать съ княгиней Хилковой, — и мы поѣхали вмѣстѣ. Дорогой наши отношенія обострились окончательно. То, что она сама платила за всю дорогу, — что я согласилась принять ея помощь, подало ей опять поводъ считать себя нашей благодѣтельницей, и она держала себя невыносимо высокомерно и нахально по отношенію ко мнѣ. Въ Башкичетѣ она прожила около трехъ недѣль, и отношенія наши не улучшились, а, если можно только, еще ухудшились.

Въ Августѣ она уѣхала въ Петербургъ и; какъ мы узнали послѣ, начала хлопотать объ отнятіи у насъ дѣтей. Я забыла сказать, что еще задолго до этого, когда Борѣ было приблизительно 3-й годъ, и родилась уже Оля, она нѣсколько разъ просила меня и мужа дать ей Борю. „Дайте мнѣ только Борю“, говорила она, „а Оля пускай остается вамъ“. Когда же я ей не уступала въ чемъ нибудь, и она очень сердилась на меня, она говаривала: „хорошо же, попомните мнѣ это, вотъ увидите, что я сдѣлаю“. И я догадывалась, что она намекала на отнятіе дѣтей; но считала это совершенно невозможнымъ, да и уступать ея требованіямъ никакъ не могла.

Въ теченіе всей зимы она продолжала присылать намъ посылки, ящики и сундуки съ разными вещами и припасами. Все, что касалось дѣтей или меня, я складывала и относила на чердакъ, и сама шила дѣтямъ все, что имъ нужно было.

Къ веснѣ, когда я узнала изъ писемъ ея къ мужу, что она опять собирается пріѣхать, на меня просто нашель ужасъ. Неужели, думала я, начнутся снова тѣ же передраги, нападки и безконечныя ссоры. Я не вынесу этого. Хуже всего, что это опять будетъ происходить при дѣтяхъ. И опять она будетъ соблазнять ихъ конфектами, игрушками, и будетъ внушать имъ, что у насъ грязно, гадко, — что они не должны впускать къ себѣ ребяташекъ, потому что они паршивые и т. д. Куда я дѣнусь и запрячу своихъ дѣтей?..

И вспомнила я тогда о другой сестрѣ, жившей съ мужемъ въ Карсѣ. Я была увѣрена въ ея гостепріимствѣ и въ томъ, что она предоставитъ мнѣ полную свободу по отношенію къ дѣтямъ; и потому рѣшила, что непременно поѣду къ ней еще передъ пріѣздомъ княгини. Однако обстоятельства измѣнились: сестра моя уѣхала изъ Карса, и надо было

искать другого исхода. Въ то же время мы съ мужемъ вели переговоры о томъ, гдѣ бы мнѣ съ дѣтьми найти болѣе здоровое и удобное мѣсто на зиму, и такъ какъ наши знакомые намъ рекомендовали нѣмецкую колонію въ тридцати верстахъ отъ Башкичета, и тамъ нашли для меня отличное и дешевое помѣщеніе, то мы и порѣшили, что я переѣду туда.

Своей матери Дмитрій Александровичъ написалъ, что, если она пріѣдетъ въ Башкичетъ, я сейчасъ же уѣду куда нибудь съ дѣтьми, и потому она не рѣшилась прямо явиться къ намъ, а остановилась въ Тифлисъ.

26-го Сентября, кажется, я переѣхала въ Екатериненфельдъ. О томъ, какъ мы тамъ жили, я уже писала вамъ. Что же касается княгини Хилковой, то она все таки ѣздила въ Башкичетъ къ сыну и по дорогѣ туда и на обратномъ пути заѣзжала ко мнѣ, чтобы повидать дѣтей. Затѣмъ она вернулась въ Тифлисъ. 19-го Октября пріѣхалъ Дмитрій Александровичъ и прожилъ съ нами нѣсколько дней, а 23-го наши дѣти были отняты у насъ.

Изъ всего, что я написала, вы видите, каково было мое отношеніе къ княгинѣ Хилковой. Не знаю, только, высказалось ли въ этомъ письмѣ также то чувство неприязни, которое развилось у меня къ ней въ глубинѣ души, и въ которомъ, мнѣ кажется, я должна признаться, чтобы быть вполнѣ правдивой. Я не могу скрыть, что оно у меня было. Одно могу сказать въ свое оправданіе, а именно то что я никогда не давала волю этому чувству, и что, хотя и не могла заглушить его въ себѣ совсѣмъ, я, по крайней мѣрѣ, не давала ему надъ собою власти. Княгиня Хилкова не можетъ жаловаться, что я сдѣлала ей какое нибудь зло. Но я не могла не защищать своихъ дѣтей отъ нея, подобно тому,

какъ и насѣдка не можетъ не защищать своихъ цыплятъ отъ нападеній коршуна.

Даже теперь, послѣ всѣхъ страданій, причиненныхъ мнѣ ею, я могу сказать съ чистой совѣстью, что зла ей не желаю никакого, — что мнѣ даже никогда не приходило въ голову сдѣлать ей лично какую нибудь непріятность, лишь бы она отдала мнѣ моихъ дѣтей, лишь бы насъ оставить въ покоѣ. . . . А она пускай себѣ живетъ и благоденствуетъ.

4.

Разсказывая вамъ о воспитаніи и жизни моихъ дѣтей, я мысленно переживала всѣ радости и заботы того времени, и теперь, когда я кончила, я какъ будто снова почувствовала себя осиротѣвшей и лишенной главной цѣли и смысла жизни.

Мнѣ могутъ сказать : княгиня Хилкова хотѣла спасти вашихъ дѣтей отъ дурныхъ условій, въ которыхъ они росли у васъ, и поэтому и отняла ихъ у васъ. Но вѣдь они попали къ намъ и росли у насъ не по какимъ нибудь комбинаціямъ человѣческимъ, они даны намъ были самимъ Богомъ, и какое право имѣла она исправлять этотъ естественный порядокъ? Богъ такъ премудро устроилъ, что тѣ самые люди, которые произвели на свѣтъ дѣтей, передаютъ имъ и свои качества и способности, и потому никто другой не можетъ такъ хорошо понимать и направлять ихъ, какъ сами родители ихъ. По какимъ же соображеніямъ признали необходимымъ лишить насъ нашей естественной задачи — воспитывать нашихъ дѣтей; а дѣтей нашихъ—ихъ родной и естественной почвы?

Тѣ муки и терзанія сердца, которыя я постоянно испытываю, думая о моихъ дѣтяхъ, конечно, невозможно разсказать. Только тѣ, у кого были свои дѣти, могутъ ихъ себѣ представить.

Нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности русской администраціи.

Предыдущая статья о дѣлѣ Хилковыхъ достаточно уже рисуешь дѣятельность русской администраціи. Но такіе яркіе, крупные факты все таки относительно рѣдки. Еще болѣе рѣдко удается собрать объ этомъ столь обстоятельныя свѣдѣнія. Но кромѣ этихъ крупныхъ фактовъ русская жизнь изобилуетъ фактами менѣе яркими, которые уже своимъ подавляющимъ количествомъ говорятъ сами за себя.

Всѣмъ извѣстно какъ трудно, живя за границей, добывать свѣдѣнія объ этого рода фактахъ. Съ одной стороны большая часть ихъ окружается строгой канцелярской тайной („чего стыдимся, того и таимся“), съ другой стороны опасность, угрожающая сообщающему ихъ и наконецъ возможность всякихъ преувеличеній и неточностей. Все это заставляетъ дѣлать строгій разборъ получаемымъ свѣдѣніямъ и выбирать то немногое, что совѣсть наша позволяетъ намъ сообщить какъ достовѣрное.

Если намъ придется сообщить фактъ, за достовѣрность котораго мы не ручаемся, но который вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ оставить безъ вниманія, при сообщеніи такого факта мы будемъ дѣлать оговорку о томъ, что сообщаемое нами нуждается въ провѣркѣ и подтвержденіи.

Я полагаю, что всякому читателю ясна серьезность этого дѣла и потому мы смѣло обращаемся ко всѣмъ сочувствующимъ выясненію правды людямъ съ просьбою помочь намъ въ этомъ. *Ред.*

I.

Письма студентки.

№ 1.

...Судьба не надолго послала мнѣ свѣтлую минутку передъ горемъ. Да я-то не боюсь никакого горя, еслибы только могла я на себя перенести всѣ страданія дорогихъ мнѣ людей. Вотъ что ждало меня; выпишу Вамъ прямо изъ письма сестры Мани. Она пишетъ о Клавдіи, той, которая нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ*), что „за непочтительное отношеніе къ архіерею, который явился къ ней, ее отправили на 3 дня въ карцеръ. Непочтительность состояла въ томъ, что долго отвѣчая на всѣ его вопросы и потерявъ, наконецъ, терпѣніе, когда онъ сталъ издѣваться надъ ней, она спросила его, обязана ли она говорить съ нимъ. Онъ отвѣтилъ, что не обязана. Тогда она сказала, что не желаетъ говорить. Но въ протоколѣ, который былъ составленъ помощникомъ смотрителя, были помѣщены такія фразы, будто бы сказанныя ею, что никто изъ сколько нибудь знающихъ ее, не можетъ этому вѣрить: онѣ настолько вульгарны, что, разумѣется, могутъ быть только измышленіемъ тюремныхъ стражей. Она объявила, что не будетъ ѣсть, пока не получитъ удовлетворенія, такъ какъ считаетъ все это несправедливымъ. Голодала она 5 дней, до-

*) Арестована была по дѣлу о стачкахъ рабочихъ.

билась только разбора этого дѣла прокуроромъ, который призналъ, что несправедливо было то, что ей не дали сейчасъ же написать жалобу, когда она потребовала, и, кажется, другія неправильности. О результатѣ разбора они отказались ей сообщить. Намъ удалось, наконецъ, убѣдить ее прекратить голодовку, да она и сама поняла, что ей тамъ ничѣмъ нельзя добиться правды. Ослабѣла она такъ, что когда мы были у нея на 6-й день, и она еще не ѣла, я почти убѣждена была, что это былъ ея послѣдній день. Теперь она оправилась немного, хотя я боюсь за ея путешествіе. Ее отправляютъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ партіей уголовныхъ, этапомъ, а это очень трудно. На вокзалѣ намъ не дали подойти къ ней. Ей позволили только не идти пѣшкомъ до вокзала, а ѣхать въ ихъ тарантасѣ, потому что отъ слабости она совершенно не могла двигаться“. Это я получила сегодня вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ. Дорогая моя, изъ моихъ рассказовъ Вы могли немножко понять, какъ тяжело вообще быть пересылаемой, но я никогда не могла рассказать вамъ всего — тяжело было. Но вѣдь я ѣздила по привилегированному. Можно представить себѣ, что значитъ ѣхать этапомъ, въ полной власти грубой команды солдатъ, въ вагонѣ за рѣшеткой и съ уголовными! Несмотря на всю симпатію къ несчастнымъ, Мельшинъ даже признавалъ, что это ужасная среда, а я могу составить себѣ представление по нѣкоторымъ рассказамъ эмигрантовъ. Потомъ, зачѣмъ, для чего ее везутъ въ Петербургъ — ничего не извѣстно. Только страшно за нее бѣдняжку. Я боюсь, что она кончитъ съ собой, у ней ни одного свѣтлаго луча. Вы меня, кажется, спрашивали, не думаю ли я что нибудь предпринимать? Что я могу сдѣлать отсюда? Да у меня и нѣтъ другихъ знакомыхъ, кромѣ такихъ же, какъ она. Господи, они

все уговариваютъ меня не ѣздить, кончатъ лучше медицину. Кончить осталось только нѣсколько мѣсяцевъ, но у меня теперь даже сомнѣніе — не бросить ли все дѣло и поѣхать къ нимъ. Вѣдь все равно — не долго намъ всѣмъ жить — жандармы всѣхъ уморятъ и архіереи помогутъ. Для мамы только будетъ это большимъ огорченіемъ, а сама я какъ въ туманѣ, дѣлаю все только машинально, механически... Бѣдняжка Клавдія даже никогда не знала удовольствія въ своей работѣ... Дай Богъ, чтобы не случилось повторенія Вѣтровой. Что тогда дѣлать? У меня все туманится впереди... Отцы церкви, какъ видно, выбираютъ новую дѣятельность — издѣваться надъ запертыми, замученными дѣвушками... Меня не утѣшайте... спасибо, что не забываете меня.

Послѣ этого письма мы обратились къ ней съ просьбой рассказать намъ всю предыдущую жизнь ея младшей сестры и тѣ преслѣдованія, которымъ она подверглась. Вотъ ея отвѣтъ.

№ 2.

...Вотъ то небольшое, что я могу написать Вамъ про сестру. Вся ея дѣятельность, насколько я знаю, состояла только въ пропагандѣ чистыхъ идей социализма и больше ничего. Прямо правительства это не касалось, а оно вѣдь можетъ преслѣдовать даже за каждый гектографъ. Сила же убѣжденія останавливала ее и, надо надѣяться, остановить ее отъ всякой необдуманной вспышки. Въ социализмъ же и въ будущій лучший порядокъ человѣческой жизни на землѣ и человѣческихъ отношеній она вѣритъ, какъ Вы вѣрите въ смыслъ распространенія христіанскихъ идей. Только основаніемъ для измѣненія настоящаго порядка вещей она и друзья ея счи-

таютъ перемѣну экономическихъ отношеній въ мѣрѣ. И это старалась распространять она, гдѣ возможно. Правительство арестовало съ Рождества до 1000 человекъ „революціонеровъ“ того же направленія, какъ и сестра — это и меня убѣждаетъ, что „плугъ хорошо забираетъ“. Есть слѣдовательно что-то, противъ чего такъ борется правительство. Преступленія въ смыслѣ насилія, убійства не было — ни одного. Была та же литература, сходки, собранія, кассы, стачки и т. п.

Но послѣ всего, что дѣлается, я нисколько не удивляюсь, что революціонеры отвѣтятъ на это и насиліями, и для меня это будетъ, хотя и грустными, но вполне естественными послѣдствіями правительственной дѣятельности... Для меня ясно, что не будь страшнаго гнета, такой безсмысленной жестокости надъ всѣмъ живымъ и мыслящимъ, надъ всѣмъ, что хочетъ жить сознательной человѣческой жизнью — революціонерами никогда бы не было пролито ни одной капли крови! Кому же охота ее проливать? Тѣмъ болѣе людямъ, стремящимся къ общему благу на землѣ. И правительство-то вѣдь только изъ чувства самосохраненія устраиваетъ такую травлю на людей. И оно по своему праву, потому что какъ только будетъ немножко возможности народу подумать, правительство слетитъ: ужъ очень оно бессмысленно со всѣми своими жандармами и полиціей.

Тѣ преслѣдованія, какія пришлось пережить моей семьѣ, и сестрѣ въ частности, очень не ярки. Бывало много хуже и тяжелѣе. А это просто, въ теченіи ряда лѣтъ, постоянная, ежедневная тревога, рядъ оскорбленій, придирокъ и экономическое раззореніе, которое, разумѣется, отзывается на состояніи духа человѣка. Все это совсѣмъ не интересно и не ярко, но тѣмъ оно только тяжелѣе — ужъ очень без-

просвѣтно. Сестрѣ пришлось познакомиться со всѣмъ этимъ не такъ рано по возрасту — съ 20 лѣтъ, — но она совсѣмъ не знала темныхъ сторонъ жизни, знала только семью, свои курсы и немножко студенческую жизнь. За мѣсяць до моего ареста она только познакомилась съ тѣмъ, какія есть въ Россіи революціонныя партіи. Нѣсколько книжекъ у насъ тогда взяли, которыя, разумѣется, горячо читались — все еще совсѣмъ было ново. Мнѣ все тогда далось гораздо легче. Меня вѣдь взяли не даромъ, и я двѣ три недѣли даже не подозрѣвала, что взяты другіе и что дома — полный разгромъ*). До тѣхъ поръ мы были довольно состоятельны. Послѣ того, какъ меня взяли, ночью въ 2 часа врывается въ домъ моей матери толпа жандармовъ и сыщиковъ и только, благодаря энергіи и настойчивости мамы, позволили всѣмъ одѣться (обыкновенно этого не дѣлается — одѣваются при жандармахъ). Впрочемъ, о всѣхъ мелкихъ униженіяхъ и оскорбленіяхъ, которыя приходится переносить намъ, женщинамъ, я съ Вами говорить не буду. Скажу только, что они оставляютъ на душѣ, можетъ быть, болѣе тяжелые слѣды, чѣмъ серьезныя вещи. Вѣдь насъ воспитываютъ не для того, чтобы имѣть дѣло съ жандармами. Но вы можете вѣроятно себѣ представить состояніе юной души, когда въ 7 часовъ утра сестра оказалась вдвоемъ съ мамой среди полного разгрома, зная, что всѣ взяты — и друзья, и братъ, и сестра. Вся жизнь вѣдь повернулась. На другой день послѣдовало распоряженіе взять съ мамы 500 р. штрафа за „намѣренное укрыва-

*) В. В. была арестована въ 1894 г. въ поѣздѣ желѣзной дороги при отбѣздѣ за границу, куда она ѣхала продолжать курсъ медицины послѣ каникулъ. Пробыла въ тюрьмѣ 4 мѣсяца и 2 года ночь надзоровъ.

тельство у себя злонамѣренныхъ лицъ“. Мама не стала платить, наложили арестъ на домъ; домъ, разумѣется, опустѣлъ, и это скосило наши небольшія средства. Съ тѣхъ поръ сестра не разставалась съ жандармами...

№ 3.

...Буду продолжать писать про сестру. Я кончила на томъ, какъ Клавдія съ мамой остались вдвоемъ (послѣ обыска) и на другой же день побѣжали къ жандармамъ справляться о насъ. Черезъ день, ночью (къ счастью онѣ обѣ легли спать, не раздѣваясь), ночью вбѣжала съ обоихъ подъѣздовъ въ квартиру толпа сыщиковъ, съ цѣлью осмотрѣть число живущихъ во всемъ домѣ. Перепугали они ихъ страшно. Черезъ нѣсколько дней насъ увозили въ Петербургъ. Имъ удалось узнать день. Онѣ вообще были очень энергичны, хотя со всѣмъ этимъ пришлось столкнуться въ первый разъ въ жизни. Сестренка съ недоумѣніемъ передавала мнѣ на свиданіи послѣ, что она видѣла во всѣхъ этихъ мѣстахъ такія фізіономіи, о какихъ прежде и представленія не имѣла. Ну, на вокзалѣ, когда меня увозили, разыгралась сцена, про которую я Вамъ уже рассказывала... Когда офицеръ толкнулъ въ грудь мою мать, такъ что она зашаталась, и я съ трудомъ удержала слезы... Въ Петербургъ сестра пріѣхала съ матерью, но мама скоро должна была уѣхать, и она осталась одна. Въ жандармскомъ управленіи ей сказали, чтобы она приходила каждый день справляться, не привезли ли на допросъ когонибудь изъ насъ, и тогда ей могли дать свиданіе. Она такъ и дѣлала, и цѣлые дни проводила тамъ, да бѣгала въ тюрьму, приносила намъ чегонибудь. Она тогда была со всѣмъ еще ребенокъ душой. Черезъ нѣсколько

времени ее привлекли, какъ свидѣтельница, сняли съ нея показаніе — она, разумѣется, всё „пре-ступленія“ взяла на себя и ее арестовали. Когда прокуроръ сообщилъ мнѣ объ ея арестѣ, я возмутилась и спросила, зачѣмъ имъ было нужно такое „безсмысленное, злое насиліе“. Прокуроръ смутился и сказалъ, что она показала, что книги принадлежали ей. На мой вопросъ, вѣрить ли онъ этому, онъ отвѣтилъ, что нѣтъ, что онъ взялъ ее потому, что ея почеркомъ было переписано какое-то стихотвореніе. И потомъ, наконецъ, иронически сказалъ: „чѣмъ она хуже другихъ? Пусть и она пострадаетъ!“ А просто надо больше арестованныхъ, больше награды будетъ. Черезъ мѣсяцъ ее выпустили, когда мы всё еще сидѣли, отправили въ Москву, и она безъ ужаса не можетъ вспомнить того времени, когда она пріѣхала въ пустую квартиру, мама была больна и больше мѣсяца они все ждали насъ... Это было очень тяжелое для нея время. Первые, которыхъ она прежде не знала, совершенно развинтились у ней за этотъ періодъ. Послѣ нашего освобожденія годъ или даже больше провели мы тогда подъ надзоромъ вмѣстѣ, не имѣя права уѣзжать безъ разрѣшенія полиціи. Это отзывалось плохо, вотъ въ какомъ отношеніи: Клавдіи хотѣлось жить поближе къ курсамъ, она поселилась отдѣльно — полиція такъ напугала хозяйку квартиры, что ей пришлось опять вернуться. Братъ хотѣлъ тоже поселиться отдѣльно — мѣстный частный приставъ призвалъ его къ себѣ, сталъ на него кричать: „Я вамъ покажу, что значитъ у меня подъ надзоромъ быть. Я васъ въ порошокъ сотру“ и т. д. Пришлось уѣхать. Также и заработка нельзя нигдѣ было достать, благодаря надзору. Меня тоже не взяли изъ-за этого на оспопрививаніе. Очень тогда старались найти себѣ работу и братъ, и сестра, и ничего не

выходило. Въ концѣ января 1896 г. вышло намъ всѣмъ, наконецъ, „помилованіе“, благодаря манифесту. Въ Апрѣлѣ я уѣхала за границу, а въ началѣ Мая братъ и сестра, благодаря коронаціи, были сосланы до 1-го Іюля въ Вологду. Они раньше уѣхали изъ Москвы въ Орель изъ-за этой коронаціи, но всетаки ихъ сослали. Какъ только они вернулись въ Москву 6-го Іюня ихъ арестовали со всѣми ихъ друзьями. Мѣсяца черезъ полтора, кажется, выпустили. Сестра была въ очень тяжеломъ настроеніи тогда и писала мнѣ очень грустно. Заключение на этотъ разъ было хотя короткое, но тяжелое. Зиму провели опять подъ надзоромъ. Искали работы безъ успѣха. Къ веснѣ братъ рѣшился перебраться въ Тулу, чтобы найти заработокъ. Мама уѣхала на время его устроить. Въ ту же ночь, 3-го марта, арестовали сестру. Все лѣто провела она по московскимъ частямъ безъ допросовъ, безъ книгъ, безъ прогулокъ, и до сихъ поръ не зная, за что была арестована. Въ Сентябрѣ, кажется, ее освободили, но назначили ей для жительства очень немногихъ городовъ на выборъ. Она выбрала Воронежъ, куда пріѣхалъ и братъ. Онъ наконецъ устроился съ работой. 3-го Октября его вновь арестовали и посадили въ Тулѣ, гдѣ онъ и сидитъ до сихъ поръ. Сестра была, разумѣется, все время подъ надзоромъ. 26-го Марта ей объявили приговоръ — 6 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія и 3 года ссылки въ Уфимскую. Вотъ и все. Видите, что здѣсь нечего писать, ничего нѣтъ бросающагося въ глаза. Подробностей мнѣ писали мало. Постоянныя тревоги, постоянные обыски, постоянный надзоръ, переселеніе изъ города въ городъ, невозможность устроиться съ работой, а вслѣдствіе этого — постоянный недостатокъ. Передъ послѣднимъ арестомъ сестры на ней очень сильно отразились смерть

нашего старшаго брата (окончившаго самоубійствомъ въ тюрьмѣ), съ которымъ она была знакома. Прибавьте къ этому постоянныя преслѣдованія всѣхъ друзей, постоянная разлука, посѣщеніе тюрьмы... У ней страшно раздерганы нервы. При такой постоянной травлѣ нужно много вѣры въ свое дѣло, чтобы жить...

В. Величина.

II.

Инженеръ-механикъ Сергѣй Семеновичъ Костроминъ родился въ 1864 году; первоначальное образованіе получилъ въ одной изъ московскихъ гимназій и въ 1892 году окончилъ курсъ въ высшемъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ же.

Во время своей студенческой жизни интересовался рабочимъ вопросомъ, вслѣдствіе чего былъ взятъ и заключенъ въ крестъ, *) гдѣ чуть не сошелъ съ ума. Послѣ этого событія онъ началъ заниматься вполнѣ легальной дѣятельностью.

Въ Петербургъ Костроминъ пріѣхалъ въ 1894 г. и, интересуясь статистикой, поступилъ въ статистическое бюро Городской Управы, а на слѣдующій годъ былъ причисленъ къ Департаменту Таможенныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ по статистическому отдѣленію. Здѣсь онъ работалъ главнымъ образомъ надъ введеніемъ новой карточной системы собиранія статистическихъ свѣдѣній и для лучшаго ознакомленія съ дѣломъ былъ посланъ Департаментомъ въ командировку по таможеннымъ Россіи и заграницей въ концѣ 1896 года. Съ 1897 г., продолжая заниматься въ Департаментѣ, Костроминъ снова поступилъ въ Городскую Управу, гдѣ

*) Тюрьма на Выборгской сторонѣ.

работалъ по статистикѣ населенія. Въ то же время онъ состоялъ членомъ Общества Охраненія Народнаго Здравія, для котораго въ послѣднее время готовилъ докладъ о необходимости правильной регистраціи народонаселенія Петербурга, и членомъ корреспондентомъ Вольно-Экономическаго Общества. Кромѣ того съ самаго пріѣзда въ Петербургъ Костроминъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи труда по изслѣдованію народнаго образованія въ Россіи, предпринятаго бывшимъ Комитетомъ Грамотности и перенесеннаго по его закрытіи въ статистическую комиссію при Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Будучи однимъ изъ редакторовъ этого труда, Костроминъ привлекъ массу бесплатныхъ работниковъ, которые собирались у него на квартирѣ и занимались подъ его руководствомъ разработкой статистическаго матеріала. Эти собранія показались полиціи подозрительными и послужили, вѣроятно, главной причиной ареста Костромина. Въ ночь на 12-е марта къ нему явились жандармы и хотя при обыскѣ ничего нелегальнаго, кромѣ литографированнаго описанія одной профессорской исторіи и литографированнаго же „Приближеніе конца“ Льва Толстого не нашли, — все таки арестовали его.

Уѣзжая въ тюрьму и не зная за собой никакихъ данныхъ къ обвиненію, Костроминъ говорилъ женѣ, что дѣло, вѣроятно, выяснится и онъ вернется черезъ нѣсколько дней, самое большее черезъ недѣлю.

Жена также особенно не беспокоилась, тѣмъ болѣе, что директоръ департамента там. сборовъ Покровскій, на свой запросъ получилъ изъ полиціи бумагу, въ которой значилось, что всѣхъ заарестованныхъ чиновниковъ считать выбывшими за исключеніемъ Костромина.

Однако, не получая даже извѣстій отъ мужа, и

зная, что онъ человѣкъ очень нервный, стала хлопотать о томъ, чтобы его дѣло было разобрано поскорѣе, и онъ былъ бы выпущенъ на свободу, будучи увѣрена, что мужъ ея взятъ по ошибкѣ, но всѣ ея хлопоты не приводили ни къ чему.

Между тѣмъ самъ Костроминъ, видя, что его даже не призываютъ къ допросу, отправилъ въ Жандармское Управление запросъ съ просьбой объяснить ему причину его ареста и сказать, въ чемъ его обвиняютъ.

30-го марта онъ былъ привезенъ въ Жандармское Управление, гдѣ ему сказали, что никакихъ свѣдѣній ему не могутъ дать, такъ какъ до сихъ поръ дѣло о немъ еще не получено изъ Департамента Полиціи (оно было получено только 1-го апрѣля). Въ это время въ Жандармское Управление случайно прѣехала г-жа Костромина хлопотать о свиданіи съ мужемъ, которое и было допущено здѣсь же въ присутствіи Товарища прокурора Кичина и жандармскаго офицера. Увидѣвъ жену, Костроминъ бросился къ ней, разрыдался и умолялъ ее похлопотать объ его освобожденіи, говоря, что онъ не въ состояніи выносить одиночнаго заключенія. Видя, что мужъ ея очень разстроенъ, Костромина 1-го апрѣля подала прошеніе на имя товарища прокурора, въ которомъ, указывая на болѣзненное состояніе своего мужа, просила освидѣтельствовать его и выпустить на поруки одному юрисконсульту, который согласился внести и залогъ.

2-го и 4-го апрѣля утромъ Костроминъ приглашалъ къ себѣ доктора Дома Предварительнаго Заключенія Гарфинкеля, жалуясь ему на боли въ сердцѣ и на нервное разстройство, причемъ докторъ прописалъ ему бромистый калий и валерьяновыя капли.

Въ то же время г-жа Костромина, не получая

отвѣта на свое прошеніе, 3-го и 4-го апрѣля была у этого же доктора въ Домѣ Предварительнаго Заключенія и спрашивала его, не получала ли онъ ея прошенія и предписанія освидѣтельствовать ея мужа, и, получивъ оба раза отрицательный отвѣтъ, просила навѣстить ея мужа отъ ея имени, но получила отказъ. Тогда она поѣхала на домъ въ Кичину и послѣдній, не смотря на усиленные просьбы г-жи Костроминой принять ее, отвѣтили через сына, что не даетъ на дому никакихъ справокъ, и дома по дѣламъ не принимаетъ; тѣмъ не менѣе по отъѣздѣ Костроминой онъ приказалъ по телефону освидѣтельствовать Костромина.

Въ этотъ же день, когда вечеромъ дежурный надзиратель зачѣмъ то вошелъ въ камеру Костромина, послѣдній, оттолкнувъ его, выбѣжалъ изъ камеры съ намѣреніемъ броситься внизъ съ 4-го этажа, но былъ удержанъ, при чемъ оказывалъ сильное сопротивленіе, даже кусая руки надзирателя и крича: „убейте лучше меня, я не могу больше жить“. Его заперли въ ту же камеру и дали выпить бромистаго каля, послѣ чего онъ заснулъ; на другой день послѣ прогулки Костромина перевели въ нижній этажъ, но также въ одиночную камеру.

Не смотря на приказаніе Кичина освидѣтельствовать Костромина и на запросъ его 5-го апрѣля о томъ же, послѣ того какъ онъ получилъ отъ Костроминой письмо, въ которомъ она проситъ войти Кичина въ положеніе ея больного мужа, ни 4-го, ни 5-го апрѣля докторъ не освидѣтельствовалъ Костромина, причемъ неизвѣстно, былъ ли онъ извѣщенъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія объ этомъ приказаніи или нѣтъ. Только 6-го апрѣля утромъ явился докторъ и, освидѣтельствовавъ Костромина, нашелъ его въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству; не смотря на то Костроминъ не

только не был выпущенъ на свободу, но даже не былъ переведенъ въ лазаретъ на томъ основаніи, что лазаретъ общій, а Костроминъ — „политическій преступникъ“, для перевода котораго въ общій лазаретъ требуется испросить письменное разрѣшеніе отъ Жандармскаго Управленія.

Въ этотъ же день вечеромъ Костромина видѣли сидящимъ на постели и моющимъ блюдечко; черезъ нѣсколько времени дежурный надзиратель заглянулъ въ камеру Костромина и увидѣлъ его спокойно лежащимъ на кровати, прикрытаго одѣяломъ и съ краснымъ рубцемъ на шеѣ; онъ поднялъ тревогу, прибѣжалъ фельдшеръ и сталъ промывать рану на шеѣ, которая была незначительна, и замѣтилъ порѣзы на рукахъ, изъ которыхъ на правой рукѣ была перерѣзана лучевая артерія. Подать помощь было уже поздно; всѣ порѣзы были, очевидно, сдѣланы въ нервномъ припадкѣ половинкой блюдечка, которое Костроминъ передъ тѣмъ мылъ.

Костроминъ уже не приходилъ въ себя и минуты черезъ двѣ, послѣ прихода фельдшера, скончался какъ констатировали въ протоколѣ врачи, отъ потери крови.

На другой день только, т. е. 7-го апрѣля, въ 10 часовъ утра объ этомъ происшествіи были извѣщены прокуроръ судебной палаты, который и приказалъ составить протоколъ о смерти Костромина. Въ 7 часовъ вечера этого же дня жена Костромина получила бумагу изъ Охраннаго Отдѣленія, въ которой сообщалось, что мужъ ея внезапно и опасно заболѣлъ и что ей разрѣшается съ нимъ свиданіе въ 8 часовъ 30 минутъ вечера въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Уже въ тюрьмѣ ей сказали, что мужъ ея умеръ и показали его тѣло въ мертвецкой, гдѣ была отслужена панихида. Г-жѣ Костроминой въ 11 ч. вечера передали черезъ Начальника Охран-

наго Отдѣленія Пирамидова, что завтра же въ 6 ч. утра тѣло отвезутъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія на вокзалъ для препровожденія на Преображенское кладбище. На просьбы отдать тѣло на домъ или, по крайней мѣрѣ, повременить похоронами, Пирамидовъ отвѣчалъ, что этого сдѣлать невозможно, такъ какъ учащаяся молодежь непременно устроитъ демонстрацію.

На другой день, т. е. 8-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, гробъ былъ вывезенъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія и, хотя за гробомъ шли всего 7 человекъ, изъ которыхъ 4 были женщины, ихъ сопровождали нѣсколько каретъ съ жандармами. До самаго послѣдняго момента хотѣли даже отъ жены покойнаго скрыть его могилу и не хотѣли поставить на могилѣ креста; только рѣзкое и настойчивое требованіе одного изъ друзей покойнаго заставило Охрану дать знать на кладбище по телеграфу о томъ, чтобы тамъ была отслужена панихида, чтобы тѣло было предано землѣ въ присутствіи жены и близкихъ къ покойному лицъ, и на могилѣ былъ поставленъ крестъ.

Послѣ смерти Костромина остались жена и 3-хъ лѣтняя дочь безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Ш.

Въ ночь съ 6-го на 7-е Марта въ Воронежской тюрьмѣ повѣсился А. І. Сыцяно (41 годъ). Онъ пробылъ 16 лѣтъ въ ссылкѣ въ восточной Сибири. На свободѣ прожилъ только полтора года и снова былъ арестованъ. Былъ очень здоровый, добрый, веселый, глубокойдейный человекъ. Ему предстояла новая ссылка. Причины самоубійства неизвѣстны. Съ ними страшно плохо обращались. Остальные его

товарищи (27 человек), по освидѣтельствуванію врача близки къ умопомѣшательству. Сидящіе все народъ пожилой. Младшему изъ нихъ 30 лѣтъ, а есть нѣсколькимъ за 50 или около того. Есть нѣсколько офицеровъ.

В. Б.

IV.

Насилія русскаго правительства надъ духоборами стали уже общеизвѣстнымъ фактомъ, несмотря на усиленныя опроверженія печатаемыхъ нами свѣдѣній со стороны г-на Скворцова.

Ниже мы помѣщаемъ краткій очеркъ событій изъ ихъ жизни за 1897 и 1898 года. На дняхъ мы получили извѣстіе о еще новомъ возмутительномъ насиліи. Опасаясь, чтобы это извѣстіе не потерялось въ длинномъ ряду ему подобныхъ, мы печатаемъ его въ этомъ отдѣлѣ.

Изъ письма духобора:

Недавно въ нашемъ селѣ Горѣломъ случилось очень странное событіе: правительственный старшина пришелъ къ одному изъ нашихъ братьевъ, Петру Голубову, и сталъ ему предъявлять, чтобы тотъ самъ ушелъ изъ своего дома и далъ бы ему помѣститься въ немъ для проживанія. На его слова Петръ отвѣтилъ такъ: „дома отдать я тебѣ не намѣренъ, потому что я его построилъ для пріюта себѣ и дѣтямъ, а такъ же и ты мнѣ не нуженъ, потому что съ помощью Божею могу прожить безъ тебя, а что у тебя нѣтъ квартиры, то это уже не моя забота, а пусть заботится тотъ, кто поставлялъ тебя сюда“. Тогда старшина сказалъ: „а... а... если такъ, то я силой возьму себѣ квартиру“. На это Петръ сказалъ, что „силой“ людей грабятъ и убиваютъ. Тогда старшина пошелъ, взялъ нѣсколько

человѣкъ татаръ, забрали ломы, пришли, разбили двери и окна и завладѣли квартирой. Послѣ мы узнали, что все это старшина дѣлалъ по приказанію участковаго пристава штабсъ-капитана Байракова.

V.

Во всѣхъ русскихъ газетахъ было перепечатано слѣдующее :

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

21-го апрѣля 1898 г.

На основаніи 144 ст. уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ: за сборъ пожертвованій въ пользу духоборовъ съ республикованіемъ о семъ въ № 93 „Русскихъ Вѣдомостей“ сего года и уклоненіе отъ исполненія распоряженія московскаго генералъ-губернатора, объявить газетѣ „Русскія Вѣдомости“ третье предостереженіе въ лицѣ редактора-издателя, кандидата правъ Василя Соболевскаго и пріостановить продолженіе изданія на два мѣсяца.

Изъ частныхъ сообщеній мы узнали, что незадолго передъ этимъ въ ред. „Русск. Вѣдомостей“ пришелъ чиновникъ Московской полиціи, посланный оберъ-полиціймейстеромъ, съ требованіемъ выдать собранныя въ пользу духоборовъ деньги для взноса ихъ въ государственное казначейство, и указать имена и адреса жертвователей. Послѣдняго ред. сдѣлать не могла, а на первое отвѣтила, что собранныя деньги переданы Л. Н. Толстому, въ чемъ и имѣется росписка. Затѣмъ послѣдовало вышеприведенное распоряженіе.

Намъ, живя въ Англіи, было стыдно читать это извѣстіе. Стыдно за то, въ какомъ ужасномъ рабствѣ позволяетъ себя держать русская пресса, стыдно за общество, не протестующее противъ этого произвола, стыдно за этихъ жалкихъ чиновниковъ, отъ министра до городского, безмолвно и покорно

передающихъ другъ другу и исполняющихъ эти безсмысленныя и жестокия распоряженія.

Это стремленіе подавить всякое проявленіе свободной мысли ярко выражается изъ ряда послѣднихъ распоряженій по дѣламъ печати, краткій перечень которыхъ мы здѣсь прилагаемъ :

1. Не печатать статьи профессора Герсеванова о техническихъ школахъ. (Была ли какая нибудь статья Герсеванова — неизвѣстно).

2. Въ виду предстоящаго реформированія Имп. Вольн. Эконом. Общества, воздерживаться отъ помѣщенія какихъ либо свѣдѣній о дѣятельности этого общества. (Причина : возбужденіе обществомъ вниманія къ голоду).

3. Не перепечатывать письма гр. Бобринскаго о голодѣ, помѣщеннаго въ Спб. Вѣдомостяхъ.

4. Ничего не печатать о предстоящемъ 28 Августа семидесятилѣтїи дня рожденія Л. Н. Толстого.

5. Не печатать извѣстій о самоубійствѣ безъ разрѣшенія родственниковъ самоубійцы.

6. Повѣсть Гра : „За Отечество“, прошедшая черезъ двѣ цензуры, арестована и отобраана у содѣжателей книжныхъ магазиновъ.

* * *

Къ слѣдующему номеру нашего сборника мы надѣемся собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, касающіяся этого отдѣла.

П. Бирюковъ.

Краткій очеркъ положенія духоборовъ

за истекшій 1897 годъ и до настоящаго времени.

(Составлено по письмамъ самихъ духоборовъ и ихъ друзей).

Въ началѣ 1897 года нами была составлена краткая записка о положеніи духоборовъ въ 1896 г. Вскорѣ послѣ составленія этой записки мы подверглись ссылкѣ.

Сообщаемыя теперь свѣдѣнія составлены по тому матеріалу, который удалось намъ добыть уже находясь въ ссылкѣ. Разумѣется матерьяль этотъ не могъ быть очень полнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ рисуется довольно вѣрно, съ одной стороны, грустную картину совершившихся за этотъ годъ событій, а съ другой стороны даетъ радостное впечатлѣніе той необычайной духовной мощи, съ которою эта горсть исповѣдниковъ вѣры Христовой борется съ русскимъ правительствомъ, пускающимъ въ ходъ для усмиренія непокорныхъ всѣ средства имѣющіяся въ ихъ распоряженіи, отъ простыхъ побоевъ до голодной смерти включительно.

Вотъ примѣръ обращенія съ духоборами мѣстныхъ, низшихъ чиновъ полиціи :

... Еще случилось одинъ разъ съ семействомъ Войкиныхъ. Одна изъ ихъ женщинъ совратилась изъ свѣта въ тьму (перешла въ малую партію), подкупила Цхинвальскаго пристава и онъ далъ ей право взять всадни-

ковъ и прѣхать въ село Эргнеты; приступили и силою взяли двухъ сыновей у Николая Васильевича Войкина; мало того взяли Николая Васильевича Войкина и посадили, а здѣсь давай бить плетью. Одинъ всадникъ забрался къ сосѣду Василию Шерстобитову и все семейство, даже и дѣтей, билъ; выхватилъ мечъ и давай гоняться, а они выбѣжали изъ избы и сказали: слава Богу, что остались живы. А онъ (всадникъ) тотчасъ взялъ мать Николая Войкина, а она очень больна въ то время была, но онъ, не смотря на то, потащилъ ее въ Цхинвалъ, затащилъ на мостъ и ударилъ о камень, и она упала замертво; ее потащили въ больницу и бросили просто какъ пса на полъ и она кричала не своимъ голосомъ. А въ то время я вбѣжалъ въ больницу, хотѣлъ взять ее; набѣжали городовые и сказали: не тронь, пусть лежитъ здѣсь; но я, не смотря на нихъ, взялъ и понесъ чуть живую, а село было 4 версты отъ Цхинвала, едва дошелъ; та женщина очень долго болѣла.

Въ Февралѣ 1897 года одинъ изъ друзей нашихъ посѣтилъ духоборовъ и такъ описываетъ ихъ положеніе :

Я видѣлъ страдальцевъ въ 3-хъ уѣздахъ: Тонетскомъ, Горійскомъ и Душетскомъ; всѣ они были очень рады мнѣ.

Больныхъ больше всего въ Горійскомъ и, какъ говорить, въ Сигнахскомъ уѣздахъ. Куриной слѣпотой они почти всѣ больны и такъ свыклись съ ней, что и не считаютъ ее за болѣзнь. Но за то очень страшна другая глазная болѣзнь: глаза сначала краснѣютъ, очень болятъ, потомъ покрываются бѣлой оболочкой и совсѣмъ слѣпнутъ. Такихъ больныхъ много и ихъ становится все больше и больше. Я видѣлъ одну дѣвushку, которая все время сидитъ съ покрытымъ лицомъ. Когда я подошелъ къ ней и попросилъ ее поднять платокъ, то я увидѣлъ бѣлое лицо и бѣлые (чуть-чуть только сѣрые) движущіеся глаза и я испугался, точно это была статуя. Она предметовъ не видитъ. Ей снимали въ Тифлисѣ оболочку, и она стала отличать свѣтъ отъ тьмы, но предметовъ не различаетъ. Другая дѣвushка, которую я видѣлъ, имѣетъ одинъ уже бѣлый и слѣпой глазъ, а другой—красный. Она тоже все время сидитъ. Мнѣ говорили, что у одного мальчика глазъ покрылся тоже бѣлой пленой, а потомъ совсѣмъ вытекъ. Кромѣ этой

страшной какой-то глазной болѣзни, ихъ очень измучаетъ лихорадка, поносъ, кашель, боль въ ногахъ, опухоль ногъ и другихъ частей тѣла. Въ одномъ селеніи, почти въ каждомъ жилищѣ (землянкѣ), я находилъ лежащаго больного или больную. Другіе больные могли ходить. Умираетъ ихъ много. Всего умерло 450 человекъ. Питаются они хлѣбомъ и приваркомъ изъ очень малаго количества капусты. Многие дѣлаютъ также похлебку изъ квасу и хрѣна тертаго. Иные варятъ супъ изъ пшена или дешеваго риса (сарацинское пшено, какъ они говорятъ), или изъ гречневой крупы. Иные дѣлаютъ лапшу. Но это, вѣроятно, бываетъ очень рѣдко.

Какъ извѣстно, 10-го Декабря 1896 года рѣшено было продать лишнѣхъ лошадей и фургоны, а оставлено по 2 и 3 лошади и одному фургону на 20 человекъ. Деньги, вырученныя отъ этой продажи, и деньги, оставшіяся на рукахъ у частныхъ лицъ, снесены вмѣстѣ и изъ нихъ составился въ концѣ 1896 года капиталъ въ 15 тысячъ рублей. Изъ нихъ 9 тысячъ рублей уже израсходованы. Остается 6 тысячъ, которыхъ хватить, по ихъ расчету, не болѣе какъ на два мѣсяца. На каждого человека, считая расходы и на лошадей среднимъ числомъ по расчету 2 руб. въ мѣсяць. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Горійскаго и Душетскаго уѣзд. возможны заработки, то изъ наличныхъ денегъ расходуетъ меньше 2-хъ руб. Во всякомъ случаѣ, два мѣсяца они могутъ прожить не бѣдствуя, а дальнѣйшую свою судьбу они вручаютъ въ руки Божьи и готовы все претерпѣть.

Въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ марта произошло нѣкоторое передвиженіе среди заключенныхъ духоборовъ, такъ часть духоборовъ, заключенныхъ въ Елизаветпольской городской тюрьмѣ была переслана этапнымъ порядкомъ въ гор. Нуку для заключенія ихъ тамъ во вновь отстроенномъ тюремномъ замкѣ. Объ этомъ переходѣ духоборовъ другъ нашъ писалъ намъ такъ :

Зная о проходѣ духоборовъ по пути въ Нуку, я выѣхалъ ихъ встрѣтить на почтовый трактъ. Я никогда не забуду вида этого этапа, да вѣроятно мало кому пришлось видѣть такихъ арестантовъ.

По грязному отъ талаго снѣга шоссе двигалась толпа рослыхъ здоровыхъ людей въ чистой одеждѣ. Шли они

вольны, съ котомками и сватанными по солдатски свитками через плечо и еслибъ не конвойные солдаты съ ружьями, окружавшіе эту группу людей, да не четыре туземца, закованныхъ въ цѣпи и шедшихъ впереди — можно было бы подумать, что это странники вольные, такъ спокойны и благодущны были ихъ лица, мѣрны движенія, звонки голоса и мирны рѣчи, которыми они обмѣнивались по пути.

Всѣхъ ихъ было 36 человекъ, большею частью средняго возраста, но были и совсѣмъ старики сѣдые, были и вовсе юные безусые парни. Давно не видѣнный просторъ стени и полей, солнышко яркое, воздухъ и видъ людей и „вольной жизни“ видимо бодряще дѣйствовали на узниковъ. Забыта душная городская тюрьма на минуту и человекъ радъ хоть надышаться полной грудью, размять затекшіе члены, разсѣяться взоромъ на новыхъ предметахъ, не чувствовать кругомъ себя высокихъ стѣнъ тюремнаго двора... Именно это самое и заставило больно сжаться мое сердце при взглядѣ на нихъ. Среди нихъ находился отецъ знакомого мнѣ Славянскаго молодого духобора --- Ивана Веригина --- Иванъ Васильевичъ Веригинъ, попавшій въ тюрьму, какъ „главный подстрекатель и сторонникъ Петра Веригина“. Это рослый и красивый старикъ типа служаки временъ Николая I, очень привлекательный своей разумностью, рассудительностью и общительностью. По слову моему его подозревали другіе и мы повели бесѣду, какъ старне, давно знакомые пріятели. Тутъ же подошли и другіе и между ними узналъ я молодого, красиваго парня, обрадовавшагося мнѣ. Парень этотъ изъ Славянки пріѣхалъ съ товарищемъ проводить до мѣста братію и помочь имъ на мѣстѣ устроиться. Такъ разговаривая, дошли мы до станціи Халданъ, гдѣ былъ въ тотъ день базаръ. Народъ съ удивленіемъ останавливался и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на прибывшихъ на этапный дворъ хорошо извѣстныхъ всякому туземцу духоборъ. Другъ друга спрашиваютъ: за что такихъ людей въ тюрьму ведутъ? Что они сдѣлали? Какой ихъ „грѣхъ“?

Конвойные солдаты относились видимо весьма пріязненно къ духоборамъ и какъ бы ради формы только безпечно брели себѣ по краямъ дороги. Унтеръ-офицеръ команды затѣялъ, какъ рассказывали мнѣ духоборы, религиозный споръ, доказывая, что Богъ разрѣшилъ и освятилъ войну, въ доказательство чего указалъ на „Солдатскую памятку“ ген. Драгомірова, гдѣ говорится о томъ,

„что въстѣ большей любви, аще кто душу положить за други своя!“ — и очень былъ удивленъ, узнавъ, что это болѣе чѣмъ произвольное толкованіе евангельскихъ словъ.

Въ началѣ 1897 года на Кавказъ былъ назначенъ новый главноначальствующій, князь Голицынъ, хо рошо освѣдомленный еще до вступленія въ свою должность о положеніи духоборческаго дѣла. И у насъ и у самихъ духоботовъ явилась надежда на переѣну въ ихъ положеніи. Какъ только новый начальникъ вступилъ въ свою должность, представители духоборовъ отправились къ нему. Вотъ какъ передаютъ духоборы въ письмѣ объ этомъ свиданіи :

По прибытіи Голицына ходили мы къ нему 29-го Ап рѣля. Онъ насъ принялъ и началъ спрашивать: — „Ну что, братцы, хотите?“ Мы ему говоримъ: „Хотимъ узнать на какомъ основаніи наша высылка.“ Онъ говоритъ намъ: „Ваша высылка впредь до покаянія.“ Мы ему говоримъ: „Въ чемъ каяться?“ Онъ говоритъ: „Все не повинуетесь правительству.“ Мы ему говоримъ: „Мы во всемъ повинемся, только не можемъ быть солдатами.“ А онъ сейчасъ говоритъ: „Вотъ это-то и главное. Такъ вотъ и страдайте. Нѣтъ вамъ больше ничего, потому вы поставили на своемъ. Какъ хотите такъ и кормитесь.“

Духоборцы увидѣли, что переѣны ждаты имъ нечего.

А между тѣмъ положеніе духоборовъ становилось все хуже и хуже. Все чаще стали проникать даже въ цензурную печать извѣстія о распространеніи среди нихъ разныхъ болѣзней и увеличенія смертности. Это заставило нашихъ друзей подумать о снаряженіи санитарнаго отряда. Вотъ какъ отнеслись къ этому запрошенные объ этомъ духоборы :

Медикаменты и доктора по нашему мнѣнію пусть останутся на мѣстѣ. Это очень затруднительно и много надо денегъ, а если возможно помочь намъ въ матеріальномъ отношеніи, то пришлите намъ сколько нибудь, такъ какъ нужда у насъ у всѣхъ разселенныхъ одна и та-же. Во всѣхъ четырехъ уѣздахъ всего денегъ около 6000 руб.

на 3200 душъ. По нашему счету на одинъ мѣсяцъ, считаемъ на 20 душъ и три лошади въ мѣсяцъ израсходуютъ 40 руб. А болѣзнъ болѣе въ Сигнахскомъ уѣздѣ, въ Горійскомъ и Душетскомъ тоже есть.

Болѣзнъ лихорадка, опухоль, внутри жаръ и поносъ. Также бываетъ сильный кашель и многіе страдаютъ отъ глазъ. Сначала бываетъ куриная слѣпота, потомъ дѣлаются воспаленные, красные, какъ кровь, и затягиваетъ какой-то бѣлой оболочкой.

Если деньги будутъ, то можно и здѣсь достать лекарствъ и докторовъ. А если же сочтутъ необходимымъ приѣхать доктора, то пусть ѣдутъ въ Тифлисъ. Тамъ они узнаютъ подробно. Всего средствъ у насъ осталось на каждыя 20 душъ одинъ фургоны и три лошади, такъ какъ двѣ части продали, одну оставили и меньше того. А деньги всѣ клали въ одно мѣсто и тѣ также, которые присылал намъ братья, и давали, кто въ чемъ имѣеть нужду. Но въ настоящее время осталось этого капитала — шесть тысячъ рублей. Кое-гдѣ работаютъ что найдутъ, такъ въ Горійскомъ уѣздѣ около желѣзной дороги тамъ есть немного работы, а кромѣ нигдѣ нѣтъ никакой работы.

Будемъ пока терпѣть и можетъ терпѣніемъ достигнемъ Царствія Божія. Всѣхъ умершихъ въ четырехъ уѣздахъ т. е. за все время по высылкѣ нашей съ 1895 года — 470 человекъ.

А всѣхъ живыхъ 3500 человекъ. Больныхъ числомъ не могу сказать. Настоящимъ здоровьемъ сотенный только обладаетъ, полнымъ здоровьемъ.

Къ этому же времени относится сообщеніе одного друга, рисующее намъ отношеніе духоборовъ къ мѣстному населенію. Какъ видно, не смотря на страданія, у нихъ еще хватало силы на служеніе ближнимъ :

Вначалѣ духоборы были въ ужасномъ положеніи; имъ приходилось жить въ одной небольшой саклѣ по 30 человекъ. Отсутствіе топлива, недостатокъ пищи, тѣснота производили среди нихъ опустошенія: многіе умирали. Крестьяне туземцы (грузины) вначалѣ не обращали на нихъ вниманія, а дурные обижали ихъ: отнимали у нихъ (воровали) лошадей и другое имущество. Но когда узнали туземцы, что поселенные среди нихъ духоборы живутъ по Евангелію, не противятся злу и

охотно отдаютъ все свое нуждающимся и насильно отнимающимся у нихъ, стали сами защищать ихъ отъ дурныхъ людей и теперь помогаютъ имъ всѣмъ, чѣмъ могутъ, считая ихъ святыми людьми.

Сначала напр. какъ только духоборы поселились, туземцы почти даромъ пользовались ихъ трудомъ и хорошо было, если оплачивали ихъ усерднѣйшій трудъ, вовсе незнакомый для туземцевъ, кускомъ хлѣба. Само собою, духоборы не роптали на это и были довольны и тѣмъ, что имъ даютъ. Теперь всѣ туземцы стараются, одинъ передъ другимъ, дать духоборамъ заработокъ и за ихъ трудъ платятъ вдвое дороже, чѣмъ за трудъ своихъ рабочихъ. Прежде и теперь старшины, исполняя приказанія мѣстной администраціи и духовныхъ властей, не позволяли духоборамъ хоронить ихъ покойниковъ не только на кладбищахъ (на христіанскихъ кладбищахъ они не хоронятъ), но ни на чьей либо землѣ. Были случаи, напримѣръ, когда духоборы переселялись, многие изъ нихъ отъ голода и болѣзней умирали въ пути и оставшіеся въ живыхъ вынуждены были везти трупы, такъ какъ имъ нигдѣ не позволяли рыть ямы для погребенія умершихъ. Теперь туземцы, какъ дворяне, такъ и крестьяне, просятъ хоронить трупы ихъ покойниковъ въ частныхъ садахъ, чего запретить ни администрація, ни духовныя власти не могутъ.

Вообще туземцы-грузины, узнавшіе духоборовъ, недоумѣваютъ, за что губятъ этихъ святыхъ людей, негодуютъ на администрацію и все больше и больше устраиваютъ соглашенія для облегченія ихъ участи, не позволяя обижать ихъ.

Положеніе духоборовъ лѣтомъ 1897 года хорошо видно изъ описанія нашего друга, посѣтившаго ихъ въ разныхъ мѣстахъ :

Въ Нухѣ я добился свиданія съ заключенными въ тамошней тюрьмѣ знакомыми мнѣ духоборами. Тяжелое это было свиданіе и до сихъ поръ вспоминаю я его съ тоской!... По распоряженію мѣстнаго товарища прокурора, духоборы были на общемъ основаніи водворены по камерамъ, и видъ этихъ людей за рѣшетками боковой съ убійцами и ворами былъ невыносимо тягостенъ для меня. Въ обыкновенное время они пользуются относительной свободой, т. е. ходятъ въ чертъ тюремнаго зданія и занимаясь кое-какой работой. Относятся къ нимъ

служителя, смотритель и караульные, как и въ другихъ тюрьмахъ, хорошо и сочувственно. Письма доходятъ черезъ начальство исправно и, благодаря сравнительно просторному помѣщенію вновь отстроенаго тюремнаго замка они мало болѣютъ и чувствуютъ себя бодрѣ, чѣмъ содержащіеся въ несравненно худшихъ условіяхъ по тюрьмамъ Тифлиса, Елизаветполя и Казаха. При обходѣ сомной камеръ прокуроръ сообщилъ духоборамъ извѣстіе объ ожидаемомъ скорѣ полученіи распоряженія, касающагося отправки всѣхъ заключенныхъ на поселеніе въ Сибирь. Это сообщеніе очень взволновало духоборъ и они съ нетерпѣніемъ дожидались прочтенія имъ этой бумаги, выражая радость скорого освобожденія изъ заключенія. „Можетъ гірше будетъ — только инше“ — вотъ чѣмъ можно выразить ихъ состояніе мысли... Первый вопросъ ихъ былъ по полученіи эдого извѣстія — позволятъ-ли семьямъ идти съ ними на поселеніе, но никто ничего опредѣленнаго сказать имъ на это не могъ...

Въ Тифлисѣ я видѣлся еще съ двумя духоборамъ, которые жинуть тамъ для матеріальной помощи заключеннымъ по тюрьмамъ. Оказывается, что всѣхъ содержащихся по тюрьмамъ духоборъ предписано расселять по губерніямъ Кавказа, а часть въ Сибирь, и что на дняхъ всѣхъ изъ Тифлиса везуть въ Баку, гдѣ будутъ распределять кого куда. При мнѣ-же получилось письмо отъ одного студента, спрашивающаго чѣмъ и какъ помочь духоборамъ. Я ему немедленно написалъ и описалъ все, какъ очевидецъ. Жалѣтъ—многіе жалѣютъ, а рубля не даютъ.А мнѣ все слышится голосъ Сигнахскаго духобора-старика, говорящаго: „неужели не подадутъ намъ милостыни люди добрые, быть того не можетъ!.. А ужъ какъ нужно-то, какъ нужно!..“ И мнѣ каждый разъ при встрѣчѣ съ этими людьми обидно становится, что у меня нѣтъ денегъ, чтобъ имъ дать хоть сколько нибулы!.. Особенно больно было это сознавать при послѣднемъ свиданіи съ партіей Нухинскихъ духоборъ, шедшихъ въ Баку.

Еще на станціи Евлахъ, возвращаясь изъ Тифлиса, я встрѣтилъ большую толпу женщинъ съ дѣтми и мушницъ духоборъ, шедшихъ на встрѣчу арестантскому этапу изъ Нухи, съ которымъ слѣдовали 35 человекъ. Нагруженные одеждой и провизіей, они не могли раздобыться подводой и я былъ очень радъ имъ помочь высылкой своей арбы, съ которой послалъ всякихъ овощей и фруктовъ на братію. 20-го числа я выѣхалъ на станцію Чемахлы, гдѣ и повидался со старикомъ Иваномъ Веригиннымъ и ос-

тальными. На слѣдующій день вновь побылъ съ ними и простился, провожаемый благими пожеланіями и благо-словеніями.

И отраднo и тяжело видѣть этихъ людей въ такомъ положеніи. Радость свиданія съ родными оживила ихъ и если бы не заплаканные глаза женщинъ, да не этапный дворъ, то никакъ не скажешь, что это свиданіе съ ссыльными — такъ свѣтлы ихъ лица, мирны и добродушны бесѣды, спокойны окрики, опросы, улыбки и смѣхъ!... Изъ словъ ихъ узналъ, что всѣхъ заключенныхъ по тюрьмамъ разсылаютъ по разнымъ мѣстамъ. Такъ, въ Нухинскій уѣздъ прислано 15 человекъ, которыхъ приказано расселить по 2 человека въ селеніе. Въ Эриванскую губернію тоже послана партія и слышно, что большая часть отправленныхъ въ Баку расселится по губерніи.

Замѣчательно то, что всѣхъ этихъ духоборъ поселяютъ въ самыя что ни на есть поганыя селенія, съ воровскимъ населеніемъ, въ глухія мѣста, удаленныя отъ проѣздныхъ путей.

Вотъ ужъ 2 года, что они не видѣли семей и если ихъ оставляютъ тамъ-же, то имъ и думать нечего выписывать ихъ къ себѣ. Сами они только начинаютъ приходить въ себя послѣ тюремнаго сидѣнія, гдѣ они изнывали отъ духоты, смрада и пребыванія среди одичалыхъ и озвѣрѣлыхъ арестантовъ. Достаточно сказать, что ради только того, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и размяться, они шли на всякія черныя работы къ смотрителю тюрьмы и шли ему даромъ сапоги и проч. обувь. Они знаютъ все дѣлать „по домашности“. Они и каменщики, и плотники, и хлѣбонашцы, и огородники и сапожники.

Одно время, благодаря порядочному отношенію къ нимъ мѣстнаго начальства, духоборы не чувствовали надъ собой постоянного надзора, но послѣ послѣдняго проѣзда Скворцова, ихъ стали крѣпко стѣснять. Усилился надзоръ и предписано безъ билета никуда не пускать. За посѣтителами духоборовъ и ихъ собратіями, приѣзжающими изъ другихъ мѣстъ, слѣдятъ съ особенной зоркостью, такъ какъ пуще всего опасается начальство, что будутъ доставлять имъ „помощь денежную“. А начальство рѣшилось взять ихъ, побѣдить ихъ упорство путемъ доведенія ихъ до отчаянія отъ усиливающейся нужды „И будетъ вамъ дальше хуже и такъ будемъ держать васъ --- пока не покоритесь“, --- заключать каждую рѣчь свою къ нимъ Скворцовъ. Собесѣдованія же онъ велъ въ

гонѣ „помягче“, чѣмъ въ первый свой приѣздъ на Кавказъ, религиозной стороны дѣла почти не затрагивалъ и лишь добивался узнать отъ каждаго, какъ и чѣмъ оня признаетъ царя и за что почитаетъ. Опрашивалъ оня каждаго порознь, а нѣкоторыхъ требовалъ къ себѣ въ ближайшей монастырь св. Нины, гдѣ оня останавливался съ женой своей при объѣздѣ Сигнахскаго уѣзда.

Удивительно, до какой степени не брезгливы подобнаго рода люди въ достиженіи преслѣдуемыхъ имъ цѣлей!... Такъ, напримѣръ, этотъ чиновникъ переодѣтымъ являлся въ Тіонетскій уѣздъ къ ссыльнымъ, выдавалъ себя за ихъ единомышленника и друга И. М. Трегубова, прося сообщить ему --- сколько этотъ послѣдній передалъ имъ денегъ, и лишь вида, что духоворы понимаютъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло, оня скинулъ свою личину и сталъ бесѣдовать съ ними, какъ чиновникъ --- слуга царю и отечеству!..

Между тѣмъ стали получаться съ разныхъ сторонъ извѣстія, что намѣреніе правительства рѣшить участь духовоборовъ стало приводиться въ исполненіе. Изъ Нухинской тюрьмы въ началѣ Іюля писали намъ слѣдующее :

Вашъ привѣтъ мы получили, чему, очень рады были. Спокойны сердца наши и мысли разума не унывають. Взаимно вамъ низко кланяемся и желаемъ вамъ отъ Господа Бога всего хорошаго въ жизни вашей. Любезный братъ, желаемъ объяснить вамъ содерженіе бумаги 4-го іюля приходилъ г. уѣздный начальникъ къ намъ въ тюрьму и вычиталъ рѣшеніе нашего дѣла. Дѣло рѣшено административнымъ порядкомъ, а содержаніе бумаги вотъ какое: отъ Департамента Полиціи на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30-го апрѣля 1891 года по обвиненію въ государственномъ преступленіи, — выслать Ивана Васильевича Веригина въ распоряженіе Иркутскаго Генераль-Губернатора, и поселить его въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстахъ среди инородческаго населенія, гдѣ чтобы не было русскихъ, подъ надзоръ полиціи и безсрочно.

А остальнымъ двадцати двумъ вычитывалъ иначе, говоря о рѣшеніи выслать въ Восточную Сибирь въ распоряженіе Иркутскаго Ген.-Губернатора подъ надзоръ полиціи также безсрочно.

Объ семействахъ мы спросили начальника. Оня сказалъ, что въ рѣшеніи ничего не сказано относительно

семействъ; теперь мы ожидаемъ приѣзда губернатора и хотимъ лично попросить, чтобы дозволилъ взять семейства съ собой.

Насъ выслаютъ изъ Нухи 18-го іюля. Господь благословитъ—будемъ живы, хотимъ упросить стражу конвоя, чтобы сдѣлать дневку на станціи Чемахлы 21-го іюля.

Домашнихъ мы извѣстили, чтобы приѣхали на Евлахъ. Путь нашъ черезъ Баку. Изъ газетъ мы слышали, что въ г. Баку насъ ожидаютъ 48 человекъ нашихъ братьевъ, которые вмѣстѣ пойдутъ съ нами до мѣста. Это навѣрное будутъ изъ Тифлиса.

Дорогой братъ, изъ всего этого видно, что дѣло не окончательно рѣшено, но Богъ вѣдаетъ, что будетъ дальше, пока же мы слава Богу здоровы и во всемъ благополучны; не унываемъ и на Бога уповаемъ.

Любящіе васъ навсегда братья ваши 35 человекъ.

Въ концѣ того же мѣсяца намъ сообщаютъ изъ Тифлиса :

...Василія Веригина и Верещагина, съ ними еще 6 человекъ изъ Тифлиской темницы 22-го іюля сослали, да еще изъ г. Нухи --- 22 человекъ; а ихъ проводилъ въ Баку, ихъ 4-го или 5-го августа отправятъ изъ Баку на пароходѣ въ путь.

Ихъ порѣшили сослать въ отдаленный край Восточной Сибири, въ иноплеменные народы, а остальные 27 человекъ въ Иркутскую губернію, только не въ отдаленный край, всѣхъ ихъ безсрочно подъ надзоръ полиціи.

Теперь нашихъ братьевъ осталось въ Тифлиской тюрьмѣ 3 человекъ изъ разселенныхъ: Иванъ Пономаревъ, Василій Обѣдковъ и Григорій Черненко. Остальныхъ всѣхъ изъ темницъ освободили. 78 человекъ отправили въ Елизаветпольскую губ., 78 --- въ Бакинскую, 84 --- въ Эриванскую. Ихъ разослали по ауламъ по два человекъ; жители --- мусульсане, персидскіе народы; всѣ они душою бодрѣ и веселы.

Какъ не тяжела эта ссылка одинокихъ измученныхъ людей въ чуждую имъ и грубую среду безъ средствъ къ жизни — она показалось большимъ облегченіемъ для томившихся около 2-хъ лѣтъ по разнымъ кавказскимъ тюрьмамъ духоборамъ.

Но эта реформа не коснулась раньше разселен-

ныхъ. Положеніе ихъ оставалось столь же тяжелымъ, какъ то видно изъ письма духоборовъ отъ 11-го Сентября :

Намъ живетъ разво по уѣздамъ, такъ что съ половины юня заявили намъ мѣстныя власти не по какимъ нуждамъ или-же гдѣбы достать насущнаго хлѣба для поддержанія плотскихъ силъ безъ свидѣтельства пристава или старшины никуда выпуску нѣтъ; хотя и даютъ пристава и старшины намъ свидѣтельства и сами же, куда мы только отлучаемся, насъ арестуютъ, бьютъ и сажаютъ, даже непристойно сказать, въ отхожія мѣста, какъ и случилось на дняхъ. Выдалъ одному человѣку, а именно Василию Потапову свидѣтельство Мочканскій приставъ по просьбѣ его отлучиться ему на заработки по своему уѣзду не дальше 20 верстъ отъ города Сигнаха; дорогою уѣздный съ приставомъ встрѣтились съ Потаповымъ и сейчасъ же спросили у него свидѣтельство; онъ вынимаетъ свое оправданіе, приставъ другаго участка — заарестовалъ его по приказанію уѣзднаго и назначилъ ему одного чапарника и онъ гналъ его верхомъ и всю дорогу давилъ его ноги конемъ; а какъ пригналъ его въ городъ Сигнахъ, приручилъ его одному старшинѣ, чтобы онъ отправилъ Потапова, гдѣ онъ находится, а старшина нанесъ Потапову большіе побои и посадилъ его на трое сутокъ въ вонючую яму, морилъ голодомъ.

А еще Ѳедоръ Глѣбовъ былъ тоже на заработкахъ и съ нимъ было еще 8 человѣкъ на Царскихъ Колодахъ, и у нихъ на всѣхъ было одно свидѣтельство, и онъ, Глѣбовъ, шелъ домой за фургономъ черезъ селеніе Арбошекъ и его задержалъ нацвалъ т. е. помощникъ старшины, и спрашиваетъ у Глѣбова билетъ. Онъ отвѣчаетъ: „билетъ мой остался, гдѣ работаютъ мои товарищи, я иду за фургономъ.“ Этотъ нацвалъ сейчасъ избилъ его и снялъ съ него одежду, только оставилъ Глѣбову одну рубашку и выгналъ его изъ селенія при закатѣ солнца; разстояніе было до селенія, гдѣ находился Глѣбовъ, 15 верстъ. Обращались къ уѣздному, — онъ не обратилъ никакого вниманія....

Такое стѣсненіе въ Сигнахскомъ уѣздѣ, а въ Тіонетскомъ, Душетскомъ и Горійскомъ уѣздахъ, хотя и препятствуетъ, — безъ свидѣтельства никуда не даютъ отлучаться, но арестовъ не случалось.

Такъ поступають съ нами за вѣру и любовь въ Господа Иисуса Христа, который сказалъ: „меня гонять и

васъ будутъ гнать“, такъ и исполняются слова Христовы. Скорби не прекращаются, многіе помираютъ; скорби разныя: лихорадки и поносы и вродѣ горячки, отъ которой долго болѣютъ; кажется, сколько насъ есть ссыльныхъ ни одинъ не остался, чтобы не былъ боленъ, но мы надѣемся на Господа, будемъ терпѣть, все будетъ къ лучшему, Господь поможетъ, терпѣніемъ достигнемъ Царствія Небеснаго.

Дорогой братъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, мы слышали о вашемъ изданіи книгъ, которыхъ получили отъ друга нѣсколько штукъ для пересылки всѣмъ желающимъ читателямъ и слушателямъ. Но это служить большимъ примѣромъ для человѣковъ, которые и душевно жаждутъ. Благодаримъ васъ вообще всѣхъ жалѣющихъ насъ и помогающихъ нашей братіи. Лѣто проводили хорошо, только было жарко, въ августѣ мѣсяцѣ втеченіе всего мѣсяца не было дождя и стояла сушь, а въ сентябрѣ переменна погода: въ первыхъ числахъ пошелъ дождь и свѣжій воздухъ; лѣтомъ ходили на заработки, косили сѣно 80 коп. въ день косцу, а гребцу 50 коп. только на своемъ хлѣбѣ. А хлѣбъ, пшеничная мука 85 и 90 коп. пудъ, ячмень зерномъ 50 и 60 коп. пудъ, и гуртомъ работали, косили пшеницу и ячмень и молотили тоже. Гуртовья работы случаются сходнѣй, чѣмъ поденныя и дешевле; эта работа была до сентября мѣсяца, потомъ прекратилась, иногда попадаетъ работа на желѣзной дорогѣ, работаютъ по 60 коп. въ день, эта работа въ Горійскомъ уѣздѣ, который по желѣзной дорогѣ, мѣстами, а мѣстами негдѣ работать и въ особыхъ уѣздахъ, тоже самое мѣстами, да еще воспрещаютъ.

Подобныя свѣдѣнія получались и изъ другихъ уѣздовъ :

Больныхъ много оказалось въ сентябрѣ мѣсяцѣ, такъ что всѣ формально обошлись больными. И многіе умираютъ отъ лихорадки и поносу, нападаетъ горячка, отъ которой бывають безъ памяти и долго лежатъ. Да будетъ на все это Воля Божія. Да еще вдобавокъ съ половины іюля мѣсяца заявили намъ мѣстныя власти, чтобы безъ свидѣтельства пристава и старшины никуда не отлучаться по другимъ уѣздамъ и селамъ ни по какимъ нужнымъ случаямъ. А нужда гонитъ доставать насущнаго хлѣба для поддержанія нашихъ плотскихъ силъ; и какъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ, хотя и берутъ свидѣтельства на заработки только по своему уѣзду, но не смотря на то,

что у него есть оправданіе, арестуютъ. Обращались къ уѣздному и главноначальствующему. Они не обратили никакого вниманія. Въ прочихъ трехъ уѣздахъ пока арестовъ нѣтъ: въ Горійскомъ, Душетскомъ и Тіонетскомъ. Только и случилось въ Горійскомъ уѣздѣ съ двумя молодыми человѣками, которые были въ прошломъ году на призывѣ: Андреемъ Баулинымъ, Дмитріемъ Шляховымъ. Потребовалъ ихъ приставъ на испытаніе вручить ополченскіе билеты. Они не приняли. Тогда приставъ представилъ ихъ уѣздному, а уѣздный посадилъ на трое сутокъ въ карцеръ. На третій день освободилъ по распоряженію высшихъ властей. Изъ города Тифлиса изъ тюрьмы и Метеха выслали нашихъ братьевъ въ ссылку нѣкоторыхъ въ Якутскую область, нѣкоторыхъ расселили въ Бакинскій губ. по татарскимъ селамъ по 2 и по 3 человѣка безсрочно. Изъ Ахалкалакскаго уѣзда трое осталось: Черненковъ, Пономаревъ и Объядковъ безъ распоряженія. Лѣто проводили хорошо. Въ покосъ косили сѣно по 80 коп. въ день косцу, гребцу 50 коп. день. Во время уборки хлѣба случалось поденно и гуртомъ. По-денно цѣна такая, какъ и траву, а гуртомъ 4 рубля десятина. Для себя косили сѣно т. е. для лошадей на 54 штуки; да еще добавили къ сѣну саману, который заработали молотью; настояще не опредѣлимъ, хватить или нѣтъ на всю зиму корму лошадямъ. Себѣ не имѣеть никакихъ запасовъ, кромѣ дневнаго пропитанія. Ходимъ на работу по желѣзной дорогѣ по 60 коп. въ день, такой работы не хватаетъ всѣмъ, которые находятся въ селеніи Скра 404 души. Принимаютъ на желѣзную дорогу 20 и 30 человѣкъ; остальные промышляютъ по другимъ сторонамъ. На дняхъ оказалась работа въ имѣніи Накашидзе рубить дрова по 70 коп. въ день. Хлѣбъ подорожалъ, пшеничная мука 90 коп. пудъ, ячмень 50 и 60 коп. пудъ. Лѣто стояло жаркое. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ были дожди и свѣжій воздухъ — холодный вѣтеръ. Спаси, Господи, миротворцевъ за пожертвованіе; хорошихъ людей много, которые должны горѣть, какъ свѣтильники въ окружающемъ насъ мракѣ. Занимались огородами сообща 404 души, пользовались огурцами, картошкой и другими овощами на банковомъ имѣніи. Намъ за работу двѣ части, а ему третью за землю.

Замѣчательно то, что двухлѣтнее голоданіе, сопровождаемое всякаго рода болѣзнями и грубымъ, жес-

токимъ обращеніемъ съ ними нисколько не ослабило ихъ твердаго духа. Измученнаго по тюрьмамъ духовобора отправляютъ въ безсрочную ссылку въ Якутскую область и онъ идетъ туда съ радостнымъ лицомъ, провожаемый родными и друзьями. Вотъ одно изъ описаній такихъ проводовъ, происходившихъ прошлою осенью 1897 года въ Сентябрѣ :

Сегодня вели Ваню Худякова въ ссылку (въ Якутскую область).

Спасовскіе и часть Терпѣнскихъ духовоборъ встрѣчали его и потомъ прощались. Опишу, какъ смогу, это прощаніе, которое навсегда оставитъ слѣдъ въ моей головѣ. Худякова должны были провести еще вчера, т. е. 20-го сентября, но почему то сдѣлали днемъ на почтовой станціи Таргетъ, и провели его сегодня, что еще болѣе увеличило массу народа, такъ какъ былъ праздничный день (воскресенье). Утромъ, часа за три до его прохода, народъ собрался около дороги, гдѣ Худяковъ съ конвоемъ долженъ былъ проходить. Толпа собралась около 400 человекъ. Часть народа пошла навстрѣчу ведомому. Повстрѣчавшись съ нимъ, они поздоровались и пошли вслѣдъ за нимъ съ пѣніемъ псалмовъ.

Мотивы псалмовъ, какъ извѣстно, у нихъ протяжные и замѣчательно похожіе на церковное погребальное пѣніе; это сильно настраиваетъ человека на грусть. Не знаю, какъ это пѣніе дѣйствуетъ на духовоборъ, но на меня вообще дѣйствуетъ удручающе. Часа два я простоялъ около дороги. Духоборы стояли, сплотившись въ нѣсколько кучекъ, и большею частью говорили о Худяковѣ.

Но вотъ вдали послышалось пѣніе и черезъ нѣсколько минутъ изъ-за поворота желѣзнодорожной насыпи показался конвой съ тремя арестантами, между ними Худякова не было, онъ шелъ сзади съ однимъ солдатомъ, окруженный духовоборцами, и когда они подошли на довольно близкое разстояніе, я увидѣлъ Худякова: одѣтъ онъ былъ, какъ обыкновенно одѣваются духовоборы, т. е. въ темносиній кафтанъ, въ такихъ же шароварахъ, заткнутыхъ въ сапоги, и въ фуражкѣ; на плечи у него были накинута башлыкъ. Онъ не особенно красивъ, но мнѣ показался замѣчательнымъ красавцемъ (впрочемъ, не мнѣ одному: сзади меня греки стояли и удивлялись его красотѣ и молодости). Весь костюмъ на немъ былъ новый,

самъ онъ былъ хорошо выбритъ и производилъ хорошее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ Тифлисѣ, онъ почти не измѣнился: похудѣлъ немного, поблѣднѣлъ и взглядъ у него сдѣлался сосредоточеннѣе. Когда онъ подходилъ къ намъ, женщины и мужчины бросились къ нему цѣловаться, при этомъ ему давали деньги на дорогу. Дойдя до середины собравшейся толпы, онъ остановился; духоборы выстроились всѣ въ одну шеренгу. Тутъ началось прощанье; за гуломъ голосовъ, я хорошо не могъ слышать, что онъ говорилъ; вѣроятно, кромѣ привѣтствій и благодарности за встрѣчу ничего не говорилось. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, сопровождаемыхъ поклонами съ обѣихъ сторонъ, всѣ духоборы стали на колѣни и поклонились три раза до земли Худякову, съ пожеланіемъ ему укрѣпленія въ несомомъ крестѣ и счастливой дороги; затѣмъ встали, еще нѣсколько разъ поклонились съ пожеланіями, и Худяковъ пошелъ дальше, окруженный мужчинами и женщинами, которые на перерывъ цѣловали его. Хорошо я его не могъ рассмотреть, такъ какъ толпа быстро отѣснила его отъ меня, когда онъ подошелъ ко мнѣ. Правду сказать, мнѣ было немного совѣстно и досадно, что онъ такъ быстро прошелъ мимо меня, успѣвъ лишь подать руку и сказать: „а, Саша!“ Замѣчательно то, что Худяковъ при прощаньи не становился на колѣни, а кланялся только въ поясъ.

Въ томъ, что духоборы кланялись до земли, стоя на колѣняхъ, они какъ бы просили прощенья у Худякова за то, что ему пришлось нести такой тяжелый крестъ.

На меня картина прощанія, а особенно становленіе на колѣни, произвели впечатлѣніе, которое я никакъ не могу опредѣлить: что-то смѣшанное съ грустью, тоской, угрызненіемъ совѣсти и, что всего страннѣе, впечатлѣніе какой то тихой радости.

Нѣсколько разъ я удерживался, чтобы не заплакать. Мнѣ было больно смотреть и на Ваню Худякова и на духоборовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ я умилялся передъ ними.

Когда почти всѣ перецѣловали Худякова, конвой двинулся дальше, сопровождаемый кучкой духоборъ и духоборокъ, пѣвшихъ псалмы. Какъ видно, это былъ хоръ, организованный для молитвеннаго дома, ибо я замѣтилъ въ этой кучкѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые ходили къ нему на встрѣчу. Удивительно то, что я не замѣтилъ плачущихъ среди духоборъ и предполагаю, что таковыхъ и не было, такъ какъ все прощаніе было обставлено

замѣчательно торжественно. (Картина была удивительно хороша.) Въ торжественныхъ случаяхъ духоворы, кажется, не плачутъ, по крайней мѣрѣ я не замѣчалъ.

По уходѣ конвой съ Худяковымъ, толпа мало по малу разошлась, — я остался тамъ же и разговаривалъ съ однимъ изъ братьевъ.

Я помню этого Ваню Худякова. Когда я былъ въ Тифлиссѣ, я видѣлся и подружился съ нимъ. Онъ мнѣ показался милымъ, чистымъ ребенкомъ. Онъ былъ тогда еще солдатомъ и это его очень мучило и безножило. Онъ сознавалъ несовмѣстимость военной службы съ закономъ Христовой любви, уже жившемъ въ его сердцѣ. Но такъ какъ онъ служилъ въ нестроевой ротѣ, то отъ употребленія оружія ему не пришлось отказываться и онъ не желая только формальнаго отреченія, ждалъ случая, когда къ его совѣсти будутъ предъявлены такія требованія, которыя онъ не будетъ въ состояніи исполнить. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, онъ усердно посѣщалъ своихъ заключенныхъ братьевъ, передавалъ имъ письма, деньги, пищу и поддерживалъ такимъ образомъ сношенія съ ними. Разставаясь, и онъ, и я — мы оба чувствовали, что ему уже не долго гулять на свободѣ. По отъѣздѣ я успѣлъ получить отъ него только одно письмо; потомъ я услышалъ, что его арестовали. И вотъ только черезъ два съ половиною года, уже высланный въ Англію, я прочелъ это трогательное описаніе его проводовъ.

Проводы и имъ подобныя сцены, эти торжественныя проявленія ихъ взаимной любви и сознанія правоты того дѣла, за которое они страдаютъ — такія сцены среди духоворовъ не рѣдкость. Въ свое время мы помѣстимъ описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ съ какой краснорѣчивой и искренней прес-
тотой извѣщаютъ духоборы о своихъ поступкахъ,
влекущихъ за собой 18-лѣтнюю ссылку въ Якут-
скую область :

Душевно привѣтствую Васъ, желаю Вамъ всёмъ и всёхъ
благъ, увѣдомляю я Васъ, что я былъ вызванъ на повто-
реніе службы — двадцать девятого сентября, сего 1897 г.
и явился я въ городъ Душеть, къ уѣздному воинскому
начальнику въ сборный пунктъ. Насъ было двое. 2-го
октября насъ воинскій начальникъ опредѣлилъ въ первую
роту, дружинскаго полка, а 4-го октября стать насъ гнать
на занятія и выдалъ намъ оружіе и амуницію, и очень
крѣпко насилывалъ насъ на занятіи, ну мы въ одномъ
положеніи одно и то же ему говоримъ, что никогда мы
не примемъ оружіе и амуницію потому, что мы не
желаемъ быть убійцами своихъ братьевъ; потому что
среди насъ нѣтъ враговъ, мы тѣмъ болѣе считаемъ по
слову Христа, что всё одного Отца дѣти, т. е. всё духов-
ные братья. Насъ посадили подъ арестъ. Потомъ коман-
диръ выпустилъ насъ и опять сталъ вручать оружіе; мы
опять свои рѣчи повторили, что не примемъ оружія и не
будемъ служить. Тогда командиръ дружины прибавилъ
намъ аресту. Еще мы отсидѣли 8 сутокъ; потомъ въ
3-й разъ насъ допросилъ; мы ему въ отвѣтъ одно и то
же; тогда командиръ дружины намъ вычиталъ; насъ сей-
часъ отпустить на родину, а потомъ въ Якутскую губер-
нію на 18 лѣтъ. А сейчасъ насъ оставили до марта
мѣсяца. А въ мартъ навѣрно тронуть.

Какъ видно изъ предыдущихъ корреспонденцій
большая часть заключенныхъ духоборовъ были вы-
пущены изъ тюремъ и расселены по Елизаветполь-
ской, Эриванской и Бакинской губерніямъ въ на-
чалѣ лѣта прошлаго 1897 года. Свѣдѣнія объ ихъ
жизни тамъ получаютъ далеко не утѣшительныя;
это видно изъ двухъ приводимыхъ нами писемъ,
полученныхъ 1-е въ Октябрѣ, а 2-я въ Ноябрьѣ
прошлаго 1897 года.

1. Мы Вамъ уже писали, что нашихъ братьевъ изъ тем-
ницъ однихъ послали въ далекую Сибирь, другихъ разо-
слали по ауламъ Елизаветпольской, Бакинской и Эриван-

ской губерній. Ихъ гнали всадники безъ милости по знойной долинь, въ самые жаркіе дни, до назначеннаго мѣста; нѣкоторымъ пришлось идти 200 верстъ и больше. Отъ далекаго пути, жаркаго воздуха и плохой воды теперь они всё страшно страдаютъ отъ болѣзней, нѣкоторые умирають. Ихъ разослали по два, по одному человѣку. Гдѣ двое, они какъ нибудь могутъ другъ другу подать помощь, а гдѣ одинъ — ему помощника нѣтъ, онъ валяется безъ догляду; некому для него принести пищу, утолить голодъ; некому для него принести воды, прохладить языкъ. Жители селеній, по которымъ разосланы они, очень бѣдны, заработка у нихъ никакого нѣтъ, и хлѣба вовсе мало. Тутъ приходится болѣе страдать отъ недостатка средствъ. А если кто обращается къ правительству съ просьбой перейти въ другое село, гдѣ можно заработать для пропитанія плоти, они на просьбу вниманія не обращаютъ и говорятъ: „гдѣ тебя помѣстили, тамъ и пропадай“.

Насъ по селамъ не перестаютъ разорять. На дняхъ изъ нашихъ сель взяли около 3-хъ сотъ головъ рогатаго скота и по полумѣрѣ пшеницы съ каждой души (мужской и женской). Жаль было смотрѣть, какъ правительственный старшина съ помощью всадника отбивалъ на полѣ скотину, измучили бѣдныхъ животныхъ. 3 часа они бѣдныя поднимали ревъ. Скотину взяли за то, что не вывели лошадей въ участокъ для смѣрки, которыхъ требовали для воинской повинности. А хлѣбъ взяли за службу правительственныхъ старшинъ. Вечеромъ 7-го октября еще нашихъ старичковъ побольше 20 человѣкъ заключили въ тюрьму, и одну женщину, при ней ея дѣвочка 3-хъ лѣтъ.

2. Возлюбленный Господомъ Богомъ во Христвъ Исусъ братъ Василій, мы члены общины всемірнаго братства, находящіеся въ ссылкѣ въ Езаветпольской губерніи Занчезурскаго уѣзда, которые два года были заключены въ тюрьмахъ (въ Тифлиствъ). Нынѣ мы отъ полноды душъ нашихъ желаемъ объяснить Вамъ свое обстоятельство: по выходѣ нашемъ изъ тюремъ насъ разослали по разнымъ губерніямъ въ каждое общество изъ 200 душъ назначили насъ по 2 человѣка. Старшинамъ приказано насъ крѣпко стеречь, никуда въ городъ и села не пускать и кромѣ татаръ никакого народа не допускать (черезъ контроль письма доходятъ); мы сейчасъ находимся въ большихъ тѣлесныхъ мученіяхъ. Большую часть

терпимъ нужду отъ разныхъ болѣзней, которыхъ захватили отъ разныхъ климатовъ, а болѣе того отъ голода. Жители все же обращаются съ нами не плохо, какъ думали власти; на оборотъ, они съ нами какъ братья; просимъ у нихъ пропитанія, но они сердцемъ, какъ ихъ видать, и готовы бы что дать, но сами не имѣютъ; въ другія села насъ не пускаютъ, работъ у жителей никакихъ нѣтъ; мы могли бы, хотя съ трудомъ, сдѣлать что либо, но некуда дѣваться. Много разъ просили властей, чтобы насъ пускали на заработки по близости, но и этого намъ не разрѣшили. Затѣмъ просили ихъ, чтобы перевели насъ въ другія села, гдѣ мы могли бы находить себѣ денное пропитаніе или же выдавали бы кормовыя, но отвращенныя отъ Господа сердца и на это не обращаютъ вниманія, потому то и терпимъ сейчасъ большую нужду.

Теперь обращаемся съ просьбою къ своимъ роднымъ въ Карсъ, и оттуда пока, по милости Божіей, питаемся, но и съ домашними нашими поступаютъ такъ же, какъ и съ нами тѣ самыя лица, которыя называютъ себя защитниками вѣры.

Домашніе наши въ Карсъ подати платятъ добровольно, но власти этимъ недовольны и каждый мѣсяцъ раздѣниваютъ ихъ имущество; скоро не будутъ въ состояніи платить подати, продаютъ лошадей, коровъ, птицу и т. п.

Насъ посѣщать не могутъ; даже матери или отцу не даютъ вида, а потому нельзя имъ къ намъ пріѣхать посѣтить; нѣкоторые съ добрымъ сердцемъ пріѣзжали насъ посѣтить, но ихъ тутъ словили и посадили въ тюрьму. Теперь ожидаемъ отъ Господа Бога помилованія и избавленія; славимъ и величаемъ его свѣтлую милость за охраненіе. Хотя немощная плоть наша и заморилась отъ своей ноши, но духомъ мы еще бодры, плотью потрудимся, чтобы получить вѣчное утѣшеніе, въ Богѣ.

Это тяжелое положеніе не разъ заставляло духовъ думать и просить о переселеніи ихъ куда бы то ни было, лишь бы подальше отъ кавказскихъ властей, гдѣ бы они, предоставленные самимъ себѣ могли бы устроиться по своему. Большая часть просьбъ ихъ оставляли безъ вниманія. Но послѣдняя подданная ими просьба была до нѣкоторой степени уважена. Объ этомъ духоборы сообщаютъ такъ :

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы ходили лично къ Голицыну; хотѣлось намъ разъяснить, въ чемъ состоятъ наши дѣла. Правительство должно бы понять, что мы не такъ вредны, какъ они насъ считаютъ. Но онъ съ нами и говорить не сталъ. Мы услыхали, что императрица Марія Ѳедоровна прїѣхала въ Абастуманъ. Мы отправились туда съ просьбой, но тамъ насъ лично не допустили, а передали мы свое прошеніе черезъ секретаря. Тамъ намъ говорили, что резолюцію пришлютъ черезъ уѣзднаго начальника, но еще пока ничего нѣтъ и не знаемъ, попало, или можетъ пропало. Прошеніе было составлено какъ разъ въ томъ смыслѣ, какъ раньше писалъ письмо Петръ Васильевичъ *) имъ же.

Долго тянулось это дѣло и наконецъ получилось рѣшеніе :

Извѣщаю Васъ, что мы получили разрѣшеніе отъ правительства на переселеніе въ Англію или въ Америку. Только тѣ не могутъ переселяться, которые принадлежатъ къ нынѣшнему призыву. Остальные всѣ могутъ уходить на свой счетъ. При выѣздѣ дать подписки о невозвращеніи впредь въ предѣлы Имперіи, имѣя въ виду, что въ случаѣ неисполненія какъ виновный подвергается высылкѣ въ отдаленныя мѣстности. О поселеніи въ одномъ мѣстѣ не уважено.

И мы теперь собираемся для совѣта о переселеніи.

10-го февраля я ѣздилъ изъ Тифлисъ и встрѣтился тамъ съ братомъ Артуромъ Карловичемъ. Онъ прїѣхалъ изъ Англіи для посѣщенія насъ, но полиція сейчасъ же арестовала меня и посадила въ тюрьму, а его отправили обратно въ Англію. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ 12 дней, а потомъ меня освободилъ губернаторъ отъ ареста и отправили въ Сигнахъ на мой счетъ.

Когда меня посадили въ тюрьму, я думалъ, что я одинъ буду, но это вышло не такъ; я сейчасъ же тамъ нашелъ товарищей, съ которыми я дѣлился тѣмъ, что дорого и свято для меня и ихъ. Тамъ было три брата, одинъ изъ Карской области; онъ ѣздилъ посѣщать братьевъ, разосланныхъ по ауламъ Бакинской, Елизаветпольской губерніи, и его задержали на ст. Ужаръ, препровождаютъ этаннимъ порядкомъ въ г. Карсъ. Онъ говорилъ, что братья всѣ духомъ бодры, только нѣкоторые болѣютъ лихорадкой и

*) Письмо П. В. Веригина къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ помѣщено въ приложеніи къ этой статьѣ.

многіе изъ нихъ померли. Вмѣстѣ съ нимъ препровождали одну нашу сестру. Она ѣздила на посѣщеніе мужа. А два брата изъ Курской губерніи Суджанскаго уѣзда Бѣловской волости села Озерки, ихъ осудилъ Курскій окружной судъ къ лишенію всѣхъ правъ за распространеніе Евангелія. Они ссылаются въ Закавказье на распоряженіе князя Голицына. Одинъ изъ нихъ Макаръ Чудновъ, а другой Маркель Прудниковъ. Они оба семейные, оставили женъ, и одинъ шестеро дѣтей и престарѣлаго отца Дмитрія Кузмина Прудникова.

Изъ Сибири пишутъ намъ, что первая партія хорошо устроилась, а вторая зимуетъ въ селѣ Александровскѣ, Иркутской губерніи. Ихъ всѣхъ тамъ 51 человекъ. Они всѣ помѣщаются въ одной камерѣ, въ томъ же числѣ и Иванъ Конкинъ съ семействомъ. Адресъ ихъ: Въ село Александровское. Въ Центральную Тюрьму, Григорію Веригину.

Братьевъ Карсской области все по прежнему дѣлать и сажаютъ въ тюрьмы. Насъ тоже не отпускаютъ изъ Сигнахскаго уѣзда никуда, а здѣсь работъ нѣту, такъ что въ матерьяльномъ отношеніи братья имѣютъ нужду, но эта нужда болѣе ощущается у насъ, въ Сигнахскомъ уѣздѣ.

Но все это легко переносить, если чувствовать въ себѣ вѣру и надежду на единого Бога. Да будетъ воля Божія, да придетъ Царствіе Его.

Эта важная перемена, происшедшая въ положеніи духоборовъ заставила Л. Н. Толстого обратиться къ обществу со слѣдующимъ письмомъ:

* * *

„Населеніе въ 12 тысячъ человекъ, христіанъ всемірнаго братства, какъ называютъ себя духоборы, живущіе на Кавказѣ, находятся въ настоящее время въ ужасномъ положеніи.

Не входя въ разсужденія о томъ, кто правъ: правительства ли, признающія совмѣстимость христіанства съ тюрьмами, казнями и, главное, войнами и приготовленіями къ нимъ, или духоборы, признающіе для себя обязательнымъ христіанскій законъ, отрицающій всякое насиліе и тѣмъ болѣе

убійство, и потому отказывающіеся отъ военной службы, — нельзя не видѣть, что противорѣчіе это очень трудно разрѣшимо : никакое правительство не можетъ допустить того, чтобы люди уклонялись отъ обязанностей, исполняемыхъ всѣми, и тѣмъ подрывали самыя основы государственности; духоборы же, съ своей стороны, не могутъ отказаться отъ того закона, который они считаютъ божественнымъ и потому обязательнымъ въ своей жизни.

Правительства до сихъ поръ находили выходъ изъ этого противорѣчія или въ томъ, чтобы заставить отказывающихся по религіознымъ убѣжденіямъ отъ военной службы нести болѣе тяжелыя, чѣмъ военная служба, обязанности, но такія, которыя не были бы противны ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, какъ это дѣлалось и до сихъ поръ дѣлается въ Россіи по отношенію къ менонитамъ (ихъ заставляютъ срокъ ихъ службы проводить на казенныхъ работахъ) или въ томъ, чтобы, не признавая законности религіознаго отказа, наказывать неисполняющихъ общаго закона государства заключеніемъ въ тюрьмы на срокъ ихъ службы, какъ это дѣлается въ Австріи съ назаренами. Но нынѣшнее русское правительство употребило противъ духоборовъ еще третій, казалось бы оставленный въ наше время, выходъ изъ этого противорѣчія. Оно, кромѣ того, что подвергаетъ самымъ тяжелымъ страданіямъ самихъ отказывающихся, заставляетъ еще систематически страдать отцовъ, матерей, дѣтей отказывающихся вѣроятно съ тѣмъ, чтобы пытками этихъ невинныхъ семей поколебать рѣшимость несогласныхъ ихъ членовъ. Не говоря о сѣченіяхъ, карцерахъ и всякаго рода истязаніяхъ, которымъ подвергались отказавшіеся духоборы въ дисциплинарныхъ батальонахъ, отъ чего многіе умерли, и объ ихъ ссылкѣ въ худшія мѣста Сибири, не говоря о 200 запасныхъ, въ

продолженіи двухъ лѣтъ томившихся въ тюрьмахъ и теперь разлученныхъ съ семьями и сосланныхъ попарно въ самыя дикія мѣстности Кавказа, гдѣ они, не имѣя заработковъ, буквально мрутъ съ голода, не говоря объ этихъ наказаніяхъ самихъ виновныхъ въ отказѣ отъ службы, семьи духоборовъ систематически разоряются и уничтожаются. Всѣ они лишены права отлучаться отъ своихъ мѣстъ жительства и усиленно штрафуются и запираются въ тюрьмы за неисполненіе самыхъ странныхъ требованій начальства: за называніе себя не тѣмъ именемъ, которымъ велѣно имъ называть себя, за поѣздку на мельницу, за посѣщеніе матерью своего сына, за выходъ изъ деревни въ лѣсъ для собиранія дровъ, такъ что послѣднія средства прежде богатыхъ жителей быстро истощаются. Четырестотъ семей, выселенныхъ изъ своихъ жилищъ и поселенныхъ въ татарскихъ и грузинскихъ деревняхъ, гдѣ они должны нанимать себѣ помѣщенія и кормиться за деньги, не имѣя ни земли, ни заработковъ, находятся въ такомъ тяжеломъ положеніи, что въ продолженіи 3-хъ лѣтъ ихъ выселенія четвертая часть ихъ, въ особенности старики и дѣти уже вымерла отъ нужды и болѣзней.

Трудно думать, чтобы такое систематическое уничтоженіе цѣлаго 12-тысячнаго населенія входило въ планы русскаго правительства. Очень вѣроятно, что высшія власти не знаютъ того, что совершается въ дѣйствительности, а если и догадываются, то не желаютъ знать подробностей, чувствуя, что имъ нельзя допустить продолженія такихъ дѣлъ, а между тѣмъ совершается то, что для нихъ нужно.

Но несомнѣнно то, что въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ кавказское начальство систематически мучаетъ не только самихъ отказывающихся, но и ихъ семьи и такъ же систематически разоряетъ

всѣхъ духоборовъ и замариваетъ до смерти тѣхъ, которые выселены.

Всѣ ходатайства за духоборовъ и всякая помощь имъ до сихъ поръ приводили только къ изгнанію изъ Россіи тѣхъ, которые пытались помочь духоборамъ. Кавказское правительство окружило заколдованнымъ кругомъ цѣлое непокорное ему населеніе и населеніе это понемногу вымираетъ. Еще 3, 4 года и отъ духоборовъ никого не осталось бы.

Такъ бы это было, если бы не случилось обстоятельства, очевидно непредвидѣннаго кавказскимъ начальствомъ. Обстоятельство это то, что въ прошломъ году императрица-вдова пріѣзжала на Кавказъ къ сыну и духоборамъ удалось подать ей прошеніе, въ которомъ духоборы просятъ позволить имъ выселиться всѣмъ вмѣстѣ въ какія нибудь дальнія мѣста, а если этого нельзя, то за границу. Императрица передала прошеніе высшимъ властямъ, высшія власти признали возможнымъ дать разрѣшеніе духоборамъ выѣхать изъ Россіи.

Казалось бы вопросъ разрѣшился и найденъ выходъ изъ тяжелаго для обѣихъ сторонъ положенія. Но это только кажется.

Въ томъ положеніи, въ которомъ находятся теперь духоборы, выселеніе для нихъ невозможно: у нихъ теперь нѣтъ для этого средствъ и, будучи заперты въ своихъ поселеніяхъ, они не могутъ приступить къ этому дѣлу. Они были богаты, но за послѣдніе годы большая часть ихъ средствъ отнята у нихъ судами, штрафами и ушла на прокормленіе выселенныхъ братьевъ; обдумать же совмѣстно и рѣшить условія своего переселенія, такъ какъ ихъ не выпускаютъ изъ мѣста ихъ жительства и къ нимъ никого не допускаютъ,—имъ нѣтъ никакой возможности. Прилагаемое письмо лучше всего обрисовываетъ то положеніе, въ которомъ находятся они теперь.

Вотъ что пишеть мнѣ уважаемый среди духоборовъ человекъ :

„Извѣщаю Васъ о томъ, что мы подавали прошеніе на имя Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она его передала въ сенатъ, сенатъ рѣшилъ и передалъ на распоряженіе князя Голицына. Справку при семъ предлагаю Вамъ.

„Я 10-го февраля ѣздила въ г. Тифлисъ и видѣлся тамъ съ братомъ Синджономъ *), но свиданіе наше было очень краткое, —сейчасъ же арестовали меня и его. Меня посадили въ тюрьму, а его сейчасъ же отправили обратно въ Англію.

„Я заявилъ полицмейстеру, что я пріѣхалъ по дѣлу къ губернатору. Онъ сказалъ : „Пока посадимъ въ тюрьму, а потомъ доложимъ губернатору“. 12-го заключили меня въ тюрьму, а 19-го меня водили подъ конвоемъ изъ двухъ солдатъ къ губернатору. Правитель канцеляріи спросилъ меня :

— За что тебя арестовали ?

Я сказалъ : „Не могу знать“.

— Ты, вѣдь, на дняхъ былъ въ Сигнахъ ?

— Да, былъ.

— А сюда зачѣмъ пріѣхалъ ?

— Намѣренъ видѣть губернатора. Мы лѣтомъ подавали прошенія на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Абастуманъ ; я получилъ черезъ Сигнахскаго Уѣзднаго начальника отвѣтъ на прошеніе, я просилъ копію, онъ мнѣ отказалъ, говоря, что безъ губернатора не можетъ, — поэтому я и пріѣхалъ.

Онъ доложилъ губернатору, губернаторъ позвалъ меня, я разъяснилъ ему все, какъ было дѣло. Онъ сказалъ : „Ты вмѣсто меня скорѣе свидѣлся съ англичаниномъ“. Я сказалъ : „Англичанинъ тоже нашъ братъ“.

„Губернаторъ со мною хорошо разговоривалъ и совѣтовалъ. Намъ переходить въ самомъ короткомъ времени за границу и сказалъ : „Всѣ можете переходить, только тѣ не могутъ, которые принадлежать къ нынѣшнему призыву, т. е. „любовые“.

„А меня приказалъ освободить отъ ареста и отправить обратно въ Сигнахъ. Мы въ настоящее время собираемся на совѣтъ, будемъ съ помощью Божьей стараться о переходѣ въ Англію или въ Америку. И въ этомъ дѣлѣ братски просимъ васъ зайти намъ на помощь.

„Извѣщаемъ Васъ о положеніи нашихъ братьевъ. Петру

*) Это англійскій капитанъ, привезшій духоборамъ деньги, собранныя квакерами.

Васильевичу Веригину *) объявили еще на пять лѣтъ остаться на мѣствѣ. Братьевъ Карсской области ежемѣсячно дѣлать **) по прежнему и отлучку изъ предѣловъ воспрещаютъ и за неисполненіе этого заключаютъ въ тюрьмы отъ одной до двухъ недѣль. Болѣзни продолжаются все по прежнему, но смертныхъ случаевъ меньше стало. Въ матеріальномъ отношеніи братья имѣютъ нужду особенно въ Сигнахскомъ уѣздѣ, а въ прочихъ уѣздахъ тамъ живутъ по свободнѣе“.

А вотъ справка:

„По поводу ходатайства, принесеннаго на Августѣйшее Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны имя духоборами-постниками, высланными въ 1895 году изъ Ахалкалакскаго въ другіе уѣзды Тифлисской губерніи, о сгруппированіи означенныхъ духоборовъ-постниковъ на жительство въ одномъ поселеніи съ освобожденіемъ отъ воинской повинности или же о разрѣшеніи всѣмъ имъ выселиться за границу, послѣдовало распоряженіе :

1) Освобожденіе ихъ отъ воинской повинности не удовлетворено; и 2) Духоборы-постники, за исполненіемъ, конечно, находящихся въ призванномъ возрастѣ и неисполнившихъ воинской повинности, могутъ быть увольняемы за границу при условіи: а) полученіи заграничнаго паспорта въ установленномъ порядкѣ; б) выѣзда изъ предѣловъ Россіи на собственный счетъ и в) выдачи при выѣздѣ подписки о невозвращеніи впредь въ предѣлы „Имперіи“, имѣя въ виду, что въ случаѣ неисполненія сего послѣдняго пункта виновный подвергается высылкѣ въ отдаленныя мѣстности. Ходатайство же ихъ о сгруппированіи на жительство въ одномъ селеніи не уважено.

Настоящая справка, по приказанію Г. Тифлискаго Губернатора, выдается одному изъ подавшихъ упомянутое ходатайство духоборовъ-постниковъ Василю Потапову, вслѣдствіе личной его о томъ просьбы, заявленной Губернатору. Февраля 21 дня 1898 г., гор. Тифлисъ. Подлинную подписали: Правитель канцеляріи тифлискаго губернатора Н. Н. И. д. старшаго помощника его Михайловъ.

Людымъ позволяютъ выѣхать, но предварительно ихъ раззорили, такъ что имъ не на что выѣхать, и

*) Веригинъ — это руководитель ихъ, сосланный сначала въ Архангельскую губ., потомъ въ Сибирь и уже 11-ый годъ гомящийся въ ссылкѣ.

**) Значитъ то, что при всякомъ случаѣ штрафуютъ.

условія, въ которыхъ они находятся, таковы. что имъ нѣтъ возможности узнать мѣсть, куда имъ выслѣться, какъ и при какихъ условіяхъ возможно это сдѣлать и нельзя даже воспользоваться помощью извнѣ, такъ какъ людей, которые хотятъ помочь имъ, тотчасъ же высылаютъ, ихъ же за всякую отлучку сажаютъ въ тюрьму.

Такъ что если этимъ людямъ не будетъ подана помощь извнѣ, они такъ и разорятся и вымрутъ всѣ, не смотря на полученное ими разрѣшеніе выслѣться.

Я случайно знаю подробности гоненій и страданій этихъ людей, нахожусь съ ними въ сношеніяхъ и они просятъ меня помочь имъ и потому считаю своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ добрымъ людямъ, какъ русскаго, такъ и европейскаго общества, прося ихъ помочь духоборамъ выйти изъ того мучительнаго положенія, въ которомъ они находятся. Я обратился въ одной изъ русскихъ газетъ къ русскому обществу — еще не знаю будетъ, или не будетъ мое заявленіе напечатано, и обращаюсь теперь еще и ко всѣмъ добрымъ людямъ англійскаго и американскаго народа, прося ихъ помощи во первыхъ деньгами, которыхъ нужно много для одной перевозки на дальнее разстояніе 10,000 человѣкъ и во вторыхъ прямымъ непосредственнымъ руководствомъ въ трудностяхъ предстоящаго переселенія людей, не знающихъ языковъ и никогда не выѣзжавшихъ изъ Россіи.

Полагаю, что высшее русское правительство не будетъ препятствовать такой помощи и умѣрять излишнее усердіе кавказскаго управленія, не допускающаго теперь никакого общенія съ духоборами.

До тѣхъ же поръ предлагаю свое посредничество между людьми, желающими помочь духоборамъ и

войти въ сношеніе съ ними, такъ какъ до сихъ поръ мои сношенія съ ними не прерывались.

Адресъ мой: Москва, Хамовнической пер., 21.

Левъ Толстой.

19 Марта

1898 г.

1 Апрѣля

* * *

Изъ приведенныхъ писемъ уже было видно, что часть духоборовъ была отправлена по этапу въ Якутскую область. Это передвиженіе состоялось вслѣдствіе секретнаго циркуляра военнаго министра съ высочайшаго утвержденія, по которому всѣхъ отказывающихся отъ военной службы рѣшено ссы- лать административнымъ порядкомъ въ Якутскую область на 18 лѣтъ.

Духоборы первой партіи, отправленной въ Якут- скую область писали своимъ роднымъ и друзьямъ изъ Тюмени:

Возлюбленные наши братья въ Господѣ Иисусѣ Христѣ и всѣ окружающіе васъ, благодать и миръ вамъ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа во всѣ дни вашей жизни.

Затѣмъ, милые и любезные и никогда незабвенные наши братья, посылаемъ мы вамъ свое чистосердечное, глубо- чайшее привѣтствіе, съ любовью отъ души низкій и пре- низкій поклонъ отъ лица и до земли и желаемъ мы вамъ отъ Господа Бога тѣлеснаго здравія и душевнаго спасе- нія, а также цѣлуемъ мы васъ заочно въ горячихъ объ- ятіяхъ мысленно, крѣпко и горячо, несчетно много и много разъ.

Дорогіе братья, увѣдомляемъ васъ, что мы 33 человекъ вышли изъ дисциплинарнаго баталіона 25-го ноября и слѣдуемъ административно въ Якутскую область подъ папоръ полиціи на 18 лѣтъ. 11-го Января прибыли въ городъ Тюмень, гдѣ по всему вѣроятію останемся зимовать и пробудемъ числа до 15-го Мая потому именно, что далѣе въ Сибирь партіи отсюда зимнимъ путемъ не

идуть, а отправляются лѣтнимъ, т. е. пароходомъ на Томскъ, а потомъ уже далѣе. Изъ среды нашей 4 чело-
вѣка остались въ больницахъ по случаю болѣзни и слабо-
сти силь, а именно во Владикавказѣ, Тулѣ и Челябинскѣ.

Искренно любящіе васъ братья ваши.

Одинъ изъ пересылаемыхъ въ Сибирь духоборовъ, Самородинъ, умеръ въ московской больницѣ при пересыльной тюрьмѣ. Не задолго до смерти его посѣщалъ нашъ другъ и писалъ объ этомъ такъ:

Въ настоящее время въ московской тюремной больницѣ находится одинъ духоборъ изъ отказавшихся солдатъ. Онъ пробылъ около года въ заключеніяхъ, и былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими въ Якутскую область, но по болѣзни оставленъ въ Москвѣ. Я былъ у него два раза. Онъ боленъ чахоткою и имѣетъ очень плохой видъ, лихорадка, потъ, кашель и, кажется, долго не проживетъ. Но духомъ онъ совершенно спокоенъ и говоритъ, что всѣмъ доволенъ и только жалуется на болѣзнь, хотя и къ ней относится совершенно безропотно.

Можно себѣ представить радость переселенцевъ, когда они получили письмо отъ горячо любимаго ими ихъ брата по вѣрѣ, Петра Веригина, уже 11-й годъ живущаго въ далекой ссылкѣ и строго разоб-
щеннаго съ ними. Вотъ это письмо:

Миръ вамъ, милые братья!

Господи, пошли вамъ терпѣнія и осѣни васъ покро-
вомъ Пресвятая Богородица.

Не печальтесь, милые друзья, что далеко путь. Дале-
ко только спасеніе отъ грѣшника.

Труденъ путь ведетъ къ вѣчной жизни.

Господь Богъ облегчитъ наше положеніе, и иго Его будетъ благо и бремя покажется легкимъ. Да при томъ мы предупреждены Спасителемъ Христомъ, который вы-
сказалъ предъ апостолами: „меня гнали, будутъ гнать и васъ“. Мужайтесь и крѣпитесь, — скоро послѣдуетъ избавленіе, не бойтесь убивающихъ плоть, души же ва-
шей не могущихъ коснуться. Да, истинны всѣ изрѣченія Христа. Камъ мелки всѣ истязатели челоѣковъ, въ осо-
бенности когда они хотятъ уничтожить духъ. Стремя-
ся уничтожить духъ, а тѣло разрушаютъ, какъ они и по-
ступили со Христомъ.

Господи, вѣроятно еще долго будутъ страдать во злѣ народы!

Когда всмотришься въ окружающую жизнь, то чувствуешь себя какъ во снѣ и вѣрно царствіе Божіе до тѣхъ поръ не водворится на землѣ, пока совершенно не изгонишь гордость изъ сердець своихъ.

Потому что Спаситель говоритъ: „царствіе Божіе внутри васъ“.

Письмо ваше, посланное изъ Тюмени, отъ 17-го января, а также и изъ Тулы отъ 21-го декабря 1896 г. я получилъ. Душевно васъ всѣхъ, милые братцы, благодарю, спаси васъ Господи спасеніемъ вѣчнымъ за ту память и добрыя пожеланія. На ваше письмо изъ дисциплинарнаго батальона я отвѣчалъ вамъ, что не взяли съ собой сестеръ-женъ, то хорошо поступили. Если благополучно дойдете до мѣста и какова будетъ жизнь, то они могутъ прійти по волѣ. Вы бонитесь суровости климата въ Якутской области. Якутская область очень большая и смотря гдѣ васъ поселятъ, можно потомъ хлопотать, чтобы поселили, гдѣ растеть хлѣбъ; вы же старайтесь заранѣе приобрѣсти какое-нибудь ремесло, чтобы зарабатывать дневное пропитаніе. Такія суровыя гоненія надъ христіанами скоро измѣнятся. Вы слышали: наши всѣ получили наименованіе „христіанская община всемірнаго братства.“ Подъ этимъ названіемъ надо разумѣть, что мы на всѣхъ людей смотримъ, какъ на братьевъ, потому что это --- завѣтъ Христа.

„Въ божіемъ царствѣ нѣтъ ни элина, ни іудея, ни самарянина, а всѣ равны.“ Отъ одного названія мало можетъ быть пользы, а надо, конечно, жить стараться, гдѣ бы человекъ ни былъ.

Любящій васъ
Петръ.

Къ счастью вблизи мѣста ихъ ссылки нашелся человекъ, искренно сочувствующій имъ и насколько возможно старающійся облегчить ихъ положеніе. Онъ обстоятельно описываетъ общее состояніе ссылныхъ и говоритъ о возможныхъ способахъ помощи имъ:

Въ Якутскъ духоборы прибыли 31-го августа въ числѣ 31 человекъ; но одинъ изъ нихъ, заболѣвшій еще въ дорогѣ, оставленъ въ тюремной больницѣ, такъ что дальнейшей отправкѣ подлежали 30 человекъ.

Вслѣдствіе ли строгихъ полученныхъ инструкцій, или

по другимъ причинамъ, но къ этой партіи губернаторъ отнесся сначала съ необычною для него суровостью.

По инструкціи, духоборовъ надлежало водворить въ наиболѣе отдаленномъ мѣстѣ Якутскаго округа, вдали отъ всѣхъ русскихъ поселеній. При буквальномъ и суровомъ исполненіи, духоборовъ можно было расселить небольшими группами по охотскому и зянскому тракту, гдѣ есть кой какія мѣста, безъ особыхъ предварительныхъ трудовъ годныя для сельскаго хозяйства, но гдѣ духоборы оказались бы въ почти невозможныхъ для одинокихъ людей условіяхъ жизни. Всего вѣрнѣе, что имъ долго пришлось бы оказывать пособие изъ казны, если только они и вообще смогли такъ долго выжить. Поэтому, на собравшемся по этому поводу областномъ совѣтѣ поставлено было духоборовъ поселить на устьѣ Ноторы, гдѣ уже давно намѣчено обширное и вполне пригодное для сельскаго хозяйства мѣсто, образовавъ изъ нихъ новое устьноторское поселеніе.

Вмѣстѣ съ ними доставлены были и принадлежавшіе имъ 900 съ тѣмъ то рублей. Незначительныя даже для вольныхъ переселенцевъ въ другихъ болѣе удобныхъ и культурныхъ мѣстахъ Сибири, и совершенно ничтожныя для ссыльныхъ, прикрѣпляемыхъ къ мѣсту въ пустынномъ и ненаселенномъ мѣстѣ, деньги эти (по 30 руб. на человека) почему то показались достаточными для полного обзаведенія хозяйствомъ. Для продовольствія же до будущаго урожая пока что рѣшено выдать духоборамъ усиленные (дорожныя) кормовыя деньги по 11 коп. въ день на каждаго до новаго года, каковыя деньги (402 р. 60 коп.) отпустить имъ снова впередъ для закупки здѣсь въ Якутскѣ всего необходимаго. Здѣсь же они должны были закупить на свои деньги одежду, земледѣльческія и другія орудія и сѣмена для будущаго посѣва. Такъ какъ сами они были въ тюрьмѣ, то всѣ закупки долженъ былъ сдѣлать чиновникъ особыхъ порученій, назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвести партію пѣше-этапнымъ путемъ (что не практиковалось здѣсь ни для какихъ ссыльныхъ со времени упраздненія каторжныхъ работъ въ Охотскѣ), до Усть-майскаго селенія на Алданѣ. Тамъ онъ долженъ былъ заставить духоборовъ построить плоты, на которыхъ спуститься внизъ по Алдану до устья Ноторы (100 слишкомъ верстъ), выстроить землянки на зиму и, снявъ планъ съ отведенныхъ имъ мѣстъ, отправиться далѣе по другимъ порученіямъ.

Хотя и было указываемо на крайнюю недостаточность

отпущенных средств, в совѣтѣ не было оказано поддержки, а губернаторъ настаивалъ на своемъ. Пришлось прибѣгнуть къ стороннимъ вліяніямъ, изворачиваться. Кстати, чиновникъ назначенъ былъ безукоризненно честный и очень хорошій человекъ.

Послѣ разсчета оказалось, что по здѣшнимъ цѣнамъ на одно снабженіе полной зимней одежды и земледѣльческими орудіями должны уйти всѣ привезенныя ими съ собою деньги; а между тѣмъ даже и съ кормовыми, по 11 коп. въ день, столь трудно просуществовать въ отдаленномъ и пустынномъ мѣстѣ, что крайне дорога была каждая копейка.

Чиновникъ вспомнилъ, что большую часть теплой одежды онъ можетъ потребовать изъ казны. За тѣмъ съѣздилъ къ двумъ богатымъ торговцамъ, у которыхъ за половинную цѣну сдѣлали всѣ необходимыя покупки (особенно поусердствовалъ одинъ изъ нихъ, самъ старовѣръ и пріятель сказаннаго чиновника особыхъ порученій). Предметы продовольствія на зиму сочили за лучшее приобрести вблизи новаго поселенія, у скопцовъ Петропавловскаго и Усть-майскаго селеній. вмѣсто землянокъ рѣшили выстроить якутскія юрты, для чего чиновникъ долженъ отъ ближайшихъ жителей якутовъ захватить двухъ мастеровъ. Придумали и еще кое что для установленія болѣе близкихъ связей съ окрестными жителями, на сколько это вообще возможно при разстояніяхъ отъ 70 до 100 и болѣе верстъ.

Въ концѣ смягчился и губернаторъ: дозволилъ взять лишнюю пару лошадей, отпустилъ 100 руб. на непредвидѣнные расходы и медикаментовъ на дорогу, а, прощаясь съ партіей, сказалъ, что будетъ слѣдить за ея устройствомъ и дальнѣйшей судьбой и постарается оказать имъ возможную помощь, пока быть ихъ не будетъ вполне обеспеченъ, если только сами они будутъ объ этомъ стараться и отнесутся съ довѣріемъ къ посланному съ ними чиновнику.

Исправникъ распорядился, чтобы ежемѣсячно новоселовъ навѣщала полицейскій урядникъ съ цѣлю узнанія ихъ нуждъ и доставленія почты къ нимъ и отъ нихъ, такъ какъ губернаторъ обязалъ его ежемѣсячными объ нихъ донесеніями; что, насколько онъ понималъ послѣдняго, то, при надобности, новоселамъ оказана будетъ денежная помощь и послѣ новаго года.

Какъ видите, все это въ концѣ концовъ далеко не утѣшительно, если принять во вниманіе дикость и пустынность мѣста и всѣ трудности образованія на немъ сколько

нибудь сноснаго мѣста жительства при столь убогихъ средствахъ. Положимъ, что чиновникъ, какъ видно, очень хорошій человѣкъ, сдѣлаетъ все, что въ его силахъ, чтобы по самымъ дешевымъ цѣнамъ добыть по дорогѣ у скопцовъ лодки, пару лошадей, хлѣбъ на продовольствіе и сѣмена: все, однимъ словомъ, что можетъ имъ понадобиться. Но при тѣхъ средствахъ, какія у нихъ остались, немислимо снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ на круглый годъ.

Если бы удалось организовать какую нибудь помощь, то хорошо было бы въ близкомъ будущемъ послать хотя бы немного и направить эти деньги по адресу губернатора („для Усть-ноторскихъ духоборовъ“), при чемъ какъ нибудь даже указать на то, что это — помощь общественная отъ интересующейся духоборами интеллигенціи. Это покажетъ губернатору, что духоборами интересуются, и вмѣстѣ съ тѣмъ это послужитъ нравственной поддержкой для самихъ духоборовъ. А они заслуживаютъ такой поддержки, такъ какъ сами они крайне неохотно обращаются за помощью къ администраціи, за то съ большой теплотой вспоминаютъ обо всякой общественной помощи, оказанной имъ по пути сюда.

Адресъ духоборовъ: Якутскъ. Его Высокоблагородію Якутскому окружному Исправнику для Усть-ноторскихъ духоборовъ.

Невольные переселенцы благополучно прибыли на мѣсто и поспѣшили извѣстить объ этомъ своихъ родныхъ и друзей :

Дорогіе наши родители, а также всѣ братцы и сестрицы, какъ родные, такъ и духовные! Пріятно вамъ описать свое хорошее положеніе и подѣлиться съ вами нашей радостью. 29-го іюля благополучно и при добромъ здоровіи, слава Господу Богу, за его столь великую милость, мы прибыли въ городъ Якутскъ. Отъ Красноярска до Александрійска 2000 верстъ шли пѣши 2 мѣсяца; пришлось перенести горести и трудности и потерпѣть голоду. А отъ Александрійска до станціи Качуга, т. е. до рѣки Лены, 200 слишкомъ верстъ, половину пути шли, половину ѣхали на телѣгахъ, а отъ Качуга мы плыли на паузкахъ до Якутска, 2,800 верстъ 1 мѣсяць; на паузкахъ плыть было очень спокойно и хорошо.

Офицеръ, который былъ назначенъ съ нашей партіей, былъ снисходительный человѣкъ. Онъ намъ замѣнилъ

мясную порцію сухарями и позволялъ свободно безъ конвоя ѣздить на лодкѣ въ села за своими надобностями, а также на паузкахъ намъ была маленькая работа: мы гребли веслами и за это получали себѣ на хлѣбъ и соль. Паузокъ устроены въ видѣ вагона, съ крышей, съ нарами и съ дверьми, словомъ, въ немъ хорошее путешествие.

Хлѣбъ по рѣкѣ Ленѣ ржаной 6 коп. фунтъ, пшеничный 8 и 10 коп. фунтъ, крупчатый 15, 18 и 20 коп. ф., соль 5 коп. ф., картофель 40, 80 и 60 коп. пудъ. Въ Якутскѣ ржаной — 4 и 3 коп. ф., а пшеничный 5 к. ф., соль 1 р. 15 коп. пудъ.

По прибытіи намемъ мы имѣли счастье получить ваши письма, которыя были посланы еще въ мартѣ мѣсяцѣ въ городъ Тюмень простыя, заказныя и Алексѣю Махортову денежное въ Нижне-Удинскую больницу. Душевно васъ всѣхъ благодаримъ, спаси васъ Господи за поклонъ и хорошія пожеланія. Старушкѣ моей, Анютѣ Черновой, царство ей небесное, дай ей Господи наслѣдовать тотъ уюкой, который она отъ Бога желала. Дорогой старичекъ! сочувствую я вашему горю и скорби, мы тоже, еще малолѣтніе, лишились своей родимой нянюшки и хорошо испытали такую участь. Мы сами не можемъ измѣнить своей судьбы, это все воля Отца нашего небеснаго. Сегодня мы отправляемся уже на свое мѣстожителство, безъ конвоя, съ однимъ чиновникомъ особыхъ порученій, который укажетъ мѣсто для поселенія. Говорятъ, что придется устроить какую нибудь юрту или землянку. Такъ какъ насъ поселяютъ въ совершенно пустынное мѣсто, то отъ насъ въ 100 верстахъ будетъ село скопцовъ.

Купили мы себѣ на первый случай по парѣ валенокъ, 5 р. 50 коп. пара и шубы по одной — 8 р. 25 к. штука, 1 пилу продольную, 2 поперечныхъ и нѣсколько малыхъ, 9 топоровъ, нѣсколько рубанковъ, рашпелей, терпуговъ и прочаго мелочнаго инструмента, 5 котловъ, 3 сковороды и прочихъ мелочныхъ надобностей. Если Богъ дастъ, живы и здоровы будемъ и благополучно прійдемъ на мѣста, сдѣлаемъ землянку себѣ, а на весну будемъ стараться добывать лошади и пахать, добывать себѣ необходимое для жизни. Отъ правительства намъ будутъ выдавать по 11 коп. въ сутки все время пребыванія подъ надзоромъ. Иванюша Рыбинъ съ нами сошелся въ селѣ Александрійскомъ 29-го іюня. Дочкѣ нашей Малашѣ царство небесное. Дорогая супруга Марья М., я слышу, что твое весьма тяжелое положеніе. Посылаемъ ми вамъ всѣмъ низкій и низкій поклонъ, горячо и крѣпко мы васъ

всѣхъ обнимаемъ; крѣпко и крѣпко цѣлуемъ въ ваши милые уста. О Господи, пошли намъ личнаго свиданія! Мы всѣ живы и здоровы, слава Господу. Лукьянъ Невокшеновъ остается въ Якутской больницѣ. Милые братья и сестрицы! Если найдется возможность, то пришлите денегъ на обзаведеніе сельскохозяйственными орудіями и худобой, сколько будетъ вашей милости. Пишите болѣе подробныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ. Гдѣ теперь П. Вас. Веригинъ? Гдѣ новобранцы и что съ ними? Словомъ, обо всемъ подробно.

Съ тѣмъ прощайте, до личнаго свиданія.

Искренно любящіе васъ сыны и братья ваши.

Слѣдующая партія ссыльныхъ остановилась въ с. Александровскомъ и оттуда получено слѣдующее письмо, рисующее ихъ положеніе и также показывающее оригинальность ихъ взгляда на грамотность.

По прибытіи сюда, вамъ послано письмо, въ которомъ и сообщалось о нашей жизни въ узахъ. Теперь новаго сообщить вамъ ничего не имѣемъ, кромѣ того, что къ намъ въ концѣ января прибыли еще наши братья по вѣрѣ. Всѣхъ насъ направляютъ въ Якутскую область. Пробудемъ здѣсь до 5-го мая. Тюремная жизнь и пища немного отражается на здоровьѣ нѣкоторыхъ изъ братій нашихъ. Недавно на дняхъ двое здѣсь въ больницѣ умерли. Похоронить намъ разрѣшили самимъ, только безъ пѣнія и отпращиванія обрядности нашей по усопшимъ. Хотя мы глубоко увѣрены въ томъ, что послѣ смерти покаянія нѣтъ и что для умершаго тѣломъ все равно, но намъ прискорбно и обидно смотрѣть на всякую несправедливость. По мѣрѣ нашихъ силъ мы стараемся постигнуть любовь Отца нашего небеснаго и всемогущество Его, чтобы видѣть во всемъ волю посланнаго насъ въ эту жизнь. Ибо „безъ воли Божіей и волоса съ головы вашей не упадетъ“. Такъ изрекъ Спаситель нашъ Христосъ. Просимъ Господа Бога о дарованіи намъ душевныхъ силъ и здраваго размышленія, чтобы смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на братьевъ всемірной общины, и чтобы своей дѣятельностью не повредить окружающему міру.

Еслибы человѣчество постепенно стало подчиняться закону Спасителя, то выяснилось бы, что въ такой только жизни человѣчество и обрѣло бы спасеніе, какъ душевное, а также и сбросило бы ярмо тѣлесное, которое оно сей-

часть несесть. Земля сама дает избыльный плод для всего живущаго, въ томъ числѣ и человѣку, только надо бы оставить разрушать содѣланное Отцемъ небеснымъ. — Учиться же старательно грамотѣ и учить своихъ дѣтей, мы находимъ бесполезнымъ. Дѣло въ томъ, что средства, посредствомъ которыхъ воспроизводится грамотность, поглощаютъ много расходовъ и, слѣдовательно, и излишняго труда. Мы полагаемъ, самое важное — примѣръ доброй, справедливой жизни, что возможно достигъ и неграмотному. Изъ живущихъ же праздно и безнравственно, большая часть грамотныхъ людей, потому что питаются отъ чужихъ трудовъ. Будемъ же стараться освобождать себя отъ грѣховной похоти, это разумно и вседѣло лежитъ на нашей обязанности. Чтѣ же зависить отъ вѣншихъ обстоятельствъ, надо предоставить волѣ Бога. О необходимыхъ нуждахъ нашихъ намъ еще не видно, пока не придемъ на мѣсто нашего поселенія.

Письма и посылки отъ родныхъ получаемъ акуратно и безъ замедленія.

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій очеркъ. Духоборческое дѣло, какъ видно изъ предыдущаго, вступило въ новый фазисъ — они получили разрѣшеніе оставить Россію.

П. Бирюковъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я :

I.

Статистическія данныя о разселенныхъ духоборахъ за послѣдніе два года.

Свѣдѣнія, полученныя осенью 1897 года.

Уѣзды	Живыхъ	Умершихъ
Душетскій	282	22
Горійскій	1960	266
Тіонетскій	598	44
Сигнахскій	700	110

Всего 3540 442

По послѣднимъ извѣстіямъ за три года ссылки всего умерло около 1000 человѣкъ.

II.

*Прошеніе Петра Вершина на имя Императрицы
Александры Феодоровны.*

Господь Богъ хранить душу твою, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ, сестра Александра.

Я рабъ Господа Иисуса Христа, живу въ посланіи и благовѣствованіи Его истины. Нахожусь въ ссылкѣ въ 1886 г. изъ Закавказской духоборческой общины. Слово „духоборець“ надо понимать, что мы въ духѣ и душею исповѣдуемъ Бога (смотри Еванг. встрѣча Христа съ Самарянкой у колодца).

Умоляю тебя, сестра во Христѣ Господь — Александра, упроси супруга своего, Николая, пощадить отъ гоненія христіанъ на Кавказѣ. Къ тебѣ я обращаюсь, потому что думаю: твое сердце болѣе обращено къ Господу Богу. Тамъ же сейчасъ болѣе страдаютъ женщины и дѣти: сотни мужей и родителей заключены въ тюрьмы и тысячи семей разселены по горскимъ ауламъ, гдѣ властями внушается жителямъ обращаться грубо. Въ особенности на женщинахъ христіанкахъ это отражается тяжело! Недавно стали садить и женщинъ и дѣтей въ замки. Вина съ нашей стороны та, что мы по возможности стараемся стать христіанами. Въ нѣкоторыхъ поступкахъ, можетъ, и не доумѣваемъ.

Тебѣ вѣроятно извѣстно ученіе вегетаріанства, мы сторонники этихъ гуманитарныхъ взглядовъ; недавно оставили употреблять въ пищу мясо, пить вино и много такого, что ведетъ къ развратной жизни и затмеваетъ свѣтлость души человѣка. Не убивая животныхъ, мы человѣка лишать жизни ни въ какомъ случаѣ не считаемъ возможнымъ. Убивая простого человѣка, даже хотя бы и разбойника, намъ

кажется, что мы рѣшаемся убить Христа, и вотъ въ этомъ главная причина. Государство требуетъ нашихъ братій обучаться приемамъ ружья, чтобы хорошо обучаться къ убійству. Христіане на это не соглашаются; ихъ сажаютъ въ тюрьмы, бьютъ и морятъ голодомъ. Надъ сестрами же и матерями грубо поношаются, какъ надъ женщинами, очень часто тамъ же съ насмѣшками взывая: „гдѣ же вашъ Богъ? почему онъ васъ не спасаетъ?“ Богъ же нашъ на небеси и на земли и творитъ онъ все, что хочетъ (Псал. Д. 113—114). И печально болѣе потому, что это все происходитъ въ христіанской странѣ. Община наша на Кавказѣ состоитъ изъ около 20 тысячъ человѣкъ. Неужели такое малое количество можетъ оказать вредъ государственному организму, если съ нихъ не брали бы и солдатъ. Сейчасъ хотя и берутъ, но бесполезно; 30 человѣкъ находится въ Екатериноградской крѣпости въ дисциплинарномъ батальонѣ, гдѣ надъ ними только мучаются, производя пытку. Человѣка мы считаемъ храмомъ для Бога живаго и готовиться къ убійству его ни въ какомъ случаѣ не можемъ, хотя бы за это намъ угрожали смертью. Самое удобное поселить насъ въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ мы и жили бы покойно, занимаясь трудомъ. Всѣ государственныя повинности, въ формѣ податей, мы внесемъ, только не можемъ быть солдатами.

Если на это правительство сочло бы невозможнымъ согласиться, то пусть бы дало намъ право выселиться въ одно изъ европейскихъ государствъ. Мы охотно пошли бы въ Англiю или, самое удобное, въ Америку, гдѣ массу имѣемъ братьевъ въ Господѣ Исусѣ Христѣ.

Отъ полной души прошу Господа о благоденствіи Вашей семьи.

Рабъ Христа — Петръ, живущій въ ссылкѣ въ
Тобольской губерніи.

III.

*Письмо къ духоборцамъ отъ поселенцевъ Англійскаго
Братскаго Общества.*

Дорогіе товарищи,

Мы много слышали о васъ не только черезъ газеты, но черезъ Владиміра Черткова и другихъ друзей Льва Толстого, которые поселились здѣсь для того, чтобы быть близко къ нашей колоніи и другъ къ другу. Но вы вѣроятно никогда не слышали про насъ. Поэтому мы посылаемъ вамъ газетное сообщеніе о нашей колоніи, и должны вамъ сказать, что она образовалась, какъ отрасль Братскаго Общества въ городѣ Кройдонѣ (близъ Лондона), въ которомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проповѣдывалось ученіе братства и хлѣбнаго труда. А мы, поселенцы, — старающіеся жить не борьбой за существованію, а взаимною помощью, и облегчать возможность другимъ жить такъ же. Въ этомъ дѣлѣ мы съ каждымъ днемъ все больше и больше сознаемъ, что самое важное значеніе въ жизни имѣетъ начало Любви, ибо оно есть единственное средство, при помощи котораго мы можемъ сколько нибудь двигаться впередъ.

Мы знаемъ, что вы также слѣдуете этому же самому началу Любви. Въ этомъ состоитъ связь, насъ соединяющая. Свѣдѣнія о томъ, что вы сдѣлали и дѣлаете, ради Любви, принадлежитъ для насъ къ числу самыхъ драгоценныхъ повѣтствованій изъ жизни человѣчества. И мы пишемъ вамъ не столько для того, чтобы выразить вамъ наше со-

болѣзнованіе о вашихъ страданіяхъ, которое бесполезно для васъ, или наше великое уваженіе къ вашей терпѣливой стойкости, но — для того, чтобы благодарить васъ за вашъ примѣръ, и сказать вамъ, что въ нашихъ искушеніяхъ и нашихъ ничтожныхъ лишеніяхъ мы будемъ вспоминать о духоборцахъ, и что мысль о васъ поможетъ намъ изо всѣхъ силъ стремиться къ тому совершенству благоволенія, ради котораго вы пожертвовали несравненно больше, чѣмъ намъ когда либо придется.

Мы также надѣемся, что для васъ въ вашихъ страданіяхъ можетъ быть нѣкоторымъ утѣшеніемъ знать, что мужество ваше помогаетъ не только вамъ самимъ, но и намъ, и многимъ людямъ, неизвѣстнымъ вамъ, и даже еще не родившимся. Мы поэтому хотѣли бы, чтобы вы думали о насъ, — нѣсколькихъ Пэрлейскихъ колонистахъ, — какъ о представителяхъ большого множества теперешнихъ и будущихъ сочувствующихъ вамъ друзей вашихъ такъ, чтобы вы могли говорить и чувствовать, что, „имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, вы съ терпѣніемъ будете проходить предлежащее вамъ поприще“ (Посланіе къ Евреямъ, глава 12, стихъ 1).

Подписали:

Колонисты въ селеніи Пэрлей, близъ Молдона, Эссексъ, Англія: Люисъ Хоунъ, Артуръ Дроверъ, Вилгелмъ Хоунъ, Моодъ Хоунъ, Эдуардъ Шоо, Вилгелмъ Синклеръ, Иванъ Хоунъ, Гербертъ Хамондъ, Вилгелмъ Протеро, Альбертъ Хоунъ, Арнольдъ Эйлоартъ, И. Райтъ, Евгенийъ Сукачевъ, Мазлингъ.

Къ письму этому присоединили свои подписи друзья колонистовъ, живущіе въ сосѣдствѣ съ ними:

В. Хендерсонъ, Ф. Хендерсонъ, Гербертъ Арчеръ, Алексѣй Моодъ, Луиза Моодъ, Бернардъ Скоттъ, Арчилъ Джормадзе, Альбертъ Шкарванъ, Елена

Накашидзе, Иванъ Боргамъ, Эдмундъ Хопвудъ, Анна
Черткова, Владиміръ Чертковъ, Павелъ Буланже.
5-го декабря 1897 года. (По русскому счисленію:
23-го ноября.)

ТРИ ПЕРІОДА ВЪ РАЗВИТІИ СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ.

Законъ трехъ періодовъ развитія.

Въ жизни священныхъ книгъ можно различить три періода :

1) Первый періодъ есть время ихъ появленія на свѣтъ, какъ произведеній народной литературы.

2) Во второмъ періодѣ онѣ приобрѣтаютъ значеніе божественнаго Откровенія или подобнаго ему авторитета.

3) Въ третьемъ періодѣ они снова становятся произведеніями литературы, въ этотъ разъ вступая въ разрядъ всеобщей литературы.

Въ первомъ своемъ періодѣ священная книга — просто книга ; во второмъ — священная книга, святое писаніе, біблія ; въ третьемъ — она снова простая книга. Въ первомъ періодѣ она имѣетъ значеніе словъ человѣческихъ ; во второмъ она иногда приобрѣтаетъ авторитетъ слова самого Бога ; въ третьемъ она опять получаетъ смыслъ словъ человѣческихъ. Въ первой стадіи священной книги главную роль играютъ ея составители, во второй — ихъ поклонники и обожатели ; въ третьей — ея критики и цѣнители. Первый періодъ можетъ быть очень продолжительнымъ ; священныя книги нѣкоторыхъ народовъ слагались въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій и болѣе. Второй — время поклоненія

священной книгѣ — можетъ быть еще продолжительнѣе; напримѣръ религіямъ Будды и Конфуція каждой около 25 столѣтій, и каждая изъ нихъ основана на священныхъ книгахъ. Третій періодъ длится до тѣхъ поръ, пока человѣчество продолжаетъ интересоваться книгою. Когда священная книга возвращается къ разряду литературныхъ произведеній, она можетъ прожить неопредѣленное время; существуютъ св. книги такихъ религій, которыя уже пришли въ упадокъ.

Первый періодъ священной книги, когда она еще составляетъ достояніе народной литературы можетъ быть названъ ея дородовой жизнью; второй—когда она становится божественнымъ откровеніемъ ея жизнью въ тѣсномъ смыслѣ слова; третій — когда она снова получаетъ значеніе литературы—ея безсмертной жизнью. Но эти три періода не отдѣлены другъ отъ друга такой рѣзкою чертой, какой въ человѣческой жизни являются рожденіе и смерть. Произведеніе народной литературы постепенно становится священнымъ, при чемъ нѣкоторыя его части освящаются задолго до остальныхъ его частей. Преобразившись такимъ образомъ священная книга вновь падаетъ до значенія литературнаго произведенія, нѣкоторыя части котораго еще долго остаются священными для правовѣрныхъ, тогда какъ въ глазахъ рационалистовъ они уже получили смыслъ обыкновенныхъ книгъ.

Священные книги человечества.

Если спросить, какія священныя книги прошли черезъ эти три періода существованія, мы отвѣтимъ: древнее индусское или браманское писаніе, называемое „Ведами“; новѣйшее индусское или буддійское писаніе, называемое „Три питака“; древне-

персидское писаніе Зороастра, называемое Зендъ-Авестою; до нѣкоторой степени китайское писаніе или „классики Конфуція“ и наконецъ обѣ части нашей библии — еврейская и христіанская; такимъ образомъ всѣхъ шесть: Браманская, Буддійская, Персидская, Китайская, Ветхій Заѣтъ и Новый Заѣтъ. „Коранъ“ или священная книга магометанъ составляетъ исключеніе изъ этого правила. Онъ, можно сказать, появился на свѣтъ внезапно. Правда онъ полонъ древне-арабскихъ народныхъ легендъ и заимствованій изъ еврейскихъ и христіанскихъ источниковъ и наименѣе оригинальная изъ всѣхъ священныхъ книгъ, но онъ не подвергался тому медленному литературному росту и постепенному превращенію, какому подвергались всѣ священныя книги. Коранъ былъ священою книгою съ самаго его зарожденія — съ зарожденія его въ головѣ и сердцѣ пламеннаго реформатора, онъ вылился въ законченную форму почти съ самаго своего появленія на свѣтъ и сразу былъ признанъ Откровеніемъ свыше. Вотъ всѣ семь великихъ священныхъ книгъ человѣчества. Изъ нихъ шесть зарождаются въ видѣ литературныхъ произведеній, вырастаютъ до значенія Св. Писаній и въ настоящее время снова возвращаются къ значенію литературныхъ произведеній. Послѣднему измѣненію конечно подлежитъ и Коранъ.

Признавшій безошибочность нашей формулы по отношенію къ какой либо одной изъ шести поименованныхъ священныхъ книгъ, долженъ будетъ признать ея безошибочность и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ; но въ каждой данной религіи вѣрно найдется только очень малое число такихъ вѣрующихъ, которые рѣшатся открыто поставить свою религію на ряду съ религіями всего человѣчества, а также признать, что законы роста, измѣне-

ній и упадка примѣнны ко всѣмъ священнымъ книгамъ, одинаково примѣнны и къ тому писанію, въ которое онъ самъ вѣритъ. Открыто принадлежать къ этому малому числу значитъ прослыть невѣрующимъ, т. е. отрицающимъ признанное Откровеніе.

Вотъ вкратцѣ содержаніе нашей общей формулы. Теперь перейдемъ къ библіи и покажемъ какимъ образомъ она проходила черезъ эти три стадіи.

I.

Происхожденіе библіи какъ литературнаго произведенія или слова человѣческаго.

Зарожденіе Ветхаго Завета въ еврейской литературѣ.

Чтобы лучше понять этотъ первый дороговой періодъ библіи, мы представимъ дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ: Моисей жилъ приблизительно за 1300 лѣтъ до Р. Х. Существовалъ ли уже Ветхій Заветъ во времена Моисея? Онъ появился только около 1000 лѣтъ послѣ его рожденія. Въ его время не было ни такъ называемаго „Закона Моисея“, ни даже „десяти заповѣдей“, и мы находимъ одни лишь зачатки того, что мы называемъ десятю заповѣдями. Существовалъ ли Ветхій Заветъ во времена Давида? Возможно, что въ его время было написано нѣсколько военныхъ пѣсней, составленныхъ во славу свирѣпаго въ сраженіяхъ Іеговы, что при немъ зародились кое-какія лѣтописи, кристаллизовались въ грубомъ сборникѣ нѣкоторые обряды, касающіеся жертвоприношенія или отправленія общественныхъ обязанностей — но и только. Спустимся же еще на 500 лѣтъ ниже, послѣ царство-

ванія Давида и посмотримъ, найдемъ ли мы Ветхій Заѣтъ уже сложившимся во время плѣненія евреевъ вавилонянами? Въ это время, скажемъ за 600 лѣтъ до Р. Х., уже было извѣстно множество литературныхъ произведеній, долженствовавшихъ въ свое время войти въ составъ еврейской библии. Въ это время появились пророки и цѣлый рядъ горячихъ реформаторовъ, во имя Іеговы проповѣдывавшихъ справедливость многимъ поколѣніямъ; они предсказывали имъ или народныя бѣдствія или могущество, — бѣдствія, когда они впадали въ идолопоклонство, могущество, какъ награду Іеговы за ихъ вѣрность — и пророчества эти иногда записывались на пергаментѣ или папирусѣ. Въ это время историки, тоже родъ пророковъ, трудились надъ собираніемъ преданій изъ прошлаго народа, преданій окруженныхъ ореоломъ сверхъестественныхъ легендъ и полныхъ отзвуковъ голоса самого Іеговы. Эти легенды и лѣтописи были, такъ сказать, первымъ изданіемъ того, что впоследствии должно было составить Пятикнижіе, книги Осія, Судей, Самуила и Царей. Въ это время мудрые люди записывали различныя изреченія (афоризмы), собранныя въ позднѣйшее время въ Книгу Притчъ. Въ это же время (600 г. до Р. Х.) поэты слагали пѣсни, вошедшія со временемъ въ Псалтырь. И въ это же время законы религіознаго культа и общественныхъ обычаевъ разрослись въ обширный сводъ предписаній. Однимъ словомъ это время было началомъ литературнаго вѣка; и однако Библия даже въ 600 г. до Р. Х. должна была выждать своего появленія на свѣтъ цѣлыхъ 200 лѣтъ.

Вавилонское плѣненіе:

Но вотъ наступаетъ время, когда еврейскій народъ уводится въ плѣнъ въ страну, лежащую на востокъ.

за пустынею, въ ту самую страну, изъ которой по преданію выселились его предки тому назадъ тысячу лѣтъ. Что же происходитъ съ нимъ въ Вавилонѣ? Плъненіе не только не заглушаетъ его влеченія къ литературѣ, но еще усиливаетъ его. Въ вынужденномъ бездѣйствіи изгнанія онъ становится созерцательнымъ, склоннымъ къ изученію. Плъненный тѣломъ, онъ остается свободнымъ духомъ: на его долю выпадаетъ тройкая свобода всякаго заключеннаго: свобода размышлений о прошломъ, самосозерцаніе и предвидѣніе будущаго, и онъ пользуется этой свободой неограниченно. Созерцаніе прошлаго принимаетъ у него форму разсказовъ о прошломъ народа, которое составили новое дополненіе къ уже написаннымъ лѣтописямъ, и очень вѣроятно, что въ это время книги Судей, Самуила и Царей получили свой настоящій обликъ. Самосозерцаніе или углубленіе въ себя выразилось въ новыхъ псалмахъ, подъ давленіемъ переживаемыхъ превратностей. временами изливавшихся въ жестокихъ взрывахъ негодованія или еще чаще глубокихъ вздохахъ, обращенныхъ къ Іеговѣ за освобожденіемъ, или же вопляхъ самобичеванія и раскаянія. Предвидѣніе будущаго вылилось въ форму пламенныхъ пророчествъ обновленнаго Іерусалима, искупленнаго народа, ошастливленнаго добрымъ Іеговой. И какъ часто случается въ тяжелые періоды отдѣльной человѣческой жизни, такъ и въ жизни Израильскаго народа плъненіе было тѣмъ временемъ, когда созрѣла его нравственная и духовная жизнь. Въ этомъ періодѣ было три великихъ пророка: Іеремія, Іезекіиль и Исаія. Іеремія—пророкъ надвигающаго мрака, окутавшаго Израиль со времени постигшаго его народнаго бѣдствія; Іезекіиль—пророкъ глубокой скорби народной, но и до него уже доходятъ лучи наступающаго утра въ видѣ свѣтлаго

сновидѣнія ; Исаія, написавшій послѣднюю часть Ветхаго Завѣта былъ пророкомъ лучезарной надежды, озарившей конецъ народнаго плѣненія. И однако къ концу плѣненія все еще не было Библии. Были только обыкновенныя книги, представлявшія собою отдѣльныя произведенія все развивающейся народной литературы.

Превращеніе Ветхаго Завѣта въ "Святое Писаніе".

Но наконецъ приближается день рожденія Библии, какъ священной книги. Приблизительно въ 450 г. до Р. Х. одинъ человѣкъ, вернувшійся въ Иерусалимъ изъ Вавилона, посѣтилъ тамъ маленькую колонію соотечественниковъ, бѣжавшихъ на свою далекую родину, какъ только они получили на это разрѣшеніе. Человѣкъ этотъ назывался „Книжникомъ Эзрой“ — (появленіе этого новаго слова „книжникъ“ — писатель показываетъ вышеупомянутый ростъ еврейской литературы). Очевидно Эзра принесъ съ собою нѣчто вродѣ конституціи для своего народа, писанную конституцію, которую онъ, замѣтьте это, назвалъ „Закономъ Моисея“. Намъ повѣствуютъ, что, стоя у желѣзныхъ воротъ Эзра собиралъ вокругъ себя многочисленную толпу слушателей и что-то читалъ имъ изо дня въ день. То, что онъ читалъ имъ, сильно взволновало несчастныхъ водворившихся въ ихъ опустошенномъ отечествѣ евреевъ. И когда по окончаніи чтенія чтецъ началъ склонять своихъ слушателей къ тому, чтобы они приняли Законъ Моисея, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, произнесли торжественную клятву заключить „союзъ и договоръ“, какъ между собою, такъ и съ Иеговой. Они не знали, что этотъ моментъ былъ началомъ возрожденія ихъ націи, но это было такъ. Израиль, какъ политическая сила, уже умеръ; теперь же наступало время истиннаго іудейства, какъ духовной силы. Начиная съ этого дня „Законъ“

стать преобразовывать всю жизнь евреевъ. До вавилонскаго плѣненія они были на половину идолопоклонниками; со времени договора Эзры они сдѣлались истинными поклонниками Іеговы, не признававшими никакого другого Бога кромѣ него, отвергавшими даже его внѣшнія изображенія. Старые идолопоклонническіе элементы всѣ были вытравлены въ Вавилонѣ, остался одинъ чистый элементъ Іеговы, который и долженъ былъ обновить весь народъ. Стоитъ запомнить годъ договора съ Эзрой — 444 г. до Р. Х. — ибо съ этого года начинается истинное іудейство.

Законъ Моисея.

Въ чемъ же заключался этотъ „Законъ Моисея“, занесенный Эзрой въ свою отчизну? По всѣмъ вѣроятіямъ онъ по существу состоялъ изъ нашего настоящаго Пятикнижія или первыхъ пяти книгъ Библии и теперь называемыхъ „книгами Моисея“ и содержалъ сказанія о сотвореніи міра, Раѣ, потопѣ и Вавилонѣ, легенды о предкахъ народа, ихъ чудесномъ избавленіи отъ ига египетскаго и въ концѣ концовъ священническія предписанія и церковный ритуаль. Во всякомъ случаѣ онъ заключалъ въ себѣ если и не все это, то самую сущность этого ритуала и церковныхъ законовъ, съ которыми вскорѣ, при потомкахъ Эзры, слились и всѣ остальные части.

Безъ сомнѣнія не мало головъ и сердцецъ потрудились надъ составленіемъ этихъ различныхъ частей, какъ первыхъ такъ и послѣднихъ. Но всѣ ранніе вклады, или изданія, какъ мы сказали бы теперь, вновь подверглись пересмотру, передѣлкѣ и сокращенію; и весь этотъ трудъ — произведеніе многихъ поколѣній — былъ отнесенъ ко времени великаго его инициатора, перваго еврейскаго зако-

нодателя, цѣликомъ былъ приписанъ Моисею, какъ его автору. Никто не зналъ его настоящихъ авторовъ и никто не заботился о нихъ; имя имъ было—легіонъ.

Необходимо было великое имя, чтобы облечь должнымъ авторитетомъ собраніе народныхъ произведеній. О литературной критикѣ въ то время конечно не было и помину, легковѣрію же народа не было предѣловъ. Такимъ образомъ на вопросъ: „кто написалъ Законъ?“ являлся отвѣтъ самъ собой. Кто же какъ не Моисей, великій законодатель Синая? А кто далъ этотъ законъ Моисею? Всемогущій Іегова — это онъ далъ его Моисею на огненной горѣ. Что могло быть естественнѣе этого — развѣ они не были „избраннымъ народомъ“ Божіимъ? И какъ мы уже сказали, это отнюдь не единственный примѣръ писаннаго закона, происхождение котораго приписывается самому божеству народа. Благодаря вѣрѣ народной слова человѣческія были возведены въ степень „слова Божія“ и съ этого момента начинается рожденіе Еврейской Библии. Его можно отнести приблизительно къ 400 г. до Р. Х.

Пророчества и рассказы (исторія)

Начинается рожденіе Библии, сказали мы, ибо до сихъ поръ были освящены лишь пять первыхъ книгъ Ветхаго Завѣта, т. е. древнѣйшія преданія и самый законъ. Что же случилось послѣ этого? Послѣ этого тому же самому превращенію подверглись и пророчества и нѣкоторыя повѣствованія. Не слышно было болѣе новыхъ пророковъ, проповѣдовавшихъ справедливость за воротами города; пророки уступили свое мѣсто книжникамъ, подобнымъ Эзрѣ, ученымъ, компиляторамъ и издателямъ. А такъ какъ Законъ сталъ неприкосновенною свя-

тынею, не подлежащую никакимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ, то ученые стали тратить избытокъ своей энергіи на компиляціи и редакцію словъ умершихъ пророковъ. Ихъ книги и рассказы также становились священными, ибо развѣ они не представляли собой отчетовъ сношеній между Іеговой и его народомъ? Для ихъ освященія одного столѣтія, вѣроятно, было достаточно. Около 300 г. до Р. Х. эти произведенія въ свою очередь были возведены въ степень „Писанія“, правда менѣе святаго чѣмъ Законъ, но во всякомъ случаѣ тоже слова Божія. Такимъ образомъ близилась къ своему рожденію и вторая часть Библии.

Книги мудрости и Псалмы.

Собственно еврейскую литературу составляла теперь лишь одна ея область — народныя пѣсни и ихъ „книги мудрости“ — т. е. ихъ притчи и философскія поэмы, а также нѣсколько вновь написанныхъ рассказовъ. На этихъ трехъ поприщахъ народное творчество не прекращалось. Большинство новаго матеріала этого времени носить на себѣ отпечатокъ священнической обработки. Исторія, напр., была передѣлкой старой исторіи въ новую, видоизмѣненной священниками въ интересахъ ихъ собственной профессіи. Ихъ переложенія находятся въ книгахъ, именуемыхъ Паралипоменонъ. Къ старымъ псалмамъ прибавилось еще множество новыхъ. Два столѣтія, слѣдовавшія за Эзрой были цвѣтущимъ періодомъ храмовой поэзіи, и книга Пѣсней, занимающая середину нашей Библии, быстро увеличивалась въ объемъ. Короче говоря, Ветхій Заветъ заканчивался составленіемъ псалмовъ, хотя книга Даніила, написанная въ 165 г. до Р. Х. и помѣщена въ концѣ послѣдняго полнаго изданія.

Священное Писаніе.

Не задержала ли, однако, самая недавность происхожденія этихъ позднѣйшихъ произведеній процессъ ихъ превращенія? Она, дѣйствительно, *замедлила* этотъ процессъ. Но постепенно и эта третья часть литературы была вознесена подобно двумъ первымъ и окрещена именемъ „Священнаго Писанія“, хотя она и заняла при этомъ низшую ступень въ ряду остальныхъ. Нѣкоторые изъ вѣйшихъ произведеній удостоились этого крещенія довольно быстро, другія же нѣтъ. Такія книги какъ Эсфирь, Пѣсни Соломона и Екклесіастъ еще долго оставались подъ сомнѣніемъ, онѣ оказались слишкомъ свѣтскими. Но наконецъ и они были признаны святыми. Этимъ и заканчивается списокъ священныхъ книгъ и прекращается самое твореніе Библии еврейскимъ народомъ. Послѣднія три или четыре поименованныя книги достигли своей высшей санкціи только послѣ начала христіанской эры. Но, исключивъ ихъ, мы можемъ сказать, что Ветхій Заветъ получилъ свою послѣднюю отдѣлку „Писанія“ лишь въ предшествовавшемъ Христу столѣтіи. Весь долгій двойной процессъ, во первыхъ, составленія его какъ произведенія литературы, а затѣмъ превращенія его въ силу народной вѣры, въ „Писаніе“, занялъ около 1200 лѣтъ.

Апокрифическія книги.

Но не всѣ произведенія еврейской литературы достигли того же значенія священныхъ книгъ. Какъ намъ извѣстно по нѣкоторымъ намекамъ въ Библии были такія древнія книги, которыя совершенно прекратили свое существованіе, отъ нихъ сохранились

развѣ одни главные ихъ пункты. А цѣлому року позднѣйшихъ книгъ, называемыхъ „Апокрифами“ — въ наше время и иногда печатаемыхъ мелкимъ шрифтомъ между обоими Завѣтами — такъ и не удалось оправдать своего прозванія „Писанія“. Кромѣ того существовали еще и такія, которымъ даже не удалось занять мѣста посреди „Апокрифовъ“. Не говоря уже о множествѣ позднѣйшихъ произведеній, развернувшихъ на протяженіи шести вѣковъ длинной туманной панорамой Тальмуда. Другими словами, нашъ Ветхій Завѣтъ, подобно всѣмъ древнимъ сохранившимся литературамъ, есть книга отстоявшая свое существованіе среди всѣхъ другихъ книгъ своего времени. Принципъ „переживанія способнѣйшаго“ неусыпно присутствовалъ при его образованіи, и немногія составляющія его книжки являются какъ бы памятниками одержанной ими побѣды.

Современные ученые.

Вотъ исторія рожденія Еврейской Библии, представленная нами въ самыхъ краткихъ чертахъ. При изложеніи нашемъ мы пользовались трудами талантливѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ ученыхъ нашего времени, такихъ ученыхъ какъ Кюнень, Вельгаузенъ и Робертсонъ Смитъ, составителей библейскаго отдѣла Британской Энциклопедіи. Они, правда, не принадлежатъ къ числу правовѣрныхъ, но они принесли не мало пользы даже самимъ правовѣрнымъ ученымъ, доказательствомъ чего можетъ служить какъ Д-ръ Бриггсъ, такъ и многіе другіе современные ученые среди евангеликовъ (реформатовъ) Германіи, Англіи и Америки.

*Зарожденіе Нового Завета, какъ произведенія
христіанской литературы.*

Христіанская Библия или Новый Заветъ, иллюстрируетъ собой тотъ же самый процессъ рожденія, но гораздо менѣе продолжительный.

Прежде всего мы отвѣтимъ на слѣдующіе вопросы.

Существовалъ ли уже Новый Заветъ послѣ смерти Иисуса, приблизительно въ 30-мъ году послѣ Р. Х.? Онъ существовалъ лишь въ памяти его учениковъ въ видѣ разказовъ и анекдотовъ о жизни ихъ Учителя.

Существовалъ ли Новый Заветъ послѣ разрушенія Иерусалима Римлянами въ 70-мъ году послѣ Р. Х.? Онъ существовалъ только въ видѣ 8 писемъ, написанныхъ Павломъ къ маленькимъ общинамъ, любившимъ его и его письма ради него самого, одного письма Якова къ его единовѣрцамъ среди евреевъ и, быть можетъ, еще другого, обращеннаго къ евреямъ вообще, а также одной части — только одной —, той огненной поэмы, въ которой изображаются гнѣвъ Мессіи и надежды на его пришествіе, называемой нами „Откровеніемъ“. Въ это же время были въ ходу мемуары (записки) о жизни Иисуса, составленные, быть можетъ, нашимъ Маркомъ и Матѳеемъ, но вѣроятно въ формѣ болѣе раннихъ изданій. Все это относится къ первому поколѣнію послѣ смерти Иисуса.

Въ какомъ же состояніи находился Новый Заветъ однимъ поколѣніемъ позже, въ 100-мъ году послѣ Р. Х.? Матѳей, Маркъ, Лука и Дѣянія Апостоловъ вѣроятно и тогда еще не достигли своей законченной формы, своей послѣдней отдѣлки.

А въ 125-мъ году послѣ Р. Х.? Въ это время уже все было готово, за исключеніемъ трехъ малень-

кихъ посланій Іоанна, второго посланія Петра и, что замѣчательно всего Евангелія, называемаго „отъ Іоанна“. Это новое повѣствованіе о жизни Іисуса — Іисуса идеализированнаго, какъ воплощеннаго Слова Божія, того мистическаго существа, въ котораго греки превратили Мессію еврейскихъ христіанъ и который въ этой мистической формѣ современемъ долженъ былъ стать Богомъ христіанскаго міра — эта новая Жизнь Іисуса, по мнѣнію многихъ новѣйшихъ ученыхъ, все еще не была написана въ 125-мъ году. Въ 150-мъ году она вѣроятно уже существовала, но была еще мало извѣстна и не выдѣлилась изъ числа всѣхъ прочихъ повѣствованій о жизни Іисуса.

Какъ предполагають. 20 лѣтъ спустя, или около 170-го года послѣ Р. Х., появилось на свѣтъ послѣднее дитя Библии, оно было окрещено именемъ „второго Посланія Петра“.

Перерожденіе Новаго Завета въ Св. Писаніе.

До этого времени всѣ эти христіанскія книги были лишь произведеніями литературы, но отнюдь не „Библией“. У первыхъ христіанъ была та же самая Библия, что и у Евреевъ, среди которыхъ возникли ихъ первыя церкви. а именно — Ветхій Заветъ. Онъ былъ ихъ единственнымъ „Писаніемъ“, ихъ единственнымъ „словомъ Божиимъ“, хотя ихъ христіанскія книги тоже читались въ церквахъ. Однако запоздавшимъ книгамъ Іоанна и Петра едва ли и возможно было явиться раньше начала преобразовательнаго процесса всѣхъ христіанскихъ книгъ.

Уже истекало второе столѣтіе. Несмотря на свое низкое происхожденіе, и наперекоръ всѣмъ гоненіямъ. молодая Церковь быстро разрослась. Пора

уже было ей сплотиться и организовать, а главное защититься против своих собственных отщепенцевъ. Эти внутреннія еретики, Гностики, были несравненно опаснѣе внѣшнихъ гонителей; ибо они неустанно фабриковали новыя Евангелія и Писанія и энергично отстаивали свои новыя ученія. Явилась новая потребность въ установленномъ списокѣ подлинныхъ книгъ, тѣхъ книгъ, которыя вышли исключительно изъ апостольской среды и къ которымъ Церковь могла бы обращаться какъ къ „Канону“ и авторитету въ дѣлахъ вѣры. Благодаря этой потребности и началось возвышеніе христіанской литературы. Все, что только могло заявить свои притязанія на апостольское происхожденіе или апостольскую санкцію, быстро поднялось въ гору и возвысилось до степени „Св. Писанія“. Въ эти дни безъ сомнѣнія достаточно было самыхъ фантастическихъ преданій и неосновательныхъ мотивовъ, чтобы за какой-нибудь книгой было признано ея апостольское происхожденіе. Ученики Христа всѣ давно умерли.

Новѣйшимъ критикамъ пришлось отмѣнить не мало постановленій втораго вѣка. Но даже и теперь еще были окончательно признаны нѣкоторыя книги, долго находившіяся подъ сомнѣніемъ, тогда какъ другія даже далеко распространенныя и давнишнія кандидаты на Библейскія почести совершенно были отвергнуты.

Трое знаменитыхъ Отцовъ Церкви, жившихъ въ концѣ втораго вѣка — Иринеи во Франціи, Тортулліанъ въ Каррагенѣ и Климентъ въ Александріи Египетской — не мало потрудились надъ составленіемъ Канона.

Но прошло еще болѣе двухъ столѣтій — это было время все возрастающаго благоговѣнія передъ христіанскимъ ученіемъ — прежде чѣмъ церковныя соборы утвердили окончательно установленные спи-

ски, и сложился Канонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣется у насъ и теперь. Такимъ образомъ народилось на свѣтъ новое „слово Божіе“.

Мы можемъ резюмировать все выше сказанное слѣдующимъ образомъ: въ теченіи 150 лѣтъ послѣ смерти Христа Новый Завѣтъ находился въ своемъ дородовомъ періодѣ литературы, и 200 лѣтъ ему нужно было для того, чтобы перородиться въ Библию.

Такимъ образомъ мы представили двѣ стадіи Ветхаго и Новаго Завѣта: первую ихъ стадію, какъ обыкновенныхъ книгъ, и вторую — ихъ процессъ превращенія въ „Святое Писаніе“.

А теперь оглянемся вокругъ насъ и вспомнимъ остальные Священные книги человѣчества; обѣ индійскія, древне-персидскую и китайскую.

ГЛАВА II.

Библия преобразовавшаяся въ Откровеніе или „Слово Божіе“.

Говорить о второмъ періодѣ Библии, какъ священной книги, дѣло не легкое: ибо неизбежно приходится затронуть какъ религію нашихъ отцовъ и самыхъ близкихъ намъ людей, такъ, быть можетъ, и нашу собственную, еще не вполне нережитую вѣру.

Когда литературное произведеніе становится священнымъ, оно превращается въ идолъ. И въ идола оно по необходимости и должно превратиться, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, въ силу того, что оно приобретаетъ значеніе буквального „Слова Божія“. Мы говоримъ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, такъ какъ самое поклоненіе такому святому предмету, какимъ во многихъ отношеніяхъ является Библия, принесло

столько же добра, сколько и зла міру. Идолы являются могучей силой въ развитіи идей и идеаловъ. Положеніе человѣка, осмѣивающаго все, часто бываетъ несравненно хуже для его собственной души, чѣмъ положеніе идолопоклонника. И если нужно немного здраваго смысла, чтобы сдѣлаться идолопоклонникомъ, нужно его еще гораздо меньше, чтобы глумиться надъ идоломъ. Кромѣ того для большинства изъ насъ все дѣло только въ выборѣ идола. Немного такихъ рационалистовъ, которые не нуждались бы въ символахъ почитаемыхъ ими предметовъ, и еще меньше такихъ, которые не обратили бы своихъ символовъ въ самые предметы почитанія вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ, какъ на простые символы — доходить же до этого и значить дѣлаться идолопоклонниками.

Поклоненіе буквъ Св. Писанія.

Итакъ „идолопоклонство“ самое подходящее слово для опредѣленія отношенія христіанъ къ Св. Писанію до самаго послѣдняго времени. Для многихъ оно остается вѣрнымъ и по сей день. Признавать книгу словомъ Божиимъ значитъ падать ницъ передъ ней въ слѣпомъ боготвореніи. Кальвинистъ, на примѣръ, въ спорахъ, возникающихъ по поводу вопроса о вѣчномъ наказаніи, всѣ усилія свои употребляетъ на то, чтобы найти точное значеніе греческаго слова *αιώνιος*, означающееся вѣчно-длящееся. Опредѣлить смыслъ этого слова для него значитъ разрѣшить весь великій вопросъ. Если католикъ пускается въ преніе съ послѣдователемъ англиканской церкви, онъ цѣпляется за единый текстъ и старается приковать къ нему и своего собесѣдника, такъ что весь споръ ограничивается одной игрой словъ. „Ты Петръ, и на семь камнѣ я создамъ

церковь мою“ (Мф. 16. 18). Эти десять словъ, какъ извѣстно, составляютъ краеугольный камень католической церкви, и она вполне довольствуется ими, чтобы основать на нихъ однихъ свои колоссальныя притязанія. Почти всѣ еретики огораживаются библейскими текстами какъ заборами, и каждое церковное вѣроисповѣданіе построено на какомъ нибудь библейскомъ изреченіи, составляющемъ его непоколебимое основаніе. По временамъ преданный намъ другъ, въ разговорѣ на глубокія темы о жизни и о смерти внезапно поражаетъ насъ какимъ нибудь стихомъ изъ Библии, чарующую силу котораго онъ направляетъ противъ насъ какъ бы для того, чтобы изгнать изъ насъ бѣса сомнѣній и незнанія. Одинъ изъ такихъ друзей однажды сказалъ намъ, — думается, что съ тѣхъ поръ онъ уже попалъ въ епископы — что еслибы оказалось, что Евангеліе отъ Іоанна дѣйствительно было написано 150 лѣтъ послѣ Р. Х., все зданіе его вѣры рушилось бы. Въ этомъ же смыслѣ и Отецъ Игнатій писалъ Макарію: „потерять вѣру въ чудесное рожденіе и буквально тѣлесное воскресеніе нашего Спасителя значило бы потерять весь душевный миръ и радость, и надежду и увѣренность въ вѣчной блаженной жизни“. И когда Д-ръ Китто, почтенный ученый и знаменитый писатель, говоритъ намъ по поводу одной изъ продѣлокъ Самсона, что мы ничего не можемъ сказать противъ этого, по той причинѣ, что Самсонъ былъ человѣкъ „уполномоченный свыше“, но что всякій другой, поступившій такимъ же образомъ, заслужилъ бы висѣлицы, когда почтенный докторъ говоритъ такимъ образомъ, онъ очевидно стоитъ на колѣнахъ передъ идоломъ. Такого рода поклоненіе буквѣ Библии господствовало среди христіанъ въ продолженіи столѣтій, и оно и до сихъ поръ еще окружаетъ насъ.

со всѣхъ сторонъ — поклоненіе же это и есть идолопоклонство.

Три степени Библиепоклонства.

Есть три степени поклоненія Христіанъ Библии или Библиепоклонства: 1) Евангелико-Протестантское. 2) Католическое, 3) Полураціоналистическое. Мы перечисляемъ ихъ по степени ихъ гнусности, ибо самое гнусное отношеніе къ Библии не католическое, а протестантское. У католиковъ есть другой идолъ, требующій отъ нихъ поклоненія — это Церковь. Для католиковъ Библия служить лишь пьедесталомъ для церкви; церковь же является, въ лицѣ своихъ священниковъ, епископовъ и папы, живымъ Богомъ на землѣ, вездѣ и всегда возвѣщающимъ и истолковывающимъ свою Святую волю, такъ что благодать божественнаго вдохновенія и откровенія постоянно изливается живительными потоками, не заставляясь въ одномъ старомъ резервуарѣ.

Вслѣдствіе этого слово Божіе никогда не бывало для католиковъ тѣмъ, чѣмъ оно стало для протестантовъ, послѣ ихъ великаго разрыва съ церковью въ XVI вѣкѣ. Но даже и благоговѣніе самихъ реформаторовъ того времени было не лишено нѣкоторой доли здраваго смысла. Такъ напр. Лютеръ посланія Якова называлъ не иначе какъ *соломеннымъ* посланіемъ и въ переводѣ своемъ онъ только нехотя прибавилъ къ нему слово Откровенія; онъ не отрицалъ также, что Библия заключаетъ въ себѣ противорѣчія и ошибки и признавалъ различныя степени божественнаго вдохновенія и въ Библии.

Непопулярность Библии.

Но когда вскорѣ послѣ того Іезуиты попытались снова завладѣть областью, отнятой у нихъ Рефор-

маціей, протестанты почувствовали необходимость твердой опоры для своей вѣры, такого рода неприступной крѣпости, которая могла бы устоять противъ всѣхъ нападений — и тогда они съ отчаяніемъ безпримѣрнымъ въ исторіи ухватились за догматъ непогрѣшимости Библии. Притязаніямъ Римской церкви на непогрѣшимость они противопоставили непреклонность откровенія Библии и „Библия, одна только Библия“ сдѣлалась лозунгомъ Реформаторской церкви.

Только къ концу XVII вѣка протестантское вѣроисповѣданіе было окончательно сформулировано и признано. Затѣмъ оно было логически разработано до абсурда, и не только главныя истины, и идеи, и факты въ немъ, но и слова; и не только слова, но и буквы, и знаки па еврейскихъ гласныхъ, и даже знаки препинанія — все это, по мнѣнію крайнихъ библиопоклонниковъ, исходило отъ Святаго Духа. Написавшіе же Библию почитались не больше чѣмъ секретарями Св. Духа, меньше того — перомъ Св. Духа, флейтами, по которымъ проходилъ звукъ его голоса.

На вопросъ, распространяется ли внушеніе Св. Духа и на грамматическія ошибки и несвойственныя языку выраженія, которыми усѣяно Писаніе — нѣкоторые отвѣчали: „да“. Другіе же находили такія мысли кощунственными и, оставляя вопросъ открытымъ, смѣло доказывали классическую чистоту плохого греческаго языка или же утверждали, что то, что кажется барбаризмомъ для ушей грековъ, можетъ и не быть барбаризмомъ для ушей Св. Духа. Подобное библиепоклонство въ наше время къ счастью больше не встрѣчается.

Полураціонализмъ.

Полураціоналистъ, церковь котораго можетъ быть названа Унитаріанской, или Универсальной, или

Свободно-Епископальной, или Либерально-Ортодоксальной, смотреть на Библию совсѣмъ съ иной точки зрѣнія. Читая Библию, онъ руководится своимъ разумомъ; онъ отличаетъ въ ней болѣе вдохновенныя мѣста отъ менѣе вдохновенныхъ, подвергаетъ ихъ испытанію своего собственнаго здраваго смысла и разсудка и затѣмъ выясняетъ себѣ значеніе этихъ болѣе вдохновенныхъ мѣстъ. Онъ толкуетъ Откровеніе до тѣхъ поръ, покуда не почувствуетъ, что можетъ признать его истинность; ибо слово Божіе должно же быть по меньшей мѣрѣ такимъ же мудрымъ, какъ и слово чело-вѣческое.

Нѣсколько поколѣній послѣ смерти Будды въ его странѣ былъ созванъ великій соборъ для того, чтобы рѣшить, какое ученіе принадлежитъ доподлинно ему и какія поддѣланы; и совѣтъ очень мудро рѣшилъ, что всѣ тѣ слова, которыя окажутся неимѣющими здраваго смысла, не должны быть признаны словами Будды. Такимъ же точно образомъ поступаютъ и многіе истинные христіане нашего времени по отношенію къ Библии. Открыто признать, что то или другое можетъ быть подлиннымъ словомъ Будды или истиннымъ ученіемъ Библии, а въ другихъ случаяхъ, что такія-то и такія-то слова лишены здраваго смысла и всякаго авторитета, значитъ сдѣлать послѣдній шагъ въ раціонализмъ, на чтѣ еще далеко не всѣ способны.

Наши полураціоналисты, напротивъ того, скорѣе склонны сдѣлать шагъ назадъ. Они похожи на членовъ другого почтеннаго совѣта, сенаторовъ Рима, собравшихся въ то время, какъ Аларихъ подступалъ къ самымъ воротамъ ихъ города, и взятіе Рима казалось неизбѣжнымъ. Смѣнилось почти три поколѣнія съ тѣхъ поръ, какъ христіанство было объявлено государственной религіей, и

еще поколѣніе послѣ того, какъ по постановленію сената съ капитолія была снята статуя богини Викторіи, какъ былъ отставленъ самъ Юпитеръ, окончательно потерявшій свое значеніе передъ судомъ безпристрастныхъ адвокатовъ, и какъ по повелѣнію императора былъ закрытъ послѣдній языческой храмъ. Но когда Аларихъ со своими дикими ордами подступилъ къ самому городу — что случилось тогда съ вѣрой римскихъ сенаторовъ и къ кому обратились они за совѣтомъ въ своемъ беспомощномъ, растерянномъ состояніи? Они обратились къ этрусскимъ прорицателямъ, къ оракуламъ ихъ старой, развѣчанной религіи. Такъ цѣпко еще въ нихъ держалось ихъ старое суевѣріе, такъ мало еще они были христіанами!

То же происходитъ и съ нашими полураціоналистами. Въ своемъ отношеніи къ Библіи они переживаютъ переходное состояніе отъ вчерашнихъ вѣрваній къ сегодняшнему раціонализму; не поклоняясь болѣе буквѣ, какъ прежде, они все же готовы при случаѣ преклониться передъ добрымъ старымъ текстомъ Св. Писанія. И въ критическія минуты, когда ихъ со всѣхъ сторонъ осаждаютъ дикіе Готы сомнѣній, или когда какою нибудь свирѣпый Аларихъ науки напишетъ противъ нихъ журнальную статью, тогда, ради мнѣнія свѣта, если не своего собственнаго, они готовы принести жертву передъ алтаремъ бывшаго кумира и поклониться ему, какъ бывало въ прежніе дни.

ГЛАВА III.

Возвращеніе Библіи въ литературу.

По недостатку времени мы не можемъ прослѣдить всего хода постепеннаго возврата Библіи, какъ священной книги, къ значенію литературнаго произведенія. Но мы можемъ дать бѣглый обзоръ этого

перехода и прежде всего замѣтимъ, что онъ происходилъ какъ путемъ здраваго смысла самого народа, такъ и окольными путями исторической критики ученыхъ. Каковы же результаты этого перехода Библии къ литературѣ? Другими словами, что представляетъ собою Библия послѣ ея перехода, Библия, разсматриваемая съ точки зрѣнія наступающаго XX вѣка? Переходъ ея происходилъ въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій, но главнымъ образомъ въ нашемъ XIX вѣкѣ, и процессъ этотъ еще далеко незаконченъ. Мало того, для большинства христіанскихъ церквей онъ еще только начинается.

Историческая критика.

Новое орудіе изслѣдованія ученыхъ, называемое „исторической критикой“, въ послѣднемъ столѣтіи примѣнялось съ удивительнымъ успѣхомъ къ изученію всѣхъ древнихъ исторій и литературъ. Благодаря этому, мы греческую исторію въ ея общихъ чертахъ теперь знаемъ больше, чѣмъ знали ее Платонъ и греческіе ученые; римскую исторію знаемъ больше, чѣмъ Цицеронъ и римскіе ученые; индусскую религію изучили лучше, чѣмъ сами туземные почитатели ея, и о еврейской исторіи и религіи знаемъ больше, чѣмъ тѣ люди, которые составляли Ветхій Заветъ 300 лѣтъ до Р. X.

Открытія, сдѣланныя съ помощью этого новаго метода, мы можемъ сравнить съ нашими познаніями объ исторіи земной коры, которыя мы приобрѣли благодаря геологіи, тоже появившейся лишь въ послѣднемъ столѣтіи. Слово „strata“ — слой, наслоеніе, плодъ — принадлежитъ въ той же мѣрѣ древнимъ литературамъ, какъ и древнимъ скаламъ. Найдено, что духовное богатство народовъ въ священныхъ книгахъ отложилось такими же насло-

ніями, какими отложилась земная кора, и что превращеніе матеріала, сохранившагося въ этихъ слояхъ, совершенно подобно тому физическому превращенію, которому подвергались каменистыя породы земли. Какъ здѣсь, такъ и тамъ мѣстами встрѣчается безпорядокъ и смѣшеніе различныхъ пластовъ — называемые „метаморфозами“ — и если возможно, то въ литературѣ они встрѣчаются еще чаще, чѣмъ въ геологій. Такимъ образомъ, результаты изслѣдованій въ обѣихъ областяхъ оказались совершенно подобными. Геологія учитъ насъ, какимъ образомъ образовалась земля, и показываетъ намъ весь процессъ ея развитія до возникновенія животной жизни; священныя же книги показываютъ намъ, какимъ образомъ слагались литературы, въ какомъ порядкѣ развивались идеи и событія и научаютъ насъ отдѣлять миѳъ и легенды отъ того, что правдоподобно и что составляетъ непреложную истину.

Пять наслоеній въ образованіи Библии.

Послѣ того, какъ упомянутый методъ изслѣдованія былъ примѣненъ къ изученію Библии — какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣтовъ — въ ней было найдено пять послѣдовательныхъ наслоеній: 1) періодъ первыхъ отрывковъ, дошедшихъ до насъ и сохранившихся въ видѣ ископаемыхъ въ позднѣйшихъ книгахъ; 2) періодъ пророческихъ писаній (отъ 800 до 500 г. до Р. Х.), содержащій большинство Ветхозавѣтныхъ сказаній (исторій) и пророчествъ; 3) періодъ священническихъ писаній (500 до 200 г. до Р. Х.), которому мы обязаны какъ главною частью Закона, такъ и большинствомъ Псалмовъ; 4) періодъ апокалиптическихъ и умозрительныхъ (спекулятивныхъ) писаній (отъ 200 г. до Р. Х.), отразившихъ міросозерцаніе евреевъ въ книгѣ, подобной книгѣ Дані-

ила, и ихъ мудрость въ нѣкоторыхъ Апокрифахъ, и 5) періодъ Новаго Завѣта, т. е. Евангелій и Посланій, написанныхъ частью по еврейски и частью по гречески (отъ 50 до 175 г. послѣ Р. Х.).

Порядокъ, въ которомъ всѣ эти писанія печатаются въ англійской Библии, вводитъ насъ въ заблужденіе относительно ихъ хронологическаго порядка. Пророки, помѣщенные въ концѣ Ветхаго Завѣта, всѣ почти были написаны до такъ называемыхъ книгъ Моисея, помѣщенныхъ въ началѣ; а въ Новомъ Завѣтѣ большинство Посланій слѣдуетъ послѣ Евангелій, тогда какъ они въ дѣйствительности имъ предшествуютъ.

На вопросъ: чтò было написано прежде всего, чтò составляетъ низшій слой Библии? мы отвѣтимъ: вѣроятно десять Заповѣдей въ ихъ наипростѣйшей формѣ, хотя и не можетъ быть сомнѣнія, что и они опирались на какія нибудь еще болѣе раннія преданія.

А чтò составляетъ послѣдній, верхній слой во всей формаціи Библии? — Второе Посланіе Петра, какъ мы уже видѣли. Весь же промежутокъ времени, отъ перваго Писанія до послѣдняго, занимаетъ 1500 лѣтъ.

Современное знаніе.

Многія изъ подробностей, приведенныхъ въ нашемъ краткомъ очеркѣ, были высказаны учеными лишь въ формѣ ихъ вѣроятныхъ предположеній, но еще отнюдь не какъ доказанные факты. Но уже настаетъ время, когда становится возможнымъ печатать Библию въ хотя бы приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ ея частей и авторовъ. Такая попытка въ настоящее время уже сдѣлана однимъ профессоромъ Епископальной богословской школы.

Фактъ этотъ доказываетъ сильно измѣнившееся направленіе умовъ. Вѣрный способъ печатанія Библии освѣтилъ бы ея истинный смыслъ и значеніе лучше всякихъ коментаріевъ.

Мы сказали, хотя бы въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ ея частей, ибо орудіе исторической критики еще ново въ рукахъ ученыхъ и, безъ сомнѣнія, было сдѣлано и еще будетъ сдѣлано не мало ошибокъ въ его примѣненіи. Кромѣ того, въ изученіи Библии остается еще много открытыхъ вопросовъ, на которые даже лучшіе мастера новаго метода даютъ противорѣчивые отвѣты. Но лучшіе мастера, какъ всѣ истинные труженики науки, всегда готовы признать свои ошибки и, если того требуетъ болѣе глубокое изученіе ихъ предмета, исправить свои собственные выводы.

Содержаніе Библии.

Спросимъ же теперь: что будетъ заключать въ себѣ Библия, печатаемая и читаемая въ XX вѣкѣ? На это XX столѣтіе отвѣтитъ: Библия не одна книга, а собраніе книгъ, родъ маленькой библіотеки, состоящая изъ различныхъ отдѣловъ. Она содержитъ въ себѣ легенды, въ которыхъ евреи воплотили свои представленія о происхожденіи міра и чело-вѣка. Она содержитъ исторію, семейныя родословныя, біографіи, своды законовъ еврейскаго народа, ритуаль въ ихъ религіознаго культа, коллекцію метрическихъ документовъ, собранія народныхъ притчъ. Она заключаетъ въ себѣ много поэтическихъ произведеній — гимны, военныя пѣсни, пѣсни любви, соболѣзнующія и ликующія національныя оды, одну или двѣ драмы, двѣ или три повѣсти и такія вещи, которыя во всякомъ другомъ мѣстѣ назывались бы баснями и правоучительными разсказами. Она со-

держитъ, наконецъ, трактаты о догматахъ вѣры, частныя письма друзей, наполненныя увѣщаніями и утѣшеніями. Вотъ все, что заключается въ этомъ произведеніи еврейской и ранней христіанской литературы, въ этой книгѣ, печатаемой на сотняхъ различныхъ языковъ, сотняхъ и тысячахъ различныхъ изданій.

Достаточно перечислить книги, входящія въ составъ Библии, чтобы видѣть, какъ они распадаются на всѣ эти различные роды литературы. Въ книгѣ Бытія, второй книгѣ Моисея, книгахъ Осія, Судей, Самуила, Царей, Паралипоменонѣ, Эзрѣ и Нееміи мы находимъ преданія и лѣтописи, біографіи и родословныя маленькой націи. Въ Новомъ Завѣтѣ Евангелія и Дѣянія Апостоловъ принадлежатъ къ этому же разряду писаній. Книги Законовъ и ритуаль религіознаго культа мы находимъ во второй книгѣ Моисея, Левитѣ, книгѣ Чисель и Второзаконіи (5-ой книгѣ Моисея). Проповѣди, рѣчи и возвышенныя оды — въ книгахъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и 12 маленькихъ Пророкахъ. Названіе книги Притчъ само говоритъ за свое содержаніе, точно также и Псалтырь (книга Пѣсней). Но только тотъ, кто со вниманіемъ читалъ Псалмы, знаетъ, какую обширную лѣстницу чувствъ содержитъ въ себѣ эта книга Пѣсней, и только кто внимательно читалъ Пророковъ, знаетъ, какая ликующая радость и какое сердцераздирающее отчаяніе порою звучатъ въ ихъ пѣсняхъ. Въ Библии есть военныя пѣсни, болѣе воинственныя, чѣмъ когда либо слагались войсками. Пѣснь любви — въ пѣсни Соломона — болѣе страстная, чѣмъ когда либо создавалась любовниками. Книга Іова — родъ торжественной драмы, быть можетъ, аллегорически изображающей жизнь народа, постигнутаго бѣдствіемъ. Экклезіастъ представляетъ жизнепониманіе свѣтскаго человѣка,

для котораго настоящее — суета, прошедшее — горькія воспоминанія, будущее — загадка; существуетъ лишь Богъ, а жизнь безнадежная игра случайностей. Руѳъ, Эсѳиръ, Иона могутъ быть названы историческими повѣстями, также какъ и Апокрифы, нѣкоторые рассказы которыхъ по своей фантастичности могутъ быть поставлены на ряду со сказками изъ „Тысячи и одной ночи“. Притчи Новаго Завѣта принадлежать къ общей категоріи басенъ. А Посланія Павла, Петра, Іоанна и другихъ — библейскія письма, написанныя на тему о догматахъ вѣры и праведной жизни.

Авторы Библии.

Теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, кто были настоящіе авторы Библии. На это XX столѣтіе отвѣтить очень коротко; авторовъ большинства писаній Библии никто никогда не зналъ, да и не будетъ знать.

Библия — произведеніе анонимное, въ собственномъ смыслѣ этого слова; мало того, она — произведеніе по преимуществу псевдонимное, т. е. такое, которое предумышленно или по недоразумѣнію приписывается ложнымъ авторамъ. Многія книги приписываются такимъ авторамъ, которые написали ихъ столько же, сколько и мы или вы. Главную характернѣйшую черту какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта составляетъ ложность обозначенія ихъ авторовъ. Пока мы не признаемъ этого факта, мы относительно Библии будемъ блуждать въ потемкахъ, и не то, что окажемся безъ руководителя, но что гораздо хуже, на каждомъ шагу будемъ слѣдовать ложнымъ указаніямъ. Эта характерная черта Библии присуща и всѣмъ священнымъ книгамъ человѣчества и не только священнымъ книгамъ человѣчества, но и

всѣмъ древнимъ литературамъ. Чтобы былъ признанъ авторъ какой нибудь книги, въ тѣ далекія времена достаточно было самаго незначительнаго благочестиваго обмана, а, можетъ быть, даже обходилось и безъ него. Безграничное легковѣріе поколѣній неграмотныхъ, ихъ неточность во всемъ, авторитетъ преданій, обаяніе великихъ именъ — все это вполне объясняетъ и извиняетъ то, что въ наше время книгопечатанія, обезпеченнаго авторскаго права и критики кажется намъ безчестнымъ и гнуснымъ.

Вліяніе великихъ именъ.

Мы уже видѣли, какъ плодъ законодательной дѣятельности нѣсколькихъ столѣтій, благодаря какому то непостижимому для насъ процессу вѣры и фикціи, всѣ собранные вмѣстѣ были отнесены къ великому имени Моисея, стоявшаго во главѣ законодателей народа 1300 лѣтъ до Р. Х. Въ такъ называемыхъ книгахъ Моисея можно различить три слоя различныхъ авторствъ, относящихся, какъ думаютъ, къ 750-му, 620-му и 450-му годамъ до Р. Х. Точно такимъ же образомъ были собраны и псалмы нѣсколькихъ столѣтій и приписаны одному имени великаго Царя Давида, стоявшаго во главѣ народныхъ пѣвцовъ (бардовъ) глубокой древности. Ученые и въ нихъ распознаютъ различные слои, вѣроятно, соотвѣтствующіе пяти книжечкамъ, соединеннымъ вмѣстѣ въ одну книгу пѣсней. Также были собраны и нравственные принципы нѣсколькихъ поколѣній и отнесены къ имени мудраго стараго Царя Соломона — книга Притчъ тоже состоитъ изъ нѣсколькихъ книжечекъ. — Моисей, Давидъ, Соломонъ — какія великія, славныя имена, и кто могъ обладать бѣльшимъ авторитетомъ въ этихъ трехъ областяхъ

закона, пѣсней и нравственныхъ принциповъ, чѣмъ они! Понятно поэтому, что каждое изъ этихъ именъ сдѣлалось какъ бы представителемъ и хранителемъ цѣлаго отдѣла народной литературы. Подобно этому, и въ Новомъ Завѣтѣ все группируется вокругъ именъ Апостоловъ и ближайшихъ къ нимъ людей, все домогается авторства Матѳея, Іоанна, Якова, Петра, Марка, Луки и Павла.

Вотъ самые выдающіеся примѣры ложныхъ обозначеній авторовъ, но и всѣ остальные части Библии также псевдонимны. Книга Даніила, приписанная герою времянь Вавилонскаго плѣненія, въ дѣйствительности была написана однимъ патриотомъ, сражавшимся въ войнѣ за независимость 400 лѣтъ спустя, но чтобы придать бѣльшій авторитетъ произведенію, его надо было признать словами древняго мученика, и потому 400 лѣтъ какъ будто и не бывало. Въ книгѣ Ісаіи большинство критиковъ распознаютъ двухъ великихъ пророковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга двумя столѣтіями. Книга, называемая книгой Захаріи, представляетъ какъ бы троицу пророковъ, три отдѣльныя лица которой принадлежать разнымъ поколѣніямъ.

Кто же учить насъ подобнымъ вещамъ? Между прочимъ, открыто учатъ насъ имъ такіе правовѣрные критики, какъ д-ръ Бриггсъ. Какимъ же образомъ узнаютъ они такія вещи? Они узнаютъ ихъ, благодаря такимъ анахронизмамъ, какіе напр. встрѣчаются въ исторіи, въ которой перемѣшаны рассказы объ американской революціи 1776 года, войны 1812 года и послѣдней великой войны 1861 года. Различныя имена и событія, относящіяся къ разнымъ эпохамъ, безъ сомнѣнія, должны изобличить неправильность ихъ сближенія.

Оцѣнка Библии.

Намъ остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ относительно библии, разсматриваемой, какъ произведение литературы. Какую цѣнность имѣетъ она въ научномъ, историческомъ, нравственномъ и богословскомъ отношеніяхъ? Были написаны цѣлыя библіотеки, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, когда онъ касался библии, какъ божественнаго откровенія. Но теперь, когда мы приступаемъ къ разсмотрѣнію ея писаній свободно и открыто, необходимость такихъ обширныхъ толкованій совершенно исчезаетъ.

Наука.

Что касается научнаго значенія библии, то пусть изоощрятся, кто хочетъ, въ согласованіи книги Бытія съ геологіей, исторіи земнаго рая съ археологіей, вавилонскаго столпотворенія съ филологіей, исторіи Ноева ковчега съ тѣмъ, что мы знаемъ о звѣряхъ и птицахъ, путешествія Іоны по морю съ тѣмъ, что намъ извѣстно о рыбахъ. Исторіи о рожденіи и воскресеніи Христа, о водѣ, претворившейся въ вино, о шести хлѣбахъ, умножившихся по его слову — не требуютъ болѣшихъ объясненій для тѣхъ, кто знакомъ съ основными положеніями физиологіи, химіи и соотношенія силъ. Мы же по-просту говоримъ: всѣ эти исторіи съ начала до конца — естественные продукты человѣческой души тѣхъ вѣковъ, въ которые они сложились, и подобныя же исторіи возникали и во многихъ другихъ древнихъ литературахъ. Вѣдь, когда мы находили ихъ внѣ библии, мы не считаемъ долгомъ вѣрить въ нихъ и согласовать ихъ съ нашими научными знаніями? Какая же разница, если мы найдемъ ихъ въ нашей биб-

ли? Эти легенды показывают намъ, во что вѣрили наши праотцы 3000 или 2000 лѣтъ тому назадъ — показываютъ намъ ихъ науку. Было бы нелѣпо, еслибъ мы отказались отъ своихъ знаній для того, чтобы признать ихъ знанія и еще болѣе нелѣпо искажать простой и наивный смыслъ ихъ знаній для того, чтобы привести ихъ въ гармонію съ нашей современной наукой, какъ это часто дѣлають правовѣрные христіана.

Исторія.

Пусть также другіе селятся согласовать тѣ историческія разногласія, какія встрѣчаются между Второзаконіемъ и Левитомъ, Царями и Паралипоменомъ, между Евангеліями отъ Матѳея и отъ Іоанна. Мы же, читающіе всѣ эти писанія, какъ произведенія литературныя, знаемъ, что въ исторіяхъ, сложившихся на протяженіи цѣлыхъ поколѣній и столѣтій такія противорѣчія неизбѣжны.

Нравственность.

Въ нравственномъ отношеніи мы также не обязаны почитать Давида человѣкомъ, угоднымъ Богу нашего сердца, ни превозносить 136-го псалма или плохого 5-го стиха прекраснаго 22-го псалма. Намъ не нужно оправдывать двойственности Бога по отношенію къ Египтянамъ, ни его жестокости къ Ханаанитянамъ, выразившейся напр. въ стихѣ „такъ говоритъ Господь“, обращенномъ къ его избранному народу, ни жестокости, въ тысячу разъ болѣе утонченной, Создателя, сотворившаго людей, предназначенныхъ наследовать вѣчныя муки, если только въ библии дѣйствительно гдѣ нибудь утверждаются подобные ужасы. Намъ

не нужно признавать общепринятого догмата о спасеніи міра черезъ намѣстника Бога, догмата, скрывающаго въ себѣ такое глумленіе надъ нравственностью, если только этотъ догматъ по справедливости приписывается Павлу, знакомому съ древнимъ обычаемъ жертвоприношеній. Когда мы читаемъ подобныя вещи, мы только спрашиваемъ: какія болѣе наглядныя доказательства, какъ ни эту жестокость, эту безнравственность, можно было бы выставить въ пользу того, что библія не есть божественное откровеніе, но есть произведеніе человѣческой литературы? Вѣдь мы не дѣлаемъ отвѣтственнымъ нашего Бога за все то зло, которое творится во имя божества другихъ религій или древнихъ литературъ. А потому, мы не должны сваливать на Бога и тѣхъ злыхъ дѣлъ, которыя оправдываются въ библіи. Рабство, полигамія, жестокія войны, убійство, сжиганія колдуновъ, религіозныя преслѣдованія, невоздержность, угнетенія женщинъ— все это не разъ оправдывалось библейскими текстами. А что можетъ быть естественнѣе такого оправданія, если библейское, „такъ говоритъ Господь,“ — ничто иное какъ отголосокъ еврейской совѣсти.

Богословіе.

Послѣ того, какъ библія снова получила для насъ значеніе литературнаго произведенія, мы избавились еще отъ одного „акта вѣры“, обязательнаго для вѣрующихъ въ святость библіи. А именно: мы болѣе не обязаны разсматривать книги Моисея, Пророковъ, Евангелія и Посланія, какъ изложенія, одного и того же ученія о Богѣ, намъ не нужно признавать одного и того же ученія о Христѣ въ такихъ различныхъ изображеніяхъ Христа, какъ въ Пророкахъ, первыхъ трехъ Евангеліяхъ, у Павла и

въ четвертомъ Евангеліи. Говорятъ о единствѣ библіи. Да, она дѣйствительно имѣетъ единство — но это единство роста, то единство, которое имѣетъ и розовый кустъ въ мартѣ, въ апрѣлѣ и юнѣ, или какое имѣетъ пятилѣтній ребенокъ, наивный, невѣжественный, необдуманый, и пятидесятилѣтній человекъ, болѣе мудрый и самоувѣренный, но все же невѣжественный и несовершенный! Какимъ образомъ библія могла бы быть послѣдовательной въ своемъ ученіи о Богѣ, когда она начинается намеками на Бога-солнца, которому воздавались человѣческія жертвы и кончается Отцомъ Небеснымъ, требующимъ самоотреченія и избавленія отъ грѣха. Какимъ образомъ ея ученіе о Христѣ могло бы быть послѣдовательнымъ въ самомъ себѣ, когда она начинается страстными упованіями на появленіе среди ихъ народа Царя-героя, освободителя отъ чужеземнаго ига, и восходя до пониманія Христа Павломъ, какъ божественнаго намѣстника на землѣ, кончается пониманіемъ Іоанна, по которому Христосъ является по отношенію къ Богу тѣмъ же, чѣмъ является слово по отношенію къ душѣ, изъ которой оно исходитъ — выраженіемъ души Бога!

Резюмируя все сказанное о цѣнности библіи, мы вкратцѣ отвѣтимъ на слѣдующіе вопросы: какое значеніе имѣетъ библія въ научномъ отношеніи? Никакого. Въ историческомъ отношеніи? Такое же значеніе, какое имѣютъ всѣ древнія лѣтописи, обыкновенно смѣшивающія преданія, легенды и мифы съ дѣйствительными фактами, т. е. большое значеніе, когда они подвергаются критикѣ и анализу, и ничтожное безъ этого. Въ нравственномъ отношеніи? Она увѣковѣчиваетъ въ себѣ, какъ величайшія подлости, такъ и величайшіе подвиги праведности. Въ богословскомъ отношеніи? Она показываетъ постепенное развитіе болѣе возвышеннаго

пониманія Бога еврейскаго народа. И такъ, можетъ ли библія служить послѣдней рѣшающей инстанціей въ религіи, или какихъ бы то ни было другихъ вопросахъ жизни?

Библія — исторія религіозной эволюціи.

Исторія постепеннаго развитія болѣе высокой нравственности, болѣе возвышеннаго пониманія Бога, — вотъ что представляетъ собою библія. Для того, кто читаетъ ее, какъ произведеніе литературы, она есть ничто иное, какъ духовная автобіографія народа, могущаго быть названнымъ самымъ религіознымъ народомъ древняго міра, въ томъ же смыслѣ, и, конечно, только въ этомъ одномъ, въ какомъ и Греція почитается самой передовой націей древности въ отношеніи науки и искусства, или Римъ въ отношеніи закона и государственнаго строя; духовная автобіографія этого народа съ самаго его дѣтства и до того момента, когда онъ созрѣлъ для новой религіи, зародившейся въ его же собственныхъ вѣдрахъ, но вслѣдъ затѣмъ выступившей изъ тѣсныхъ предѣловъ одной націи и занявшей болѣе обширное мѣсто въ великой жизни всего міра.

Библія — духовная біографія народа, написанная имъ самимъ. Другими словами — книга человѣческая въ истинномъ смыслѣ этого слова, и именно потому, что она книга человѣческая — она никогда не умретъ. Она не умретъ, потому что заключаетъ въ себѣ всю обширную лѣстницу человѣческихъ страстей, начиная съ низшей и кончая наивысшей, что она изображаетъ, какъ Бога дикаря, такъ и Бога Христа, что она выражаетъ, какъ ненависть, такъ и любовь, проклятія, какъ и молитву, сомнѣнія, какъ и вѣру; воли и аллилуйи. пѣсни любви и пѣсни войны, гимны и крики раскаянія, мифы и ле-

генды и исторію. Она — настольная книга, какъ еврейскаго домашняго очага, улицы, рынка и двора, также точно и еврейскаго храма, и при всей своей свѣтскости она все таки остается религіозной книгой — Божествомъ народа, благороднымъ или неблагороднымъ, жестокимъ или милосерднымъ, но всегда присутствующимъ. И именно потому, что она содержитъ въ себѣ все безконечное разнообразіе человѣческаго опыта, что она, словомъ, есть „Литература“, она навсегда сохранитъ свою неизмѣнную цѣнность, тогда какъ мысль о ея значеніи какъ „Откровенія“ — какой бы великой она ни была въ прошломъ — со временемъ будетъ вызывать такую же улыбку, какъ и рассказы объ ископаемомъ зубѣ Будды, слѣдахъ дьявола на скалѣ или свящ. треножникѣ Дельфійскаго оракула. Разсматриваемая, какъ 1500 лѣтняя литература народа, она развертываетъ передъ нами самую послѣдовательную и поразительную картину религіозной эволюціи, какую когда либо представляла исторія. И потому, она ничему такъ не научаетъ насъ, какъ естественности и прогрессивности религіи. Мало по малу, мы научаемся смотрѣть на библію, какъ на типичнѣйшій примѣръ и вмѣстѣ съ тѣмъ непреложнѣйшее свидѣтельство „натуральной религіи“; и такимъ образомъ, какъ бы странно это ни казалось намъ, особенно если мы вспомнимъ ея прошлое, библія, вернувшись къ значенію литературы, сдѣлается наилучшимъ цѣлебнымъ средствомъ противъ безвѣрія и противоядіемъ противъ ханжества.

Боговдохновеніе.

Въ чемъ же тайна великихъ, проникающихъ въ нашу душу, словъ? Они обладаютъ авторитетомъ,

покоряющимъ нашу душу. А почему? Потому что заключаютъ въ себѣ истину. Истину, внушенную, или открытую намъ Богомъ? Нѣтъ, если вопросъ этотъ ставить въ узкомъ смыслѣ, подразумѣваемымъ подъ „открытой намъ истиной“ только одну Библию. Да, если подъ „открытой намъ истиной“ разумѣть всякую истину и всякую красоту, гдѣ бы онѣ ни проявились въ людяхъ, какъ слово Божіе. Несомнѣнно одно: какъ бы святы ни были уста, произносящія какія нибудь слова, они не въ силахъ придать этимъ словамъ авторитета истины; одна только истина можетъ дать словамъ тотъ авторитетъ, который они сами носятъ въ себѣ, и можетъ освятить тѣ уста, которыя произносятъ эти слова. Цѣль книги или учителя не въ томъ, чтобы открыть намъ объективную истину, но въ томъ, чтобы пробудить въ насъ стремленіе и способность увидѣть эту истину собственными глазами. Необходимо вдохновеніе, чтобы воспринять вдохновеніе. И мы охотно признаемъ боговдохновенными тѣ писанія и тѣхъ людей, которые пробуждаютъ въ насъ самихъ это божественное вдохновеніе.

*Потеряла или вытрила Библия въ своемъ значеніи
послѣ ея возвращенія къ литературѣ?*

На этомъ мы покончимъ нашъ историческій очеркъ. И такъ, свящ. книги проходятъ черезъ три стадіи своего развитія. Въ первой стадіи они медленно нарождаются въ формѣ народной литературы; во второй — онѣ приобрѣтаютъ значенія „Откровенія“ и руководятъ цѣлыми поколѣніями въ качествѣ „слова Божія“; въ третьей — они снова возвращаются къ значенію литературы, занимая на ряду съ другими свящ. книгами мѣсто въ великой литературѣ всего человѣчества.

Скажемъ ли мы, что Библия XX вѣка въ общемъ что-нибудь выиграетъ или потеряетъ? Намъ кажется, что случай, бывшій съ молодымъ Лютеромъ, предсказываетъ намъ судьбу христіанства. Говорятъ, что, когда ему было уже 20 лѣтъ, онъ еще не видалъ ни одной Библии. Онъ зналъ ее только по тѣмъ отрывкамъ, которые читались во время богослуженія въ католическихъ церквяхъ. Но однажды, уже будучи ученикомъ колледжа въ Эрфуртѣ, онъ замѣтилъ полную Библию на книжной полкѣ библіотеки — и, можно сказать, въ этотъ день изъ каменоломни былъ извлеченъ краугольный камень для протестантизма. Подобно этому, многіе изъ насъ знаютъ Библию лишь по тѣмъ переложеніямъ и толкованіямъ, которымъ насъ учатъ въ дѣтствѣ. Но, если мы всѣхъ ихъ оставимъ въ сторонѣ и съизнова и безъ предубѣжденія примемся за чтеніе Библии, какъ литературнаго произведенія, тогда только въ первый разъ мы *откроемъ* Библию, столько силы, истины и красоты увидимъ мы въ ней! Какъ „Откровеніе“ она служитъ символомъ всей мѣры Божьяго милосердія къ людямъ. Какъ литературное произведеніе, она становится свидѣтельствомъ и иллюстраціей еще бѣльшей, еще полнѣйшей мѣры того же милосердія къ намъ Бога, ибо мы узнаемъ изъ нея, что „тѣ два источника, изъ которыхъ беретъ свое начало Библия во вѣкъ не изсякнутъ въ жизни — это совѣсть человѣка и духъ Божій.“

БИБЛІОГРАФІЯ.

1. *Л. Н. Толстой*, **Что такое Искусство?** Изданіе „Посредника“. Москва. 1898. Цѣна 50 коп. — Сочиненіе это, о достоинствахъ котораго мы здѣсь не считаемъ нужнымъ говорить, печаталось, какъ извѣстно, въ московскомъ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“ и затѣмъ вышло отдѣльно въ изданіи „Посредника“. Къ сожалѣнію, это изданіе настолько искажено свѣтской и духовной цензурой, что авторъ счелъ нужнымъ къ англійскому изданію этой книги сдѣлать слѣдующее предисловіе:

* * *

Книга моя „Что такое искусство?“ выходитъ теперь въ первый разъ въ ея настоящемъ видѣ. Она вышла въ Россіи въ нѣсколькихъ изданіяхъ, но во всѣхъ въ такомъ изуродованномъ цензурою видѣ, что я прошу всѣхъ тѣхъ, кого интересуютъ мои взгляды на искусство, судить о нихъ только по книгѣ въ ея настоящемъ видѣ. Напечатаніе же книги въ изуродованномъ видѣ съ моимъ именемъ произошло по слѣдующимъ причинамъ. Сообразно уже давно принятому мною рѣшенію не подчинять свои писанія цензурѣ, которую я считаю безнравственнымъ и неразумнымъ учрежденіемъ, а печатать

ихъ только въ такомъ видѣ, въ которомъ они написаны, я намѣревался печатать книгу эту только заграницей, но мой хорошій знакомый, профессор Гротъ, редакторъ московскаго психологическаго журнала, узнавъ о содержаніи моей работы, просилъ меня напечатать книгу въ его журналѣ. Гротъ обѣщаль мнѣ провести статью черезъ цензуру въ ея цѣлости, если я только соглашусь на самыя незначительныя измѣненія, смягчающія нѣкоторыя выраженія. Я имѣлъ слабость согласиться и кончилось тѣмъ, что вышла книга, подписанная мною, изъ которой не только исключены нѣкоторыя существенныя мысли, но и внесены чуждыя и даже совершенно противныя моимъ убѣжденіямъ мысли.

Произошло это такимъ образомъ. Сначала Гротъ смягчалъ мои выраженія, иногда ослабляя ихъ, напр. замѣнялъ слова „всегда“ — словами „иногда“; слова „всѣ“ — словами „нѣкоторые“; слова „церковное“ — словами „католическое“; слово „Богородица“ — словомъ „Мадонна“; слово „патріотизмъ“ — словомъ „лжепатріотизмъ“; слово „дворцы“ — словомъ „палаты“ и т. п. И я не находилъ нужнымъ протестовать. Когда же книга была уже вся отпечатана, потребовано было цензурой замѣнить, вымарать цѣлыя предложенія, и вмѣсто того, что я говорилъ о вредѣ земельной собственности, поставить вредъ безземельнаго пролетаріата. Я согласился и на это и еще на нѣкоторыя измѣненія. Думалось, что не стоитъ разстраивать все дѣло изъ за одного выраженія. Когда же допущено было одно измѣненіе, не стоило протестовать и изъ за другого, изъ за третьяго. Такъ понемногу вкрались въ книгу выраженія, измѣнявшія смыслъ и приписывающія мнѣ то, чего я не могъ желать сказать. Такъ что, когда книжка кончилась печатаніемъ, уже нѣкоторая доля ея цѣльности и искрен-

ности была вынута изъ нея. Но можно было утѣшаться тѣмъ, что книга и въ этомъ видѣ, если она содержитъ что нибудь хорошее, принесетъ свою пользу русскимъ читателямъ, для которыхъ, въ противномъ случаѣ, она была бы недоступна. Но дѣло было не такъ. *Nous comptions sans notre hôte.* Послѣ установленнаго по закону четырехдневнаго срока книга была арестована и по предписанію изъ Петербурга сдана въ духовную цензуру. Тогда Гротъ отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, и духовная цензура хозяйничала въ книгѣ уже какъ ей было угодно. Духовная же цензура есть одно изъ самыхъ невѣжественныхъ, продажныхъ, глупыхъ и деспотическихъ учрежденій въ Россіи. Книги, несогласныя въ чемъ нибудь съ религіей, признанной за государственную въ Россіи, попадающія туда, почти всегда воспрещаются вовсе и сжигаются, какъ это было со всѣми моими религіозными сочиненіями, печатанными въ Россіи. Вѣроятно, книгу эту постигла бы та же участь, если бы редакторы журнала не употребили всѣхъ средствъ для ея спасенія. Результатомъ этихъ хлопотъ было то, что духовный цензоръ, священникъ, вѣроятно интересующійся искусствомъ столько же, сколько я богослуженіемъ, и столько же въ немъ понимающій, но получающій хорошее жалованье за то, чтобы уничтожать все то, что можетъ не понравиться его начальству — вычеркнулъ все, что ему показалось опаснымъ для его положенія, и замѣнилъ, гдѣ нашелъ это нужнымъ, мои мысли своими, такъ напр. тамъ, гдѣ я говорю о Христѣ, шедшемъ на крестъ за исповѣдуемую имъ истину, цензоръ вычеркнулъ это и поставилъ „за родъ человѣческой“, т. е. приписалъ мнѣ такимъ образомъ утвержденіе догмата искупленія, который я считаю однимъ изъ самыхъ невѣрныхъ и вредныхъ церковныхъ догматовъ. Исправивъ

все такимъ образомъ, духовный цензоръ разрѣшилъ печатать книгу.

Протестовать въ Россіи нельзя: ни одна газета не напечатаетъ; отнять у журнала свою статью и тѣмъ ввести редактора въ неловкое положеніе передъ публикой тоже нельзя было.

Дѣло такъ и осталось. Появилась книга, подписанная моимъ именемъ, содержащая мысли, выдаваемые за мои, но не принадлежащія мнѣ.

Я отдалъ свою статью въ русскій журналъ для того, чтобы, какъ меня убѣждали, мысли мои, которыя могутъ быть полезными, были усвоены русскими читателями — и кончилось тѣмъ, что я подписалъ свое имя подъ сочиненіемъ, изъ котораго можно заключить, что я совершенно произвольно утверждаю противныя общему мнѣнію вещи, не приводя доказательствъ, что я считаю только лжепатріотизмъ дурнымъ, а патріотизмъ вообще, считаю очень хорошимъ чувствомъ, что я отрицаю только нелѣпости католической церкви и не вѣрю только въ Мадонну, а вѣрю въ православіе и Богородицу, что считаю всѣ писанія евреевъ, соединенныя въ библіи священными книгами и главное значеніе Христа вижу въ его искупленіи своей смертью рода человѣческаго.

Я такъ подробно рассказалъ всю эту исторію потому, что она поразительно иллюстрируетъ ту несомнѣнную истину, что всякій компромиссъ съ учрежденіемъ, не согласнымъ съ вашей совѣстью — компромиссъ, который дѣлается обыкновенно въ виду общей пользы — неизбѣжно затягиваетъ васъ, вмѣсто пользы, не только въ признаніе законности отвергаемаго вами учрежденія, но и въ участіе въ томъ вредѣ, который производитъ это учрежденіе.

Я радъ, что хотя этимъ заявленіемъ могу испра-

вить ту ошибку, въ которую я былъ вовлеченъ своимъ компромиссомъ.

Левъ Толстой.

17 Марта.

* * *

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашего сборника мы надѣемся напечатать всѣ пропущенныя и искаженныя цензурой мѣста этого сочиненія.

Ред.

2. Голодь или не голодь? статья Л. Н. Толстого, помѣщенная въ газетѣ *Русь* № 4 и 5 отъ 2 и 3-го Юля 1898 года.

Какъ всегда бываетъ со статьями Л. Н. Толстого, печатаемыми въ Россіи, и эта статья появилась съ значительными пропусками; но не смотря на это, такъ называемое „смягченіе“, газета *Русь* подверглась наказанію за напечатаніе этой статьи, получивъ „первое предостереженіе“.

Вотъ болѣе существенные пропуски, сдѣланныя въ видахъ цензуры:

Разсуждая о причинахъ народной бѣдности, Л. Н. указываетъ какъ на главную — на угнетенное состояніе народнаго духа и между прочимъ говорить:

„Такъ въ самомъ важномъ религіозномъ отношеніи каждый крестьянинъ не чувствуетъ себя свободнымъ членомъ своей церкви, свободно избравшимъ или, по крайней мѣрѣ, свободно признавшимъ исповѣдуемую имъ вѣру, а работъ этой церкви, обязаннымъ безпрекословно исполнять тѣ требованія, которыя ему предписаны его религіозными начальниками, присланными къ нему и поставленными независимо отъ его желанія,

или выбора. То, что это есть важная причина подавленнаго состоянія народа подтверждаетъ то, что всегда, вездѣ, какъ только крестьяне освобождались отъ деспотизма церковнаго, впадая, какъ это называется, въ секту, такъ тотчасъ-же поднимался духъ этого народа, и тотчасъ-же безъ исключенія, устанавливалось и экономическое благосостояніе его.“

Эти слова въ газетной статьѣ совершенно отсутствуютують.

Далѣе замѣчаемъ пропускъ, вслѣдствіе котораго значительно пострадало содержаніе нижеприводимаго отрывка; для большей ясности мы печатаемъ его въ полномъ видѣ:

„Отвѣтъ же мой на третій вопросъ — какъ сдѣлать, чтобъ нужда эта не повторялась, состоитъ въ томъ, что для этого нужно, не говорю уже уважать, а перестать презирать, оскорблять народъ обращеніемъ съ нимъ, какъ съ животнымъ, нужно дать ему свободу исповѣданія, нужно подчинить его общимъ, а не исключительнымъ законамъ, а не произволу земскихъ начальниковъ; нужно дать ему свободу ученія, свободу чтенія, свободу передвиженія и, главное, снять то позорное клеймо, которое лежитъ на прошломъ и теперешнемъ царствованіи — разрѣшеніе дикаго истязанія, сѣченія взрослыхъ людей только потому, что они числятся въ сословіи крестьянъ.“

„Еслибъ мнѣ сказали: вотъ ты хочешь добра народу, выбирай одно изъ двухъ: дать-ли всему разоренному народу на дворъ по 3 лошади, по 2 коровы и по 3 навозныя десятины, и по каменному дому, или только свободу вѣроисповѣданія, обученія, передвиженія и уничтоженія всѣхъ специальныхъ законовъ для крестьянъ, то не колеблясь я выбралъ

бы второе, потому что убѣжденъ, что какими-бы матерьяльными благами ни одѣлить крестьянъ, если только они останутся съ тѣмъ же духовенствомъ, тѣми-же приходскими школами, тѣми-же казенными кабаками, той-же арміей чиновниковъ, мнимо озабоченныхъ ихъ благосостояніемъ, то они черезъ 20 лѣтъ опять проживутъ все и останутся такими-же бѣдными, какими были. Если-же освободить крестьянъ отъ всѣхъ тѣхъ путъ и униженій, которыми они связаны, то черезъ 20 лѣтъ они приобрѣтутъ всѣ тѣ богатства, которыми мы бы желали наградить ихъ и гораздо еще больше того.“

Въ послѣдней части статьи пропущено слѣдующее:

„Правительство, напротивъ, только затѣмъ и существуетъ, чтобы устранять все то, что мѣшаетъ этой помощи. Такъ что правительство не имѣетъ никакого основанія для противодѣйствія такой дѣятельности. Если-же ложно направленные органы правительства и требовали-бы подчиненія такому воспрещенію, частный человекъ обязанъ не подчиниться такому требованію. Когда приѣзжавшій къ намъ становой приставъ сказалъ, что что-же мнѣ стоитъ обратиться къ губернатору съ просьбой о разрѣшеніи устройства столовыхъ, я отвѣтилъ ему, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ не знаю такого законоположенія, которымъ запрещалось-бы устройство столовыхъ, а если-же и было-бы такое, то я не могъ-бы подчиниться ему, потому что подчинившись такому законоположенію, я завтра могъ-бы быть поставленъ въ необходимость подчиниться запрещенію выдачи муки, подачи милостыни, безъ разрѣшенія правительства. Право-же подавать милостыню уста-

новлено самую Высшею Властью и никакая другая
власть не может отмѣнить его.“

* * *

Въ непродолжительномъ времени мы надѣмся
выпустить эту статью отдѣльнымъ изданіемъ.

Ред.

Періодическій сборникъ
„СВОБОДНОЕ СЛОВО“

будеть издаваться по слѣдующей программѣ :

1. **Передовыя статьи.** Обсужденіе важнѣйшаго, съ христіанской точки зрѣнія, событія въ данное время во внутренней жизни націи или событій политическихъ, международныхъ. Общія замѣчанія, касающіяся настоящаго номера сборника.
2. **Статьи, посвященныя спеціальнымъ вопросамъ** о свободѣ совѣсти и печати, о воинской повинности, о значеніи государства и церкви, о жизни рабочаго и привилегированнаго класса, вопросы экономическіе.
3. **Государственныя, церковныя и экономическія явленія** и скрываемаыя преступленія во всѣхъ государствахъ, въ особенности въ Россіи.
4. **Религіозныя и соціальныя движенія** разныхъ временъ и народовъ.
5. **Религіозная наука.** Происхожденіе священныхъ книгъ. Описаніе различныхъ религій и философскихъ системъ въ простомъ, общепонятномъ изложеніи.
6. **Художественный отдѣлъ.** Критика современнаго искусства. Указанія на выдающіяся движенія въ этой области. Замѣчательныя произведенія всемірнаго искусства.
7. **Беллетристика,** оригинальная и переводная, рассказы, стихотворенія, очерки, путевыя замѣтки и проч. (не могущія, по цензурнымъ условіямъ, быть напечатанными въ Россіи).
8. **Библіографія.** Указаніе хорошихъ и вредныхъ книгъ.
9. **Нравственная гигиена:** физическій трудъ; вегетаріанство; половой вопросъ.
10. **Вопросы и отвѣты.** Обмѣнъ мыслей съ читателями.

Адресъ редакціи : Paul Biriukoff. Purleigh, Essex, England.

ИЗДАНИЯ ВЛАДИМИРА ЧЕРТКОВА :

	Цѣна:
1. Напрасная Жестокость. <i>В. Черткова</i>	20 к.
2. Голосъ Древней Церкви въ Защиту Свободы Вѣры . <i>И. Трегубова.</i>	12 —
3. Помогите! Обращеніе къ обществу по поводу гоненій на кавказскихъ духоборовъ, составленное <i>П. Бирюковымъ, И. Трегубовымъ и В. Чертковымъ.</i>	12 —
4. Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 году и необходимыя средства облегченія ихъ участи <i>П. Бирюкова и В. Черткова.</i>	20 —
5. Письма Петра Васильевича Ольховина, отка- завшагося отъ воинской повинности въ 1895 году, письмо Л. Н. Толстого и другія свѣдѣнія, отно- сящіяся къ этому дѣлу	40 —
6. Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? . . . <i>Л. Н. Толстого.</i>	12 —
7. Приближеніе Конца <i>Его-же</i>	12 —
8. Объ отношеніи къ госу- дарству. <i>Его-же</i>	20 —
9. Царство Божіе внутри васъ. <i>Его-же</i>	1 р.
10. Христіанское ученіе <i>Его-же</i>	50 к.
11. Гдѣ братъ твой? <i>В. Черткова.</i>	20 —
12. Голодъ или не Голодъ? . <i>Л. Н. Толстого.</i>	10 —

Готовится серія изданій всѣхъ послѣднихъ писаній
Л. Н. Толстого.

Адресъ редакціи:
V. Tchertkoff, Publisher.
Purleigh, Essex, England.